

**А. Г. Грязнова
Н. И. Кротов**

Неоконченные беседы с Мэтром

2022
Москва
Экономическая летопись

УДК 336.71 (094.91)

ББК 65.262

Г85

Грязнова А. Г., Кротов Н. И.

Г85 Неоконченные беседы с Мэтром. — М. Экономическая летопись, 2022. Литературная серия «Герои нашего времени». — 152 с.

Неформальная беседа о жизни летописца Николая Кротова с одной из самых ярких фигур в нашей финансовой истории, почётным президентом Финансового университета при Правительстве РФ Аллой Георгиевной Грязновой. Правдивость повествования подтверждают свидетельства коллег, подборки статей из периодической печати.

К 85-летию А. Г. Грязновой.

Все права защищены. Любая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Кротов Н. И., Грязнова А. Г., текст, 2022

© АНО «Экономическая летопись»,
оформление и макет, 2022

ОПРАВДАНИЕ КАК ФОРМА ПРЕДИСЛОВИЯ

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации имел за свою чуть более чем 100-летнюю историю пять названий. Только одно из наименований — академия — было женского рода.

За новую историю существования университета, т. е. со времени создания в 1946 году Московского финансового института, у него было пять ректоров. Одной из них была дама — Алла Георгиевна Грязнова. Она руководила институтом, а потом академией 21 год (1985–2006 гг.)! Причём на её долю достались, пожалуй, самые сложные и судьбоносные для страны и вуза годы.

Все интеллигентные люди знают, что книгу «Пушкин в жизни» написал Викентий Вересаев. Все интеллектуалы понимают, что Викентий Викентьевич эту книгу не писал. Что не умаляет достоинств автора. Он придумал новый формат литературной работы — как может показаться далёким от работы за письменным столом людям, очень лёгкий — вооружись ножницами и клеем и кромсай чужие мемуары, расставляя цитаты в задуманном тобой порядке.

В начале 2000-х годов я имел наглость придумать новый жанр, вдохновил меня на это всё тот же новатор. Вот только из-за того, что резать было нечего — о моих героях полноценных мемуаров создать ещё не успели — надо было самому опрашивать очевидцев. Во время такой работы над книгой создаётся кооперация героев и авторов, когда сложно определить, кто здесь кто. Так появились первые «эмоциональные хроники» жизни Виктора Владимировича Герашенко. За ними были и другие... Среди моих героев было много учеников А. Г. Грязновой и птенцов из одного гнезда — Московского финансового института.

Эту книгу мы с Аллой Георгиевной задумали давно, однако личные обстоятельства — то одного из нас, то другого — откладывали из года в год окончание этой работы. Книга так и осталась «Неоконченной пьесой...», хотя, казалось бы, требуется ещё один последний рывок, и вот он — финиш.

Это неуклюжее оправдание того, что перед читателем не завершённая книга, а только подходы к ней, небольшая часть собранного совместно материала.

Но есть и ещё одна причина, лучше объясняющая сложившиеся обстоятельства. Каждый, наверное, переживал после неких встреч ощущение *ненаговорённости*, когда ты воодушевлён произошедшим, порой многочасовым разговором, и в то же время чувствуешь неудовлетворение — столько ещё хотелось сказать, а ещё больше услышать!

Такое чувство и возникло у меня от встреч с Аллой Георгиевной Грязновой, и я рад, что у нас есть возможность попробовать *наговориться*.

Николай Кротов, с любовью.

МОЁ СЧАСТЛИВОЕ ДЕТСТВО

Крот истории: *«1937 год — знаковый год для нашей страны. С одной стороны, „ежовщина“, с другой — трудовой энтузиазм, ощущение, что „нам нет преград ни в море, ни на суше!“*

Последний год второй пятилетки — фактически каждый день идут сообщения о запуске новых заводов, фабрик, открытии домов культуры и стадионов.

Вся страна, да и без преувеличения, весь мир, следят за приключениями „папанинцев“ — четвёрки отважных советских полярников на дрейфующей льдине. И тогда же происходит героический беспосадочный перелет команды Валерия Чкалова через Северный полюс в Америку. С какой гордостью мы будем вскоре смотреть советские фильмы об этих подвигах.

И вот наряду с этими историческими событиями в простой московской семье Мухиных тоже происходит счастливое событие — 27 ноября рождается первенец — дочь Аллочка».

Фундамент. Мои предшественники, мои родители

Я, к сожалению, мало знаю о своих предках. В те годы было небезопасно рыться в своей родословной. Неизвестно, что найдёшь! И родители делали всё, чтобы у нас не появилось ненужного интереса. Вот и я обнаружила свидетельство своего деда по матери Ивана Григорьевича Рощина (которого я не застала). Выяснилось, что служил он в полку «лейб-гвардии Ея Императорского Величества» и был «уволен в первобытное состояние по месту своего жительства» в 40 лет. Современный аналог «первобытного состояния» — «в запас», а слово «первобытное» — синоним слову «изначальное». Видимо, из-за этого

деда, не рабоче-крестьянского происхождения, и старались не распространяться о наших предках мои родители.

Дедушка умер в начале 1930-х годов. Он вышел во двор, чтобы на рубить дров (отопление в доме было печным), поднял топор и его поразил инсульт.

Мама — Екатерина Ивановна (1911 года рождения) — была москвичкой (у неё было четверо сестёр и братьев).

Папа — Георгий Петрович Мухин (1911 года рождения) — жил когда-то в деревне Крылатцкое Кунцевского района. Кунцево, хотя и стало в 1926 году городом, имело тогда вид большого села.

Крот истории: *«Точнее, это был небольшой подмосковный город, со всех сторон окружённый деревнями и сёлами со столь знакомыми сейчас названиями (Кунцево, Мазилово, Давыдково, Сколково, Крылатское, Волынское, Троекурово, Матвеевское, Аминьево, Фили и др.). Дом бабушки с бабушкой, где до середины 1930-х годов жил отец Аллы Георгиевны, стоял на вершине холма, рядом с церковью.*

Судя по всему, это был Храм Спаса Нерукотворного Образа на Семтунки. Он и поныне находится на улице Рябиновая, д. 18, неподалёку от Кунцевского кладбища. Храм был закрыт только в 1941 году и вновь передан верующим в 1988 году».

Семья с 11 детьми жила дружно, большинство родственников занималось сельским хозяйством. Мужчины в 1941 году ушли на войну, и не все вернулись домой. Дружили мы с тётёй Верой (она работала в одной из «силовых» организаций). В моих воспоминаниях она осталась красивой женщиной с длинной, чуть ли не до пят, косой. С остальными братьями и сёстрами отца мы поддерживали отношения, но очень близкими я бы их не назвала. Встречались по важным случаям (на свадьбах, похоронах, отмечая другие счастливые и печальные события). Большинство родственников вернулось на родные пепелища, восстанавливали семейные очаги.

Семья Роциных (дедушка с бабушкой и пятеро их детей) жила в трёхкомнатной квартире на третьем этаже четырёхэтажного кирпичного дома по адресу: Садовническая улица, дом 42, квартира 5. Они были в дружеских отношениях с собственницей ряда домов, образующих небольшой, но красивый, ухоженный двор, и с большим уважением потом рассказывали о ней, как о рачительной, радушной хозяйке, сумевшей создать доброжелательную обстановку между жильцами этих многоквартирных домов.

Бабушка, мамина мама, до войны, пока была здорова, уделяла мне много внимания. И я думаю, именно она занималась моим «интеллигентским» воспитанием. Приучала меня к аккуратности, доброте. Я всегда была чистюлей, до невозможности. Бабушка меня красиво одевала. Как мне рассказывали, я любила всякие рюшечки, необыкновенной красоты платьвица, огромные банты. Часто бабушка, беря меня за ручку, вела к речке, рассказывала сказки, увлекательные истории. Она была очень хорошим человеком и дала прекрасное воспитание всем детям и внукам. К ней всегда все относились по-доброму, искренне уважали и любили ее.

Крот истории: *«Ещё до рождения Аллы Мухиной, в Москве повсеместно происходило так называемое уплотнение. В 1920-е и 1930-е годы в столице катастрофически не хватало жилья, а население между тем росло: по официальным данным оно составляло (в млн чел.): 1618 (1912), 2017 (февраль 1917), 2026 (1926), 2784 (1930), 4334 (1941). В 1928 году на москвича приходилось только 5,5 квадратных метров жилья».*

27 декабря 1932 года, после введения внутренних паспортов и системы прописки в СССР, в Москве было запрещено свободно селиться, за исключением случаев женитьбы, учебы в вузах и работы по определённым профессиям. Но даже в новых квартирах выделялось только по одной комнате на семью.

В результате подселения отдельные квартиры стали коммуналками. Так, в нашей квартире в 9-метровую комнату подселили еврейскую семью — тётю Сару с сыном. В другой комнате жила семья маминого старшего брата Васи с женой Тамарой и двумя детьми. Дядя Василий был офицером, тётя Тамара — домохозяйкой.

В квартире была достаточно большая общая кухня. Там готовили еду, а обедали все в своих комнатах. Был ещё большой общий коридор, по которому можно было даже кататься на детском велосипеде.

В среднюю комнату площадью 11,65 кв. м. после свадьбы с мамой приехал папа, а вскоре из роддома принесли и меня. Появление дочери было для них долгожданным подарком.

Крот истории: *Судя по всему, родители Аллы Мухиной расписывались в отделе ЗАГС Кировского района, находящемся на площади Павелецкого вокзала, по адресу: Кожевническая улица, дом 1. Там же регистрировали и её рождение. В этом же здании 14-летнюю Аллу примут в комсомол. Ведь в нём находились все главные администра-*

тивные органы района: Районный комитет КПСС, Исполком и Райком комсомола.

Мои родители — образец горячей любви, преданности, верности и глубокого взаимного уважения супругов. Всё это стало фундаментом моего счастливого детства и морально-нравственного воспитания. Мудрые уроки родителей стали законом моей жизни.

Папа в 1930-е годы работал водителем на персональной машине. Ему поручали периодически совершать какие-то оплаты в отделении Московской конторы Госбанка, где работала бухгалтером будущая моя мама, а его жена. Он заглядывал в окошко, где сидела мама. Оказывал знаки внимания. Как рассказывала мама, папа очень нежно и настойчиво ухаживал за ней. Через некоторое время он стал присылать ей приглашения на разные мероприятия: концерты, театральные спектакли, просмотры новых фильмов. Видимо, его начальник имел доступ к культурному дефициту, но у него не было времени им воспользоваться. Мама не была против такого ухаживания, тем более что с разрешения начальника он заезжал перед мероприятием за мамой на машине какой-то престижной марки и отвозил её домой после свидания. И тем самым окончательно покорила сердце девушки.

Как я уже говорила, мама и папа трогательно и глубоко любили друг друга. В доме царил атмосфера любви и нежности, доброты и теплоты.

Мои первые воспоминания. Война...

Детская память сохранила довоенное ощущение счастья. Мне кажется, я помню витрины магазина с большими лотками с чёрной и красной икрой, разными видами колбас. До войны жизнь заметно улучшалась.

Войны во все времена приносили несчастье и горе, разруху и опустошение земель. В Великой Отечественной войне наша страна потеряла 27 миллионов человек! 1710 городов, 70 тысяч сел и деревень, 32 тысячи предприятий промышленности были стерты с лица земли.

Мне было четыре года, когда началась война. Помню ужас начала войны, страшные сводки по радио...

Много детей быстро становились взрослыми, многое узнавали преждевременно...

Кстати, что интересно, Московский финансовый институт, с которым меня свяжет судьба на всю жизнь, в то время тоже имел непосредственное отношение к родине моего отца — Кунцево.

Крот истории: *«Жизнь — удивительная штука, она постоянно что-то напоминает, создаёт интересные пересечения. В частности, родина отца Аллы Георгиевны и её института совпали в трагический для страны период. Вот что рассказала одна из коллег А. Г. Грязновой»:*

Зайцева Л. Н.: *«Великая Отечественная война застала меня на 3-м курсе института. Заканчивалась производственная практика. Каникулы у нас были непродолжительные, 15 августа 1941 года возобновились занятия в институте. Занимались мы два месяца, до 15 октября. Но наступление фашистов на Москву прервало нашу учебу. В памятный для страны день, вошедший в историю как “чёрная” пятница, институт в полном составе отбыл в район Кунцево на рытьё противотанковых рвов.*

В Кунцеве мы разместились в учебных классах школы, спали на полу, ели два раза в день — утром перед работой и вечером после работы. Ров копали лопатами, края рва укрепляли хворостом и дёрном. Во время налётов фашистской авиации никуда не прятались (некуда было), а прижимались к земле. Газета “Правда” в те дни не только писала об этом, но и помещала снимки. Жаль, что газеты тех дней у меня не сохранились.

В первых числах ноября нам сказали, что работу заканчиваем, институт эвакуируется. На сборы дали одни сутки. Вечером 3 ноября 1941 года в институте каждому студенту дали набор продуктов и справку об эвакуации. Семейным студентам разрешалось брать с собой членов семьи: детей, родителей. Им (членам семьи) также каждому выдали по набору продуктов. Утром 4 ноября в 7 часов утра все собрались на платформе Казанского вокзала. Выехали из Москвы на паровике, какое-то время в воздухе нас сопровождали самолеты (по-моему, У-2)».

Папа ушёл на фронт и прошёл дорогами войны от первых дней до победного мая 1945 года, они с мамой постоянно переписывались. Писала и я. И не только папе.

Дело в том, что мы с мамой готовили посылки бойцам на фронт. Мама вязала шарфы, варежки и носки, распуская для этого ранее связанные вещи, шила кисеты для солдатской махорки; научила меня вышивать на кисетах, и я делала это с огромной радостью. А кроме того, писала, очень стараясь, выводя каждую букву, очень короткие

письма, состоящие всего из нескольких предложений, в которых содержалось пожелание поскорее с победой вернуться домой. Текст, конечно, сочиняла мама, она же складывала мои послания в треугольник, и они сопровождали наши посылки. Так делали тогда очень многие. Я была горда порученной ответственной работой. Думаю, что именно тогда у меня, пятилетней девочки, и складывался каллиграфический почерк, который сохранился до сих пор.

Письма эти были безымянные, адресованные неизвестным солдатам. Мы не знали, кому они достанутся. «Лишь бы тепло и душе, и телу было, — говорила мама, — ведь солдат своей жизнью рискует ради спасения Родины и нас». Но однажды я на конверте написала обратный адрес, списанный с пришедшего нам письма от кого-то из родственников: «Москва, улица Осипенко, д. 42, кв. 5. Девочке Аллочке...» Через некоторое время раздался звонок в дверь, и почтальон принёс маме солдатский треугольник, подписанный не папой, а неизвестным человеком. Такие письма часто содержали печальный текст. Мама — в слёзы. Открывала письмо она, видимо, с большим трепетом. Почтальонша, желая успокоить её, добавила: «Не расстраивайтесь, может быть не убит, а в госпитале лежит!» И, открыв письмо, мы вместе с мамой плакали, читая строчки, которые я помню наизусть.

«Дорогая дочурка!

Спасибо тебе за теплые подарки и твоё письмо. Расти большая. Будь умницей. А фашистов мы победим точно! Верь! На рассвете пойдём в атаку. Твое имя будет мне талисманом. Мы победим! Учись хорошо, слушайся родителей! Мы обязательно вернёмся с победой! Солдат Иван Огарков».

Это письмо всегда хранилось у нас в семье как дорогая реликвия войны наряду с папиными письмами. Но от мамы мне тогда здорово попало. После долгого молчания мама посадила меня за стол и сказала: «Доченька, пойми, если у тебя есть возможность кому-то помочь — это великое счастье! Им надо дорожить, радоваться и никогда не ждать ответного шага. Может быть, у человека нет такой возможности, может быть, у него такие проблемы, что на их фоне он просто забыл поблагодарить тебя за помощь». Потом она стала разбирать мой поступок: «Мы не писали свой обратный адрес, чтобы у бойца не возникало необходимости как-то выражать свою благодарность. Никогда не писали! На фронте идут тяжёлые бои. А что ты сделала? Солдату накануне атаки надо было выспаться, а он вынужден был писать тебе письмо».

После этого я всю ночь проревела, мне снилась страшная битва и погибающий солдат. Но этот урок стал для меня законом на всю жизнь. Очень часто на различных мероприятиях знакомые, коллеги, друзья благодарили меня, вспоминая оказанную материальную и врачебную помощь, содействие в получении квартиры и прочее. Нередко я с трудом вспоминала эти случаи, т. к. считаю свои поступки обычным, рядовым и естественным делом.

Всю войну мы провели в Москве. Дело в том, что накануне войны у бабушки Прасковьи Павловны, маминой мамы, случился инсульт, и её разбил паралич. В таком нетранспортабельном положении, фактически без движения, она прожила ещё 9,5 лет. Будучи прикованной к постели, она могла только с помощью клюки, зацепившись ею за спинку кровати, чуточку приподнять голову. Это всё, что было в её силах. Мама ухаживала за бабушкой. Это тяжёлый труд, который и не представлялся таковым, когда, проявляя все свои дочерние качества, с большой любовью она делала жизнь своей совершенно очаровательной, чудесной мамы спокойной и достойной. На протяжении девяти с половиной лет (!). И бабушка была у нас всегда веселой, жизнерадостной... Преодолевая недуг, она умела радоваться жизни, окружению семьи, интересовалась всем тем, что происходило за пределами дома... А насколько сильной личностью была мама! Наряду с уходом за обездвиженным больным человеком занималась нами, детьми, нашим воспитанием.

Мне поручалось читать бабушке небольшие рассказы и сказки. Так мы и жили — «четыре женщины в пустом доме», как говорила мама (бабушка, мама, я и моя сестра 1942 г. рождения)

Я рано научилась читать и писать. Дело в том, что мама периодически уходила на дежурство — гасить зажигательные бомбы, которые сбрасывали немецкие самолеты. Она уходила, а мне что оставалось делать? Заниматься было нечем, я брала книжки и читала их.

Крот истории: *«Главным средством передачи официальной информации в военное время было радио. Радиоприемники были большой редкостью, да и те в начале войны было указано сдать в милицию, но у всех в доме был радиорепродуктор в виде «тарелки». Они никогда не выключались, потому что перед налётом немецких самолетов по ним трижды передавалось сообщение: «Граждане, воздушная тревога!». После чего включалась сирена и гудки паровозов. Их я помню до сих пор. После этого следовало быстро одеться (одежда всегда*

была наготове) и бежать в убежище, обязательно захватив с собой документы. Для детей брали с собой еду и воду, неизвестно было, сколько время продлится бомбёжка».

Мы же с мамой в бомбоубежище не ходили — не оставлять же бабушку одну. Мама так и считала, что если погибнем — то все вместе... И никто не будет мучиться. По той же причине мы не эвакуировались и всю войну прожили в Москве.

А в ночном небе шарили по небу прожектора, стараясь поймать в свои лучи вражеские самолёты, чтобы облегчить работу нашим зенитчикам.

Крот истории: *«Многие жители Москвы дежурили на крышах и чердаках домов, и если на них попадала зажигательная бомба, то дежурные или сбрасывали «зажигалки» вниз, где тоже находились люди, или тушили на месте. Для этого на чердаках находились ящики с песком, бочки с водой и длинные щипцы для захватывания зажигалок».*

Именно этим, поднимаясь на крышу соседнего Московского технологического института лёгкой промышленности, занималась и моя мама.

В заготовке песка и воды, а также в дежурствах на крыше активно участвовали и дети, правда постарше.

Крот истории: *«Если зажигалка попадала на дом, то от удара она вспыхивала и загоралась, а от неё могли загореться крыша или чердак. Поэтому её нужно было оперативно схватить щипцами и затушить. Время их горения составляло не более 2 минут. Некоторые виды «зажигалок» взрывались, но если такую бомбу удавалось успеть бросить в бочку с водой, то взрыва не происходило».*

За всё время налетов над Москвой и на подступах к ней зенитчики сбили 350 немецких самолетов. Но большинству самолетов не удалось прорваться к Москве. Наши военные и гражданские специалисты строили какие-то невероятные заграждения. И фашисты не могли пролететь туда, куда им было приказано. Хорошо помню, что днём по улицам Москвы перемещали огромные аэростаты. Их переносили девушки-военные, держа за ремни. Ночью их поднимали в небо, создавая таким образом преграду для пикирующих самолетов».

Наши пожарные и дежурные бригады работали хорошо, поэтому от зажигательных бомб значительного ущерба не было, и фашисты уже в октябре 1941 года практически отказались от сбрасывания за-

жигалок, а стали бомбить Москву только фугасными бомбами, которые причиняли особенно большие разрушения и жертвы. Город бомбили и в нашем районе, т. к. фашисты очень хотели попасть в здание МОГЭС-1 («Мосэнерго»), чтобы отключить электроэнергию, обесточить столицу. Мы жили недалеко от этого стратегического объекта. Насколько помню, ни одной бомбы в него не попало. Бомбы попадали куда угодно, но только не в «Мосэнерго».

Мы жили на третьем этаже. Однажды, зимой 1941 года, глубокой ночью нам пришлось пережить страшную бомбёжку. Бабушка лежала на кровати с одной стороны комнаты, а я — с другой.

Слева от нашего дома стояло двухэтажное здание милиции, которое было, как говорили, замаскировано под здание МОГЭС-1 — для того, чтобы обмануть фашистов и они не разбомбили стратегический объект. И вот приманка сработала, и здания милиции не стало — этой ночью в него попала бомба. Оно взорвалось, и взрывная волна ударила в наш дом. Взрыв был таким неожиданным и сильным, что страх, наверное, даже не успел проникнуть в моё детское сознание. От ударной волны наш дом потрянуло так, что было впечатление, будто он тотчас же развалится. Окна вылетели... В стене образовалась большая трещина.

Было ощущение, что каким-то чудом осталась только моя кровать и я на ней, одна в этом мире, и больше ничего и никого нет. Ночь тогда мне показалась невероятно чёрной. Я ничего не могла сказать, молчала и бабушка. Стояла просто гробовая тишина. Так прошло несколько минут, показавшиеся мне вечностью, и, наконец, бабушка позвала: «Аллочка...» Я со страхом спросила: «Бабушка, ты жива?» И услышала ответ: «Да». — «Бабуль, мне кажется, что у нас нет пола» — испуганно сказала я. «И у меня, доченька, такое же впечатление. Знаешь, милая, ты попробуй ножку аккуратно-аккуратно спустить вниз, вдруг пол у нас остался... А если не остался, как же к нам мама-то вернется?» — ответила бабушка. Преодолев страх, который меня охватил, я стала медленно опускать ногу с кровати. «А вдруг пола нет, и я упаду вниз?» — подумалось мне. Но хотя я была маленькой девочкой, но в комнате была одной, кто мог сделать проверку. Когда моя нога упёрлась во что-то твёрдое, и почувствовала опору, то я поняла, что это пол! Радостно закричала: «Бабушка, у нас пол есть!» Какое же это было потрясающее чувство счастья, просто невозможно передать... Такого восторга я не переживала ещё долго!

А вот от здания милиции, как выяснилось утром, осталась только большая груда камней, засыпанная землёй. Образовавшаяся горка впоследствии стала для меня, как и для многих детей, местом для катания на лыжах и санках. Кстати, она до сих пор существует. Дети катаются и ничего не знают о её происхождении... Однажды мои братья, когда подросли, играя на этой горке в казаки-разбойники, раскопали одну её часть. Их взгляду открылся заваленный первый этаж дома. Они увидели кровати и останки милиционеров, видимо, взрыв бомбы застал их спящими...

По окончании бомбежки по радио объявляли: «Угроза воздушного нападения миновала. Отбой», эту фразу тоже повторяли три раза. После этого люди шли домой спать. Со временем мы привыкли к тому, что немецкие самолеты методично налетали на Москву для бомбометания, но часто им приходилось сбрасывать бомбы где попало, так как к Москве их не подпускали.

Крот истории: *«Смотрю на интересную фотографию — семья Мухиных на отдыхе в Тарусе. Начало 1939 года, Алле 1,3 года. А когда родились Ваши братья и сестра? Да и как родители отважились во время такой жуткой войны продолжать создавать свою семью?»*

Папа нас навещал проездом, когда переезжал с одного фронта на другой... Они ведь перемещались, исходя из боевых действий. В один из таких приездов папа соорудил нам печку-буржуйку, с ней нам стало тепло и радостно. После его приездов — буквально на пару дней, весной 1942-го и весной 1944 годов — через 9 месяцев наша семья увеличивалась. Так 6 декабря 1942 года у меня появилась малютка — сестренка Любочка, а к исходу войны, 25 декабря 1944 года, брат Виктор. Родители твёрдо верили в нашу победу! Добавлю, что второй брат Борис родился уже после войны 12 ноября 1947 года.

Отъезды папы на фронт проходили нормально. Никому в голову не приходило плакать, причитать или делать что-то подобное по этому поводу. А ещё помню счастливейшие минуты общения с папой, когда мы с мамой ездили на железнодорожный вокзал, где несколько часов стоял на перегоне папин поезд.

Помню я и ледоход на Яузе, мы наблюдали за сталкивающимися льдинами. И тогда я вдруг я увидела идущего к нам папу и закричала во все горло: «Мама, папа вернулся!»

Конечно, запомнилось самое значительное событие — окончание Великой Отечественной войны. Какой потрясающий был Праздник Победы! Незабываемый парад, вечерний салют!

Бабушка ушла из жизни через несколько лет после окончания войны.

В папиной семье было 11 детей, а в маминой — 5, поэтому и они мечтали о большой дружной семье. Думаю, именно поэтому им удалось, преодолевая все сложности военного и послевоенного быта, обеспечить своим детям счастливое детство.

Как однажды пошутил папа: «Катюша, мы выполнили свою норму. Всё в нашем хозяйстве идёт по плану — две девочки, два мальчика, двое родились в ноябре и двое — в декабре, двое с голубыми глазами и двое с карими, двое блондины и двое с каштановыми волосами. У нас, как в ковчеге — „каждой твари по паре“». Родители очень любили детей, и если бы маме по состоянию здоровья в 37 лет не запретили бы рожать, то уверена, что нас было бы не четверо, а больше.

Преждевременная юность

Говорят, что я сильная натура — спорить не буду, со стороны виднее. Лидерские качества, если они заложены свыше или родителями, появляются уже в детстве постепенно, неосознанно, сами собой. А вот осознанно они воспринимаются уже во взрослом возрасте и их надо развивать.

Оглядываясь назад и вспоминая себя, родителей, события, которые происходили и происходят в моей жизни, уверена, что моё становление начиналось с раннего детства.

Жили, как я уже рассказывала, мы в довольно сложных условиях. Сложных для родителей, для нас-то всё было здорово.

Вначале мной занималась бабушка. Она горячо любила меня, прививала навыки интеллигентного поведения, уважительного отношения к людям, но вскоре, как я уже говорила, она пережила инсульт, и наши чудесные прогулки с ней с возвышенным восприятием природы, растительного и животного мира, к сожалению, прекратились, но оставили глубокий след, за который я ей безмерно благодарна.

Когда семья выросла, мама посвятила себя ей, бросив работу в банке.

В нашей комнатке, в которой я прожила до 25 лет, всегда было чисто и уютно. Там умещалась с правой стороны только широкая дет-

ская кровать, четверо детей на ней спали валетиком (девочки — головой к окну, мальчики — головой к двери). Дальше поперёк стояла зингеровская ножная швейная машинка (вдоль она не умещалась) и кровать мамы с папой. А с другой стороны стояли: комод, стол обеденный (впритык к стене) и одностворчатый платяной шкаф, в котором гениальная мама умещала все вещи.

Каким образом мы все размещались, я не понимаю. У нас была всегда идеальная чистота и уют. Мама была уникальной женщиной, я никогда бы в такой маленькой комнатухе не смогла бы сделать счастливой такую большую семью. Не помню ни одного случая ссоры между родителями. В семье была традиция — мы обязательно ужинали все вместе. Если отец, не предупредив, задерживался, мама наказывала его тем, что встречала без традиционного поцелуя.

Очень любили мы праздники — 1 мая и 7 ноября. В эти дни в городе проводилась демонстрация, она тянулась тогда долго, до пяти часов вечера. Это потом уже их сделали значительно короче.

Людей на улицах было очень много. Веселые, радостные, счастливые лица. Этих праздников ждала вся страна. Военный парад, демонстрация, салют! И гордость! Гордость за всю нашу огромную, сильную страну. Все друг друга поздравляли, улыбались, обнимались, целовались! По всем улицам слышались крики «ура!».

Мы жили совсем рядом с Красной площадью, недалеко от метро «Новокузнецкая». Много народа проходило мимо нас. Все наши родственники и знакомые, когда выходили с Красной площади на Васильевский спуск, заходили к нам в гости. Ближайшая станция метро ведь была закрыта до окончания демонстрации, и им следовало несколько часов пережить. Нам дарили флажки, всякие игрушки, конфеты, печенье... Доставались и бумажные цветы, другие украшения, с которыми шли демонстранты.

В основном квартиры тогда, как я уже говорила, были коммунальные, и, несмотря на общие кухни и крошечные комнатухи, расположенные вдоль длинных коридоров, гостей приходило много. И как-то все размещались, веселились искренне и радостно. Было очень здорово! Песни раздавались из многих окон домов. Пели и на улицах — о Победе, о весне, о Москве... Часто столы накрывались прямо во дворе. Мы были в восторге от этого потрясающего праздника! Кстати, в этот день впервые мама разрешала выйти на улицу в носочках вместо чулок. Для нас, девочек, это имело большое значение.

Светлое платье и беленькие носочки — красиво! Это же праздник Весны и Победы!

Уже много позже, когда я окончила институт и семья жила на Беговой улице, у нас появилось ещё одно развлечение — мы с папой ходили на бега. Отец не был азартным и редко делал ставки, ему нравились лошади и праздники, организуемые на ипподроме. Часто приезжали команды из разных республик, демонстрировавшие национальные игры, например, казахи показывали «Догони невесту!», на лошадях играли в пушбол...

Крот истории: *«С погоней за невестой, думаю, всё ясно, а вот что такое пушбол, требуется хотя бы коротко объяснить. Классический вариант этой американской игры по ожесточённости напоминал регби, только мяч был круглым, тяжёлым (28 кг) и размером в 9 футов (1,8 м). Глагол push (толкать), думаю, говорит о том, как происходили соревнования. Наша героиня видела боле изящный конный вариант этой игры. От поло эта игра отличалась размером мяча. Здесь он большой, высотой с грудь лошади — 1,2 м».*

Каждую неделю в комнате натирался паркетный пол. Папа садился на специальный, пропитанный воском коврик, и мы возили его. Он постоянно цеплялся за стоящую повсюду мебель и шутил, всем от этого было весело, и работа превращалась в развлечение.

Мама научила меня шить, вдобавок я окончила курсы кройки и шитья, но мне часто некогда было этим заниматься, хотя красивое белоснежное выпускное платье сестры было делом моих рук.

Дом и двор, где мы жили и росли

Крот истории: *«Дом, где жили Мухины, стоял у подножия Большого Устьинского моста. Помните, как Деточкин в фильме „Берегись автомобиля“, желая начать честную жизнь, выбрасывает в реку свои аксессуары. Снимали этот эпизод как раз у того дома, а бросал он свои портфель и шляпу с Устьинского моста. Было это, правда, уже в 1965 году, к этому моменту семья Аллы получила новую квартиру».*

Мост, кстати, её ровесник. Москва в конце 1930-х годов преобразилась на глазах. Вскоре после рождения Аллы, в 1938 году, в новом месте во время реконструкции московских набережных (она проводилась в связи с запуском Канала имени Москвы и предполагаемым про-

длением Бульварного кольца в Замоскворечье) вместо старого ветхого был построен широкий Большой Устьинский мост.

В 1939 году улица после гибели знаменитой лётчицы, Героя Советского Союза Полины Осипенко была переименована и получила имя этой смелой и мужественной женщины, одной из первых удостоенной высшей награды Советского Союза. Полина жила недалеко от Мухиных, на той же улице. Впрочем, в 2004 году улица вновь стала Садовнической, а дом под номером 42, строение 7 сохранился до сих пор.

Тогда же, в 1937 году, на улице Осипенко происходили поистине исторические события. Был создан Трест по передвижке и разборке зданий. И его первым серьёзным испытанием стала передвижка дома № 77 на данной улице.

Его перемещали по 37 железнодорожным путям, на вагонетках, без выселения жильцов! Для того, чтобы не создавать сложностей людям, к дому были подведены временные коммуникации — водопровод, канализация, газ, электричество. Чтобы избежать паники среди жильцов, их обманули (это тот случай, когда ложь во благо), предупредили, что двигать дом будут только через неделю, а ночью его передвинули. Утром он вместе с 600 жителями оказался уже на новом месте. Рассказывали, одна девочка перед сном построила из кубиков высокую башню на столе, и утром она осталась невредимой».

Мы, как и абсолютное большинство советских людей тех лет, жили в коммунальной квартире в комнате 11,65 квадратных метров. Эта цифра преследует меня. Когда впоследствии мне предложили для дачи земельный участок в Подмосковье, нам достался участок 11,65 соток.

Училась я легко и с радостью; в шесть вечера, самое крайнее полседьмого мы были свободны от выполнения школьного домашнего задания и могли бежать на улицу, где нас ждали друзья. Мелюзгу я должна была в девять отправить домой спать, сама имела ещё час для игр. По такому графику жили все ребята и девочки с нашего двора. Хотя порой, заигравшись, мы из окон слышали призывные крики: «Пора домой!» Меня никогда не звали, я знала сама, когда надо быть дома. Какой бы захватывающей ни была игра, я в десять говорила друзьям: «До свидания!». Мальчишки пытались меня задержать: «Тебе же не кричали ещё!» На что я отвечала: «Да меня не будут звать! Я сама знаю, когда надо возвращаться».

Во дворе нас было шесть мальчишек, шесть девчонок примерно одного возраста, жили мы «не разлей вода» и делились всем. Самая богатая среди нас, не по-современному, конечно, была девочка Галочка, моя подружка. Мы с ней сидели за одной партой в школе. Она единственная жила не в коммуналке. Ей дядя, добрейший дядя Боря, генерал из Группы советских войск в Германии, привёз велосипед. И он стал фактически общим, дворовым.

Иных людей наша компания перевоспитывала. К нам во двор как-то приехала девочка: красивая, заносчивая, как тогда говорили «воображалистая». Антипод всем нам. Мы её сразу невзлюбили и объявили ей бойкот. Тогда моя мама сказала, что мы поступаем неправильно. «Девочка оказалась в новой компании, неправильными методами пытается построить свой авторитет, — объяснила мама. — Постарайтесь найти хорошие черты в её характере! Не бывает человека без красивого зёрнышка, из которого порой прорастает большой талант! Его надо увидеть!» И тогда мы предложили новенькой поучаствовать в выпуске стенной газеты о нашем дворе. И она оказалась замечательным рисовальщиком и сделала основную часть работы. С тех пор лёд в наших отношениях растаял.

Мы с друзьями вместе играли в волейбол, футбол, лапту, зимой заливали каток. Когда подросли, вместе стали ездить кататься на каток в Парк культуры им. Горького. Там мне однажды пропорол ногу. Дело было так. Каталась я обычно на «гагах» или «канадах», и вот решила попробовать «норвежки», в них оказалось сложнее маневрировать, и не умеющий кататься мальчишка налетел на меня и пропорол ботинок и ногу. Ну что ж, наука — умей оценивать свои силы!

Крот истории: *«Для современного читателя надо сделать пояснение. Все эти мудрёные названия ему уже ничего не говорят.*

В 1950-е годы катки были страшно популярны! Но хорошие коньки достать было ещё очень трудно. Большинство детей катались на „снегурках“. Они были двух видов: у одного лезвия прикручивались к ботинкам, а у другого — привязывались бельевой веревкой к обычной обуви, чаще всего к валенкам, палочками в „стяжку“. Последние были раздвижными (на быстро растущую детскую ногу).

В конце 1950-х получили большее распространение „гаги“ и „канады“. Первые были коньками с очень низкой посадкой ботинка. Лезвия были равны длине ботинка или чуточку больше. Название получили от имени изобретателя — „хаген“. Вторые созданы специально для

игры в хоккей, с очень высокой посадкой ботинка (выше косточки), у них также был задник. Так как изобретателями хоккея с шайбой были канадцы, то за этими коньками закрепилось их имя.

Кстати, „гаги“ порой называли „полуканадками“.

„Норвежки“, они же „ножи“, „бегаши“, „норвеги“ — коньки с открытым, острым лезвием, предназначались для бега на льду. Название появилось, когда чемпионами по конькобежному спорту были норвежцы».

Так же безумно любили мы кататься на лыжах. Эта любовь с годами не прошла и, когда я училась в институте, с удовольствием участвовала в кроссах. Причём иногда бегала не 3 километра, как подруги, а пять, как ребята, за компанию с ними.

Мои родители отличались прекрасными организаторскими способностями, судя по всему, мои способности достались мне от них.

Мама в определённом смысле была главной во дворе, детвора её любила. Она часто гуляла с нами, умела организовать ребят и девочек на добрые дела. Когда нужно было что-нибудь сделать во дворе, для того чтобы живущим в нём ребяташкам было интересно — например, организовать всех на заливку катка, — главным инициатором и организатором всегда была моя мама. Она доставала шланг, побуждала нас, детей, вместе организовываться и заливать каток, да так, чтобы это воспринималось всеми как интересное и весёлое занятие.

Во многом благодаря ей во дворе было много зелени, была построена площадка для игры в волейбол. Весной мама придумала высаживать газончики, и мы, все дети двора, активно занимались этим прекрасным делом.

Я, принимая во всём самое непосредственное активное участие, видела, что и как нужно делать, училась у мамы, как нужно разговаривать для того, чтобы заинтересовать ребят хорошим делом. Мы вместе делали одно общее дело для всех. И это очень важно!

Папа тоже был хорошим организатором. Не случайно же в своё время он был выдвинут на должность хозяйственного руководителя крупного министерства. Хотя у него не было высшего образования, и он был во многом самоучка. Но, видимо, у него этот дар появился тоже от родителей... Таким образом организаторские способности были во мне заложены от родителей, возможно, генетически.

Таким образом, наш двор был потрясающе дружным. Личностный фактор здесь важен, ведь соседний двор был контрастным нашему,

там постоянно происходили конфликты, регулярные драки, выяснение отношений.

Иногда мы вместе ходили смотреть фильмы в кинотеатр «Заря». Он находился рядом с нами — на Пятницкой улице, в доме 2.

Крот истории: *«Этот длинный двухэтажный дом конца XVIII века открывает улицу до сих пор. У него интересная история: в нём открылся первый кинотеатр купчихи Белоярцевой (на что ей ещё в 1897 году было дано разрешение), названный „Пятницким электротееатром А. Е. Белоярцевой“. В начале XX века синематограф сменил владельца и стал называться „Большой Парижский-Пятницкий электротееатр А. Гехтмана“. В советское время он ещё раз поменял название на „Зарю“. Этот самый старый кинозал сохранился до наших дней. Связь этого дома с культурой на этом не оборвалась, сейчас в доме кроме „Хинкальной“ и ряда банков размещается „Государственная академическая симфоническая капелла России“».*

Тогда этот кинотеатр у нас не пользовался популярностью, он был слишком мал и неуютен. Мы обожали шикарный «Ударник», в котором чувствовалась всегда праздничная обстановка, в фойе играл оркестр, выступали певцы, был большой экран. Правда, ходить туда было небезопасно, так как по пути, на Раушской набережной, обитали озорные пацаны. А вот став постарше, мы посещали именно его, но только в сопровождении мальчиков нашего двора. С ними было спокойно.

ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ ЧУДЕСНЫЕ

Первый раз в первый класс...

В 1945 году я пошла в школу. Писать и читать, как я уже рассказывала, научилась в очень раннем возрасте. Мне семи ещё не было, когда мама повела меня в школу. Правда, в школу тогда не приняли. Сказали, что у них переполнены начальные классы (в них набирали по 45 учеников), 46-го взять не могли, поэтому маме предложили привести меня на следующий год.

Образование в СССР тогда было отдельным, мальчики и девочки учились в разных школах, что не мешало нам дружить, помогать друг другу.

Первые два класса в школу мы ходили кто в чем мог, а в 1948 году была введена единая школьная форма. В наше сегодняшнее время некоторые родители отрицательно относятся к единой школьной форме, считая, что это мешает детям проявлять индивидуальность. Я же не испытываю аллергии по этому поводу. Считаю, что она дисциплинирует, настраивает на учебу, а не на демонстрацию доходов родителей.

Крот истории: *«Для вводимой формы был фактически скопирован фасон формы классических гимназий. Все девочки стали носить коричневое платье и тёмно-коричневый или чёрный (а по праздникам — белый) фартук, а мальчики — военные гимнастерки с ремнём и фуражкой. А ещё девочки должны были обязательно носить косы с бантами. „Модельные стрижки“ до конца 1950-х годов были под строгим запретом, не говоря уже об окраске волос и каком-либо макияже.*

Представить, как дети выглядели, можно, посмотрев замечательные фильмы той поры: „Первоклассница“, „Алёша Птицын работает характер“, „Васёк Трубочёв и его товарищи“».

В послевоенный период люди жили тяжело, не хватало одежды. Спасало то, что мама и её родная сестра очень хорошо шили, вязали,

вышивали, особенно ришелье, поэтому постоянная смена красивых воротничков делала моё платье разнообразным.

Однажды на школьном спектакле «Стрекоза и муравей» мне было поручено сыграть ответственную главную женскую роль. Мама, чтобы порадовать дочь, сшила очень красивый костюм, а из своей свадебной вуали соорудила прекрасные крылышки. Во время танца (а я в то время занималась балетом) ажурные крылышки очень красиво трепыхались, и я была просто счастлива.

Когда папа вернулся с войны, родители решили из его шинели сшить мне тёплую одежду. Получилось очень хорошее демисезонное пальто, потом его же мама переделала для младшей сестренки, затем для одного брата, другого... Возможность вполне прилично нас одевать появилась потому, что мама перешивала свою и папину одежду всем нам по очереди.

Она замечательно и вышивала. Тогда в моде было ришелье, и мама то в одном месте комнаты повесит вышивку с красивым узором, то над нашей кроватью. Мы приходим из школы, а когда на стене появляется светлый узор, всё как-то празднично становится, визуально расширяется, и мы все восхищаемся: «Ой, мама, какая у нас комната большая стала!»

В школе система обучения в то время была блестящей. Мы постепенно погружались в предмет. Так, начиная с физической географии, постигали с годами экономическую, а затем и политическую. Более глубокие знания накладывались на прежде приобретённый фундамент. Одновременно происходила постоянная «переключка» учебных предметов. Изучая по истории какую-то тему, мы узнавали на уроке географии, где происходило то или иное событие, а на уроке литературы нам рассказывали о литературе того периода или о том, как это событие отражено в произведениях писателей. Тем самым, изучая, например, XVIII век, мы не только узнавали, какие исторически значимые события, какие войны тогда происходили, но и какие географические открытия совершались, чем люди того времени обогатили литературу и мировую культуру. То есть нам демонстрировали горизонтальные и вертикальные связи различных событий, эпох. У школьников формировалось масштабное представление об определённом историческом периоде, об окружающем мире в целом.

Да и преподаватели у нас были замечательные! Они отдавали нам всё: и знания, и душевное тепло, и радость доверительного челове-

ского интеллигентного общения, и из нас получились поэтому неплохие преподаватели. Мне дома не приходилось долго сидеть за учебниками, большинство информации я получала в классе. А дома нужно было лишь повторить услышанное, да сделать уроки с младшими братьями и сестрой.

Методика тогдашнего преподавания учитывала и возрастные, и индивидуальные особенности. Учителя добивались усвоения материалов каждым, нередко оставаясь для этого позаниматься дополнительно с тем, с кем требовалось, а ещё практиковали систему прикрепления к хорошо успевающему временно отстающих учеников, что было полезно и тем, и другим и давало не только хорошие результаты в успеваемости, но и способствовало укреплению дружеских отношений в классе.

Начали проявляться мои педагогические и организаторские способности очень рано: в школе я постоянно выбиралась старостой, бригадиром по помощи отстающим, а дома обучала своих младших. Сказывалась и мудрость мамы. Большое зеркало на платяном шкафу мама разрешала использовать как классную доску. И мы играли в школу. Изображая преподавателя, я вызывала брата и сестру к доске и решала с ними задачки. Писали мелом, допотопным, с ракушками, увы, порой царапающим зеркало. Мел крошился, сыпался на пол, мы его тут же собирали. Но бумага была дефицитом, мама для черновиков давала нам уже использованные, ненужные бухгалтерские книги. Правильно решённые задания ребята переписывали в тетрадку уже без ошибок.

В том, что я пошла учиться, когда мне было почти 8 лет, было великое счастье. Я свободно читала, хорошо писала и была уже физически крепкой, поэтому занятия мне давались очень легко.

Ко мне всегда прикрепляли двух-трёх одноклассниц, с которыми я занималась. В четвёртом классе был даже случай, когда я вместо учителя работала с классом. Учительница заболела, у неё пропал голос. Она тихо сказала мне: «Аллочка, иди к доске, вот тебе задачник, решай с классом эти задачи сегодня». А сама села за последнюю парту. Я за её столом спокойно объясняла одноклассникам, как выполнять задания... И всё прошло нормально. Так у меня появился «первый опыт» преподавания.

Никогда не забуду глубокое, трогательное волнение при вступлении в пионеры, а затем и в комсомол. Я всегда любила общественную

работу. Была старостой группы, комсоргом, председателем совета дружины... Много времени проводила в изостудии, в кружках художественного слова и драматическом. Ходила в поэтическую студию, пробовала писать, мечтала стать балериной, мыски всех туфель у меня были протёрты — училась делать фуэте. Моим кумиром была Галина Уланова. Из спортивных занятий больше всего любила волейбол.

Сохранилась огромная благодарность школе за то, что она научила получать радость от познания нового, вырабатывать свой взгляд на явления жизни и уметь отстаивать его, логически мыслить, быть доброжелательным и коммуникабельным. Но больше всего за привитие горячей любви к русскому языку и литературе, гордости за шедевры, созданные российскими писателями и поэтами, художниками и композиторами. А всё это формировало глубинное чувство патриотизма.

Лето, когда не было занятий в школе, я проводила в пионерском лагере. Жаль, что в 1990-е годы большинство этих прекрасных детских заведений были разрушены. А ведь они давали богатые навыки жизни, помогали выявлять и развивать таланты и способности детей, спортивную закалку, в т.ч. благодаря всеобщему охвату ребят комплексами БГТО и ГТО.

Крот истории: *«„Будь готов к труду и обороне“ (БГТО) — это начальная ступень всесоюзного физкультурного комплекса „Готов к труду и обороне СССР“, предназначенная для подростков — детей 14–15 лет. Вся программа существовала с 1931 по 1991 год.*

Вопрос Алле Георгиевне: „А в пионерском лагере Вы тоже занимались общественной работой? На одном из фото на рукаве Вашей кофточки можно увидеть три нашивки. О чём они говорят?“»

Да, там меня тоже всегда выбирали то председателем совета отряда, а то председателем совета дружины всего лагеря. Именно об этом и говорили три нашивки. Это были отличительные знаки типа погон: одна полоска-нашивка у руководителя пионерского звена в 10 человек, две нашивки у председателя совета отряда (он состоял из 30 человек), наконец, у председателя дружины всего лагеря было три нашивки.

При этом я никогда не ставила перед собой задачу руководить ради желания покомандовать. Но, как и все, приезжая отдыхать, принимала участие во всех мероприятиях лагеря. Отдыхала, гуляла с подругами, секретничала. Занималась спортом — была капитаном

волейбольной команды, которая в округе прослыла непобедимой. На память об этом периоде у меня остался сломанный большой палец правой руки.

Позже, когда я вступила в комсомол, меня избрали секретарём комсомольской организации группы, а в институте — секретарём комсомольской организации вуза и внештатным секретарём Щербковского райкома ВЛКСМ. Но об этом позже.

Хочу только подчеркнуть, что все выдвижения, исходя из моей сформировавшейся натуры, шли уже естественным порядком. И они рождали и формировали у меня всё большую ответственность за выполнение порученных заданий, ответственность перед своими товарищами. Видимо, проявлял себя довольно сильный характер — слабому человеку трудно успешно руководить коллективом, ни будучи школьником, ни став взрослым.

Как-то с мужем, переезжая на новую квартиру, мы разбирали вещи и нашли мой дневник. Дневник девочки, которой было двенадцать с половиной лет. Читая этот дневник, я поражаюсь написанному — в нём были мысли, зрелые рассуждения и переживания очень ответственной взрослой девушки, хорошо владеющей русским языком.

В дневнике были чётко зафиксированы вопросы, заслушанные на совете дружины пионерского лагеря, ход обсуждения организации военной игры, как сделать её интересной и мальчикам, и девочкам. Даны конкретные предложения по организации всевозможных кружков... Рассказывалось о том, как один пионер неправильно себя повёл, и его отчитывали. Обращало на себя внимание, что с одной стороны это было по-взрослому, строго, с другой — доброжелательно. В дневнике есть запись истории о том, как однажды мальчиков направили чистить картошку, а один при этом шалил и бросался картошкой. Но случайно ему попался камень, схожий по цвету и размеру с картошкой, и он угодил им в голову Саше Зубову, разбил бровь. Это было ЧП! Как же попало от нас забияке! Ставился вопрос даже об исключении из лагеря! Я зачиталась тем дневником, смотрела даты, вспоминала своё послевоенное детство... Видимо, оно рано заставило взрослеть моё поколение детей войны, а сложные жизненные ситуации закаляли характер, формировали сильные личности, хотя порой и ломали слабые. Надо отдать должное мудрости взрослых, которые уважительно относились к нам, детям, предоставляли нам свободу в решении сложных вопросов, стимулировали творческий поиск.

Читая тот дневник, я с огромной теплотой вспомнила нашу старшую пионервожатую Лидочку и очень строгого и мудрого директора пионерского лагеря. Сквозь строчки дневника виделся их вклад в наше становление как личностей.

Крот истории: *«Серьёзно заниматься детьми у нас в стране начали сразу же, как только закончилась Гражданская война. Работу с многочисленными беспризорниками возглавил Феликс Эдмундович Дзержинский. За короткое время были созданы специальные школы, в том числе и знаменитая школа Антона Семеновича Макаренко. Года за три беспризорность была ликвидирована. На протяжении последующего времени с раннего возраста детям прививались культура, трудолюбие, патриотизм. Огромная работа в этом направлении проводилась в школах учителями. И дело не в их профессиональном долге. Бескорыстно, с любовью к детям, с большим желанием и по собственной инициативе растили они целую плеяду умных, образованных и культурных людей. В высшие учебные заведения ребята поступали, исходя из интересов к той или иной будущей профессии.*

В СССР долгое время была начальная школа — 4 класса и полное среднее образование — 10 классов. Окончить неполную среднюю (7 классов) было необходимо всем. Потом он мог идти в профессиональные технические училища (ПТУ), которые давали начальное профессиональное образование, или в техникумы, чтобы получить среднее специальное профессиональное образование. В техникум можно было поступить после 7-го класса, и учеба длилась три года, а если после 10-го класса, то один год. Были вечерние общеобразовательные школы рабочей молодежи — ШРМ (для тех, кто работал). Высшее профессиональное образование давали институты или университеты».

Сейчас в школах введено 11-летнее общее образование — объём знаний увеличился, их трудно стало воспринять за 10 лет. Обсуждались варианты и 12-летнего образования, чтобы не допускать перегрузки детей. При этом ориентиром было образование на Западе, там школьники учатся 12, а в некоторых странах даже 13 лет. В старших классах много внимания уделяется подготовке к самостоятельной жизни, сознательному выбору профессиональной направленности. Поэтому и в вузах у них бакалавриат — три года, а не четыре, как у нас сейчас.

В своё время, будучи министром образования, Владимир Михайлович Филиппов объяснял, что самое лучшее — перейти сейчас, в на-

чале XXI века, на 12-летку, потому что происходит демографический спад и скоро настанет время, когда в классах будет существенно меньше детей, у преподавателей станет меньше учебная нагрузка, и тогда они смогут больше внимания уделять воспитательной работе с детьми и своему профессиональному росту. Я уже рассказывала, что, когда я училась, в классе было 45 человек! До войны рождаемость была очень высокая.

Приобщение к прекрасному

Ещё до войны, когда мне не было и трёх лет, папа повёл меня на балет «Конёк-Горбунок, или Царь-девица» Цезаря Пуни, поставленный на сцене Экспериментального театра при Большом театре. С тех пор я предпочитаю балет и оперетту всем другим видам театрального искусства.

Дома у нас был патефон (он, кстати, сохранился до сих пор) со множеством пластинок (около 150). Папа привёз с войны трофейный приёмник — дефицит того времени. В нем был одновременно и проигрыватель. Мама ставила его на подоконник и по просьбе соседей включала, организуя во дворе танцы. В начале звучавшая музыка предназначалась только для взрослых соседей, но потом, повзрослев, и мы переняли опыт старших и под звуки музыки стали учиться танцевать сами и учить мальчиков нашего двора. Опыт оказался заразительный. Ребята из соседнего двора собирались на набережной Язуы и просили маму включить приёмник погроме. И он уже играл для всей округи. Никто никогда не делал нам замечаний, все были довольны.

Любили мы пластинки с записями оркестра Александра Цфасмана, песнями Лидии Руслановой, Сергея Лемешева, Валерии Барсовой, Вадима Козина.

Несмотря на любовь к активному отдыху, я много читала, предпочитая русскую классику: Пушкин, Лермонтов, Лев Толстой, Некрасов... Но больше всего, конечно, люблю произведения Александра Сергеевича. Очень много стихов знаю наизусть.

И ещё о важном

Крот истории: *«Какие ещё уроки дали Вам Ваши родители, что они значат в Вашей жизни?»*

Важным уроком стала принципиальность, умение отстаивать свои убеждения, не обижая других.

Крот истории: *«А в чём это выразалось? Как Вы следуете этому принципу в наши дни?»*

Для этого мне хотелось бы вновь погрузиться в прошлое и рассказать об отношениях в нашей семье к религии. Родители были верующими христианами. Папа с мамой в середине 1930-х годов венчались в церкви. Меня крестили, моей крестной стала родная сестра мамы. Храмов в Замоскворечье было много, но большинство были тогда уже закрыты. В частности, ближайшую Церковь Усекновения Главы Иоанна Предтечи, что под Бором — закрыли в конце 1929 года.

Крестили и моих братьев и сестру (правда, уже без афиширования).

Однажды, когда мы с мамой, распарывали для перешивки папину шинель, из-под подкладки на пол выпала какая-то записка. Я наклонилась, но папа со словами «Доченька, я же мужчина!» оказался проворнее меня... В записке была написаны слова молитвы: «Отче наш». Мама, провожая папу на фронт, зашила её под подкладку. Папа, конечно, не знал об этом. Когда она выпала, папа всё понял и обратился уже к маме: «Ой, Катюша, а если бы я был ранен, попала бы в меня пуля и потом вдруг бы выпала эта молитва? Что бы обо мне подумали? Я же в партию вступил в 1941 году». Мама на это ответила: «Успокойся, всё нормально! Вот потому в тебя пуля-то и не попала». И всё...

Папа, во время войны, с боевыми товарищами перед атакой написали заявления о том, чтобы их считали коммунистами, если они не вернутся из боя. Много тогда бойцов погибло, отец остался жив и в партию вступил. Быть одновременно и верующим, и коммунистом он не мог. Чтобы не жить двойной жизнью, он для себя решил, что должен быть атеистом.

Однако в нашей комнате всегда висела икона, на самые большие праздники (на Рождество и на Пасху) мама ходила в церковь. Не часто, два-три раза в году. Освещала куличи, красила яйца на Пасху. Когда я уходила на экзамены, то видела, как мама скрытно меня крестит, на удачу.

Однажды произошло событие, которое заставило меня беспокоиться за сохранение семьи. Это произошло вскоре после войны — в разговоре родителей я почувствовала несвойственное напряжение. Прислушалась, папа говорил маме: «Катюша, я хочу к тебе обратиться с очень неприличной просьбой! Но я надеюсь, ты меня правильно

поймёшь! Ко мне придет мой сослуживец, теперь он генерал. Скорее всего, с ним будет его адъютант. Давай на время его приезда снимем икону». Мама отвечала: «Понимаешь, мы с тобой честные люди, я никогда не скрывала, что верую, хотя в церковь хожу редко. Ты же мне говорил, что твой генерал замечательный человек, тогда он должен всё правильно понять! Я не хотела бы, чтобы в нашу с тобой жизнь входила какая-то нечестность». Отец продолжал настаивать: «Он-то поймёт, но как среагирует его адъютант? И из доброй встречи друзей не получилось бы плохих последствий».

Зная папу, я уверена, что он не боялся, но не хотел создавать неудобства своему другу. В то время в стране было совсем другое отношение к вере, и партийцу, такому видному начальнику, даже мелочи могли принести неприятности... Тот же адъютант мог что-то написать наверх, шепнуть кому надо...

Я, конечно, вся обратилась в слух: как же решится эта ситуация? Мои переживания передать трудно, я слышала о том генерале Огаркове, его папа вынес с поля боя, но я его заранее ненавидела. Пусть он лучше не приезжает! Я не застала финал родительских переговоров — заметив любопытного наблюдателя, меня отправили гулять.

Первое, что я сделала, вернувшись домой, посмотрела, висит ли икона. Она была на прежнем месте. Генерала я ждала с ужасом, придумывая способы, как бы его не пустить в дом. Но всё прошло хорошо и весело. Огарков и вправду оказался добрым, хорошим и веселым. Поцеловав мамину руку, он пошутил: «Теперь я, наконец, увидел твою красавицу, которой ты чуть ли не ежедневно строчил длинные письма. Такой очаровательной, нежной девушке и я бы писал, даже оды посвящал бы!»

Потом взрослые пели, танцевали под патефон, генерал постоянно приглашал маму танцевать, рассказывал смешные истории, все много смеялись. Мама угощала гостя своими вкусностями (она умела быстро и хорошо организовать стол, конечно, с учётом того, что время было весьма трудным).

В общем, всё было здорово, просто шикарно. Адъютант же, передав папе какие-то вещи, удалился. Папе его друг подарил часы, маме — шаль, нам с сестрёнкой — маленькие косыночки, брату — детскую машинку.

После того, как друг ушёл, папа поцеловал маму и сказал: «Умница ты моя! Спасибо, что мы смогли не солгать!»

Для меня это был очень серьёзный урок, как не надо даже на короткое время становиться нечестным человеком. Хотя я тогда и не видела ничего особенного в том, чтобы мама на два часа сняла икону.

Так я жила фактически в центре города, уже тогда казавшегося огромным. Урбанизация несёт в себе определённые недостатки и достоинства, и я счастлива от того, как меня воспитывали родители и наш московский дворик с его изумительной атмосферой.

Несмотря на нелёгкие условия, мы были счастливы. В народе было понимание реальной ситуации и была искренняя вера в светлое будущее. Огромный жилищный фонд был уничтожен во время войны, требовалось восстановить промышленность, сельское хозяйство, поэтому никто не роптал от стеснённых жилищных условий.

Наша семья стояла на учёте на улучшение жилищных условий, и мы были уверены, что в конце концов переедем, как и все наши соседи, в новую отдельную квартиру. И действительно, в начале 1960-х годов, когда я стала уже взрослым человеком, нам от папиной работы дали квартиру в 34 квадратных метра. Мы радовались, ведь это было просто чудо какое-то! Но буквально через несколько месяцев пришло извещение, что нашей семье, как очередникам, которые «простояли» более 16 лет в очереди, дают трёхкомнатную квартиру площадью 54 кв. метра! Тогда мы с сестрой с радостью рассказали об этом родителям. Папа посадил нас и сказал: «Я думал, что воспитал честных, порядочных девочек. Мне жалко, что вы вообще можете об этом говорить. Вам государство дало квартиру — 34 кв. метра! Разве Вам этого мало? Кому-то, кто продолжает жить в бараке, нужна эта квартира. Не все ветераны войны ещё получили жильё. Как вы можете вообще об этом говорить!» Резко развернулся и ушёл в свою комнату. Большого удара, чем этот, я никогда и ни от кого в жизни не получала... Урок на всю жизнь! Было ужасно стыдно. Даже сейчас!

УЧЁБА В ТЕХНИКУМЕ

Крот истории: *«Раньше профессия „финансист“ была непрестижной. Подразумевалось, что товарно-денежные отношения должны сокращаться, а в конце концов свестись к нулю. Естественно, и получать специальность бухгалтера было неперспективно. Как Вас-то сюда занесло?!»*

Всё правильно, но без них было невозможно поднимать нашу послевоенную экономику. Финансисты были нужны. Поэтому наш Московский финансовый институт, хоть и считался непрестижным, но всегда был на хорошем счету, ибо здесь собралась когорта очень сильных, талантливых преподавателей. Сейчас, перейдя к рыночной экономике, все поняли, что банкир, специалист в области финансов — это сильная и перспективная профессия.

После окончания семи классов я собиралась продолжать учебу в школе, но тут в семье произошла большая беда — очень тяжело заболела мама, она перенесла малярию и получила осложнение на сердце — сердечные приступы грозили жизни. Они следовали один за другим. Конечно, сказались нервные и физические перегрузки. Болезнь протекала сложно, и врачи сказали, что мы должны быть готовы ко всему, самое страшное может произойти в ближайšie месяцы.

Тогда папа с мамой провели семейный совет, на который пригласили меня. Было решено: я должна пойти в техникум, чтобы поскорее получить специальность и помочь папе поставить на ноги малышей — сестренку и двух братишек. Стипендия, которую платили в техникуме, была нелишней.

Крот истории: *«То есть ответственность перед семьёй, обществом формировалась у Вас уже тогда?»*

Конечно, я видела, что без моей помощи папе будет сложно под-
нять большую семью. К тому моменту он работал уже в хозяйствен-
ном управлении Министерства финансов РСФСР, находившемся
тогда рядом с метро «Новослободская». Как-то летом, выйдя с рабо-
ты, он увидел, что что-то завозят в школу, находящуюся напротив.
На свой вопрос: «Что это?» он получил ответ: «Сюда временно, на пе-
риод ремонта, переезжает финансовый техникум. И учёба там будет
происходить в третью смену — с 18:30». Папа был в восторге, решался
главный вопрос — как ухаживать за мамой (ей часто приходилось вы-
зывать скорую помощь во время сердечных приступов). Днём могла
сидеть с мамой я, не отходя часто от её кровати, а вечером приходил
папа. Удобно было и то, что недалеко от техникума жила старшая се-
стра моей мамы.

Так я оказалась в Московском финансовом техникуме. Мне, увле-
кавшейся балетом, писавшей стихи, вполне прилично рисовавшей
и мечтавшей спать преподавателем русского языка и литературы,
этот выбор был совсем не по душе. Первое занятие в техникуме было
по бухгалтерскому учёту. Услышав про «дебильные» дебет-кредиты,
нетто-брутто, пению, сальдо, счета и проводки, я с ужасом подумала:
«Боже мой, куда я попала? Надо бежать, куда глаза глядят!» Наша
молодая преподаватель, как сейчас помню, была в зелёном платье
с большим животом — на последнем или предпоследнем месяце бере-
менности. Смотреть было страшно, казалось, она родит прямо в клас-
се. И из уважения и сочувствия к этой женщине я решила не спешить
с бегством. К тому же я всё-таки не была «попрыгушкой», поэтому
рассудила так: раз здесь люди учатся, то и мне нужно попробовать,
авось понравится.

Чтобы не расстраивать родителей, домой я приходила с улыбкой.
На короткий период увлеклась астрономией. Ходила в планетарий, там
читали интереснейшие лекции. Но в техникуме этот предмет не пре-
подавался и, как интерес возник, так он и пропал. Видимо это была
отдушина от той сухой цифровой атмосферы, в которую я попала.

Помогли привыкнуть к новой профессии тетради мамы, она
во время учёбы вела их очень аккуратно. Мама стала мне увлечённо
передавать секреты бухгалтерской специальности.

Но, наверное, основную роль в моей профессиональной судьбе
сыграла преподавательница техникума по русскому языку и литера-
туре Татьяна Борисовна Щёлокова. Она пришла в техникум только

в октябре. Помню, как впервые вошла в класс яркая, красивая дама и попросила рассказать, кто чем увлекается. И призналась, что обожает Пушкина. Всё! Мне больше ничего не надо было. Я нашла своего друга.

Мы были в неё по уши влюблены, во всём подражали — от почерка до одежды. После войны в моде были плечики, причём очень высокие. А потом вдруг вкусы резко изменились, чего мы с девчонками никак не могли принять, даже осуждали тех, кто стал ходить без плечиков. Нам казалось это безобразным. И вот наша обожаемая Татьяна Борисовна приходит, как сейчас помню, в бордовом платье (рукав реглан) без плечиков, при этом ничуть не менее элегантная. На следующий же день мы последовали её примеру. Вот что значит настоящий Учитель.

Постепенно стали интересными и другие предметы. Многие преподаватели тоже оказались очень интересными людьми, и в том числе и учитель по бухгалтерскому учёту. Он считал, что бухгалтерский учёт — это поэзия цифр, даже стихи писал на эту тему, что дало мне возможность даже полюбить этот предмет.

Запомнилась изумительный преподаватель по сберегательному делу Анна Яковлевна Ильинич. Она была автором учебника и пользовалась большим авторитетом в сберегательных кассах. Благодаря ей мы вышли из техникума готовыми специалистами с отличными знаниями по её предмету. Мне же она предрекла большое будущее, сказав: «Вы должны полюбить нашу профессию, она такая многогранная, интересная, творческая, востребованная!»

В конечном счёте техникум вспоминаю с теплотой и благодарностью. Безмерно благодарна ему за прекрасных мудрых преподавателей, за глубокие знания и уроки доброты.

Крот истории: *«С учётом такого опыта, насколько важно существование среднего специального образования? Нужно ли оно в наше время? Или это пережиток прошлого?»*

Для того, чтобы ответить на Ваш вопрос, сделаю небольшое отступление, имеющее отношение к рассказу об учёбе в техникуме.

Считается, что для того, чтобы иметь соответствующий уровень интеллектуального потенциала страны, 170 человек на 10 тысяч населения должны получать высшее образование за счёт государства. Сейчас в стране за бюджетные средства фактически учится почти 210 человек на 10 тысяч населения, а всего 7,4 миллиона человек. Основ-

ная же масса учится на платной основе — 55 %. И здесь встаёт вопрос: нужно ли нам всеобщее высшее образование или всё-таки следует укрепить средние специальные учреждения — техникумы, а также и технические училища. Рабочие кадры необходимы для развития экономики. Мы же за 1990-е годы умудрились развалить и ПТУ, и сократить техникумы, престижными стали только вузы.

Само понятие «техникум», не говоря уже о «ПТУ», стало негативно воспринимающимся, поэтому их даже стали переименовывать в колледжи. Последние годы и понятие «институт» вроде бы тоже не очень благозвучно звучит, массовое объединение вузов привело к формированию массы университетов, а многие негосударственные вузы давно для престижа стали называть себя университетами!

Когда было принято решение техникумы передать из федерального в региональное подчинение, это коснулось и 16 техникумов Министерства финансов РФ. Жизнь их сразу резко изменилась в худшую сторону. Между тем, раньше они выпускали отличных специалистов, востребованных практикой. Тогда я предложила министру финансов РФ А. Л. Кудрину передать их двум специализированным вузам федерального уровня — Финансовой академии и Академии бюджета и казначейства, что позволило не только сохранить эти средние специальные учебные заведения, но и укрепить их материально-техническую базу, повысить качество педагогического процесса за счет участия в нем вузовских ведущих ученых.

Поэтому мой ответ на Ваш вопрос о востребованности среднего специального профессионального образования в наше время может быть только положительным. Выпускники успешно и плотно занимают среднюю профессиональную ступеньку кадровой интеграции.

Крот истории: *«Итак, в середине 1950-х годов Вы вновь стали перед выбором — продолжать учёбу или начать зарабатывать средства для семьи. Что определило Ваш выбор?»*

В 1955 году я с отличием окончила Московский финансовый техникум по специальности «Учёт и отчётность в системе Гострудсберкасс и госкредита» и получила специальность «бухгалтер».

Отношение государства к системе сберкасс было тогда весьма уважительное. В 1947 году в стране происходил обмен денег. Соотношение было такое: общий обмен — десять к одному. Но если у вас был вклад до трёх тысяч рублей в сберкассе, эту сумму обменивали один к одному. Если вклад составлял от трёх до десяти тысяч — три к двум.

Свыше десяти тысяч обменивался два к одному. Причём облигации ранее выпущенных займов подлежали обмену по льготному соотношению три к одному, а облигации свободно реализуемого займа 1938 года — пять к одному. Если же вы, не веря государству, держали наличные деньги «в чулке», то вы имели право прийти и обменять их только по курсу десять к одному. Подразумевалось, что если вы храните сбережения в сберкассе или в облигациях, то поступаете правильно: и средства свои сохраняете, и помогаете государству. За это государство вас поощряло.

Практику я проходила в сберегательной кассе на Сретенке (в этом здании сейчас пельменная). Нас туда распределили вдвоём с подружкой Ниной Бондаревой.

Именно в этот момент инфекционной болезнью заболела заведующая. Изолировали, отправив на карантин, и тесно общавшуюся с ней кассиршу. В результате на работе осталась только контролёр (в штате было лишь 3 человека). Делать нечего — меня поставили главной, контролёра сделали кассиром, а Нина заняла её место. Попросили продержаться один день — пятницу, в понедельник обещали дать замену.

И вот надо же было нам в этот день столкнуться с жуликом, принёсшим фальшивый аккредитив. По нему мы должны были выдать ему немалые наличные деньги. Номер каждого аккредитива содержит длинный ряд цифр. При печати такой бумаги существует секрет: внутри изображённых цифр размещаются такие же цифры, только очень маленькие, видимые лишь с помощью не менее четырёхразового увеличения. Неслучайно у всех работников сберкасс были сильные лупы.

Ещё одно профессиональное правило: на «тревожную кнопку», представляющую собой педаль, под столом (на случай объявления тревоги) клали коробок от спичек, чтобы работник не нажал на неё случайно, без повода.

И вот проверяя принесённую бумагу, Нина видит, что внутри восьмёрки находятся нули. Подруга нажимает на кнопку и начинает привлекать моё внимание. Я понимаю и, чтобы затянуть время, подхожу с улыбочкой, смотрю аккредитив и говорю: «Да, конечно, всё нормально, надо выдать деньги». После чего иду к огромному сейфу, якобы для того, чтобы принести деньги. Но, видимо, артистизма не хватило. Парень сообразил, что план его срывается, бросился бежать, но был задержан в дверях вызванным милиционером. К тому же

тогда народ был ответственный, смелый — прохожие помогли милиционеру задержать мошенника. Мы получили благодарность, премию и приглашение на работу.

После окончания техникума (училась я там три года) мы могли сразу начать работать. И я планировала выходить трудиться в сберкасса, где меня ждали, чтобы помогать семье. Но меня вызвал директор Минаев и по-отечески сказал: «Доченька, тебе надо продолжать учиться! Ты очень способная, умеешь творчески мыслить. Я переговорю с твоим папой». Он действительно позвонил моему папе, пригласил его к себе и посоветовал: «Знаете, ваша девочка очень талантливая, ей надо продолжать учиться дальше. Я понимаю, что она собирается пойти работать, практику прошла на „отлично“... Но ей необходимо учиться дальше, идти в институт».

И папа тогда сказал мне: «Да, доченька, раз так, то надо учиться». Для меня это было неожиданно, я пыталась отговориться, но мама к тому времени стала чувствовать себя лучше, и мой главный аргумент не сработал. Закончил директор ещё решительнее: «Института тебе мало, ты должна окончить и аспирантуру! Защитишься, вернёшься к нам и станешь директором техникума, а я тебя дождусь!» Для меня это было несбыточной фантазией! Но я привела этот пример только для того, чтобы показать, какой отеческой и материнской заботой преподавателей, наших наставников и старших друзей мы были окружены в техникуме, как близки они нам были, как думали о перспективах нашего профессионального роста. Считаю за высокую честь приходить в родной техникум, радоваться успехам преподавателей и нынешних студентов.

Итак, я случайно попала на дорогу финансиста, но моё дальнейшее поступление в Московский финансовый институт было уже логичным. 5% выпускников — лучших учеников рекомендовались для поступления в вуз без экзаменов.

ИСТОРИЯ ИНСТИТУТА, МОИ ПРЕДШЕСТВЕННИКИ

Крот истории: *«Я уже понял, что институт имел богатую историю. Его нынешний авторитет зиждется на крепком фундаменте. Кому, как не Вам неравнодушно рассказать об этом?»*

Совершенно, верно, Московский финансовый институт родился на базе слияния двух вузов — Московского финансово-экономического института Наркомфина РСФСР, рожденного в 1919 году, и Московского кредитно-экономического института (МКЭИ) Госбанка СССР, созданного позже, в 1930 году.

Учебное заведение Наркомфина РСФСР в середине двадцатых годов пытались закрыть, преобразовали в факультет другого института, наконец, в 1931 году вновь сделали самостоятельным.

Судьба Московского кредитно-экономического института, пожалуй, была благополучнее. В 1931 году он начал работать в известном всем помещении Правления Госбанка СССР на улице Неглинной (в корпусе Д-12).

В 1932 году МКЭИ был включен в состав учебного комбината Госбанка СССР, в который входили техникум, курсы руководящих работников, а также система банковского ученичества. Но уже в следующем году учебный комбинат был разукрупнен, и институт вновь стал самостоятельным.

И вот наступил 1941 год, многие преподаватели и студенты МФЭИ и МКЭИ ушли добровольцами на фронт. Большинство из них не вернулись с поля боя. Жаживо была сожжена фашистами выпускница кредитного факультета Московского кредитно-экономического института Паша Савельева.

Когда враг рвался к Москве, в стенах нашего института была сформирована 13-я дивизия народного ополчения, которая сразу же стала участницей кровопролитных тяжёлых боев под Москвой. Воевали ополченцы всего 7 дней, почти никто не вернулся живым. Но они внесли весомый вклад в разгром фашистов под Москвой. В память об этом я провожу регулярные встречи ветеранов академии, о чём я расскажу позже.

В победном 1945 году под одной крышей в учебном пятиэтажном здании (Москва, Церковная горка, 30, а ныне это ул. Кибальчича, д. 1) оказались сразу два учебных заведения: вернувшийся из эвакуации из Куйбышева Московский финансово-экономический институт и приехавший из Саратова Московский кредитно-экономический институт.

Распоряжением Совета министров СССР от 11 сентября 1946 года и Приказом министра высшего образования СССР от 17 сентября 1946 года они были объединены в Московский финансовый институт (МФИ).

Новому вузу присвоили сразу высшую — I категорию, определив численность обучающихся в нём студентов двумя тысячами, а ещё у нас было 60 аспирантов. Как я уже рассказывала, располагался институт высшей категории в 5-этажном учебном здании площадью 4,5 тысячи квадратных метров (три лекционных зала и 18 семинарских аудиторий) и в 2-этажных корпусах общежитий барачного типа Алексеевского студгородка. Вот и вся материальная база, но мы понимали — после ужасной войны страна дала нам всё, что могла — ей было трудно.

В МФИ было открыто четыре факультета: финансово-экономический (ФЭФ), готовящий по специальности «финансы»; кредитно-экономический (КЭФ), специальность — «денежное обращение и кредит»; факультет международных финансовых отношений (МФО), специальность — «международные финансовые отношения»; учётно-экономический (УЭФ), специальности: «машинизация учёта», «банковский учёт».

В 1947 году по инициативе Министерства обороны для подготовки финансистов к службе в Вооруженных Силах СССР был открыт Военный финансово-экономический факультет. В 1953 году рядом с основным учебным корпусом МФИ для этого факультета было построено специальное учебное шестиэтажное здание, которое,

кстати, проектировала будущая всемирно известная певица Ирина Архипова.

Главным богатством вуза был прекрасный профессорско-преподавательский состав: М. Р. Азарх, М. С. Атлас и З. В. Атлас, С. Б. Барнгольц, Г. И. Болдырев, М. З. Бор, Р. Д. Винокур, Г. А. Козлов, Н. Н. Любимов, П. П. Маслов, В. Е. Мотылёв, Н. Н. Плотников, А. Л. Реуэль, М. М. Усоскин, Г. А. Шварц, И. Д. Шер. Все они заслуживают отдельного рассказа, эти крупные ученые воспитали не одно поколение высококвалифицированных специалистов и научных работников. Я рада, что с большинством из них мне посчастливилось работать, у всех у них я училась.

А ещё не стоит забывать профессора В. С. Геращенко (отца нашего легендарного банкира Виктора Владимировича), возглавившего кафедру «Денежное обращение и кредит СССР и зарубежных стран», профессора Д. С. Молякова — заведующего кафедрой «Финансы отраслей народного хозяйства», профессора И. Д. Злобина — завкафедрой «Финансы».

Крот истории: *«А вот ректоров в институте было до Вас, насколько я знаю, было всего два».*

Да, так получилось. Первый, тогда называемый директором — Николай Николаевич Ровинский — крупный учёный, заслуженный деятель науки РСФСР, автор учебника «Государственный бюджет» и многих монографических исследований. Интеллигентность, профессорская эрудиция, мудрость, глубокая порядочность и доброжелательность позволили этому прекрасному человеку провести слияние двух вузов практически безболезненно, сохранить и развить лучшие традиции института, которые мы чтим до сих пор.

В августе 1953 года директором, а затем ректором стал очень сильный организатор Владимир Васильевич Щербаков, он пришёл к нам из ЦК КПСС и работал до апреля 1985 года.

Крот истории: *«У Владимира Васильевича Щербакова удивительная судьба! Куда только не бросала она его! Во время войны в 1942—1943 годах он — заместитель начальника Политического управления Народного комиссариата земледелия СССР, в 1943 году становится ответственным организатором Управления кадров ЦК ВКП(б), затем заместителем заведующего Отделом партийных кадров Управления кадров ЦК ВКП(б). Наконец, до марта 1946 работает заведующим Отделом партийных кадров Управления кадров ЦК ВКП(б).*

С марта 1946 до июня 1947 года Щербаков — председатель Бюро ЦК ВКП(б) по Литве. Что интересно, до войны в 1940 году уполномоченным ЦК ВКП(б) в СНК СССР по Латвийской ССР был будущий коллега Владимира Васильевича — профессор Владимир Сергеевич Геращенко — после присоединения Прибалтики в качестве зампреда Госбанка он приводил банковскую систему республики в соответствие с советской практикой.

Из Литвы Щербакова отправляют в Калининскую область (ныне Тверская) первым секретарём обкома ВКП(б).

В 1951 году непонятный зигзаг судьбы — Владимир Васильевич становится заместителем министра кинематографии СССР и после этого, наконец, переводится директором Московского финансового института.

Говорят, у него были очень сложные отношения с самим Михаилом Суловым!»

Последние два года уже тяжело болел. Я работала у него в течение десяти лет проректором по международным связям и научно-исследовательской работе. И когда, к сожалению, его не стало, зная об его авторитете, я стала сопротивляться и отказываться от должности ректора. Я понимала, настолько ответственная работа предстоит.

Но, поскольку коллектив умолял меня и уговаривал, то в конце концов я согласилась, в полной уверенности, что это года на три, ну, в крайнем случае, на пять лет. А потом придёт другой администратор.

УЧЁБА В МОСКОВСКОМ ФИНАНСОВОМ ИНСТИТУТЕ

В жизнь многих поколений финансистов МФИ вошёл как родной дом, давший надёжную путевку в интересную профессиональную деятельность. А как много добрых воспоминаний связано со студенческими годами!

Это и блестящие лекции любимых преподавателей — Мариам Семеновны Атлас, Раисы Даниловны Винокур, Владимира Сергеевича Герашенко, Павла Петровича Маслова, Абрама Лазаревича Реуэля, Ерванда Арутюновича Симоняна, Георгия Павловича Солюса и многих-многих других.

Своей специализацией я выбрала «Финансы и кредит».

Финансовый институт находился далеко от нашего дома — на улице Церковная Горка, дом 30 (ныне улица Кибальчича д. 1). Мне необходимо было сначала дойти пешком до метро «Новокузнецкая», доехать до кольцевой станции «Проспект мира», тогда она называлась «Ботанический сад» (радиальной станции «Проспект мира» тогда не было), а оттуда ехать на трамвае до института.

Для того чтобы успеть на занятия, начинающиеся в девять часов утра, вставать приходилось в семь. Но это нормально, никаких проблем.

Находился институт явно не в престижном месте. Это сейчас здесь оживлённая жизнь — жилые дома, магазины, широкий проспект. А тогда с «цивилизацией» этот район связывала только ВСХВ — Всесоюзная сельскохозяйственная выставка (переименованная в 1959 году в ВДНХ — Выставку достижений народного хозяйства, ставшая теперь Всероссийским выставочным центром).

Вокруг института сплошь стояли деревянные постройки. Здесь можно сказать, была настоящая деревня. И институтские двухэтаж-

ные общежития барачного типа были построены временно ещё в 1938 году. Сроком на пять лет для рабочих-строителей. В длинные коридоры общежитий выходили примерно 30 комнат, разных по размерам. В шестнадцатиметровке жили четыре-пять человек, в маленькой, двенадцатиметровке, — «всего» двое—трое. Был норматив шесть квадратных метров на человека, но его никто не придерживался... Но устроиться в общежитие жить даже в таких условиях было большим счастьем, потому что от барака до института можно было идти пешком.

Поскольку мест в общежитиях студентам не хватало, снимались койки в районе железнодорожных станций Лосиноостровская и Тайнинская.

Снимать комнату было очень дорого, поэтому искали квартиры, где жильцы пускали жить студента, предоставляя ему только койку. Иногда вместе могли жить и два, и три студента. Они сюда приходили только ночевать. Хозяева, как правило, были хорошие. Выделяли какой-нибудь столик или тумбочку, чтоб было где заниматься. У нас в группе было много ребят, которые снимали именно такие койки.

Но и таких мест не хватало.

Крот истории: *«Действительно, годы были нелёгкие и рассчитывать на особый комфорт людям, пережившим тяжёлую войну, не приходилось. Вот как описывает опыт своей учёбы в финансовом институте Ваша предшественница».*

Семенкова Т. Г.: *«Абитуриенты 1947 года шли в Московский финансовый институт пешком от Маломосковской, мимо почты и от угла серого дома наискосок к институту через... картофельное поле. Да-да, по посадкам картошки была протоптана тропинка. Тогда ещё не было улицы Кибальчича, не было бульвара, кустов и деревьев. Их позже посадили студенты. Итак, улицы не было, а что же было? Церковь XVII века, старое здание института из красного кирпича, а вокруг в беспорядке стояли дома одноэтажные, деревянные — село Старо-Алексеевское, а Ново-Алексеевское находилось ближе к Рижскому вокзалу. И ещё была на Церковной горке школа, она и сейчас там стоит, только перед школой был овраг, в который ребята с визгом съезжали на портфелях. Ярославское шоссе шло прямо, и ответвления от него вправо не было. Дома на Церковной горке когда-то были частными, потом их передали государству, сделали „жэковскими“ и заселили невероятным числом жильцов».*

Сразу скажу, ситуация в 1955 году, когда я пришла учиться в институт, изменилась не сильно. В институте было всего четыре факультета: финансовый, кредитный, учётный и международный. На них в общей сложности обучалось две тысячи студентов. Это был небольшой, дружный коллектив. Сейчас, для примера, в университете 21 тысяча студентов и 30 тысяч тех, кто ежегодно повышает квалификацию.

Артёмов Ю. М.: *«Юношей среди студентов было мало. Финансовая специальность тогда не являлась такой престижной, как теперь. Поэтому в институте бывали недоборы на учётно-экономический факультет и факультет механизации учёта».*

Действительно, если опросить тогда студентов, то многие ответили бы: «Я сюда случайно попал, собирался учиться в МГУ, но не получилось».

Вспомните фильмы, в которых одним из персонажей был бухгалтер. Как правило, я извиняюсь, недоумок, обязательно с чёрными на рукавниках, перед ним лежали счёты, и он ловко гонял туда-сюда костяшки.

Крот истории: *«Можно ещё вспомнить популярный фильм тех времён „Карьера Димы Горина“, в котором главный герой поменял скучную перспективу стать начальником районной сберкассы на таёжную романтику».*

Или, как я помню, в детстве приходил к нам в коммунальную квартиру страховой агент. Седенький, невысокого роста мужчина. Поклонившись, говорил моей маме: «Катерина Ивановна, давайте хоть что-нибудь застрахуем». Она ему в ответ: «Да кроме детей, тут и страховать нечего». Жалко его было.

Дело в том, что тогдашняя идеология ориентировала на отсутствие в будущем товарно-денежных отношений. А раз нет этих отношений, нет денег, то и финансисты, которые имеют дело с денежными потоками, становятся ненужными. Отсюда и бесперспективность профессии.

Так мой коллега, бывший проректор, Валерий Николаевич Сумароков, совершенно изумительный человек, поступал в технический вуз. Что-то у него не получилось, и он пошёл учиться в финансовый. Наша профессия была совсем не престижная. И только попав сюда, в эту совершенно потрясающую, интересную атмосферу, мы понимали, насколько интересным делом предстоит заниматься. Сегодня совершенно другое дело. Люди, поступаая, уже уверены, что получат глубокие знания и финансовое благополучие.

Вот и шли в институт в основном девчонки. Так у нас в группе были только два мальчика. Сейчас соотношение 60 к 40 процентам. Девочек по-прежнему больше, но уже не такой перевес.

Купринова Юлия, (член студенческого профкома МФИ в 1955–1957): *«Когда я поступила в 1955 году, деканом нашим был профессор Коньшин. 1 сентября на первом собрании он нам сказал: „Вы ещё не понимаете, в какой вуз вы поступили! Вы это поймёте, когда его окончите и начнёте работать. Тогда вам станет понятно, какие обширные и крепкие знания вы получили здесь“. Мне посчастливилось работать в нескольких отраслях. Во всех в них я быстро ориентировалась».*

Помню первое собрание по поводу начала учёбы, оно не было таким торжественным, как стали проводить его позже. Мы, первокурсники собрались в актовом зале № 62, перед нами выступил ректор Владимир Васильевич Щербаков, Мариам Семёновна Атлас, лучше всех умевшая приободрить будущих студентов и секретарь комсомольской организации студентка Ината Дмитриевна Мамонова.

Представили нам декана Павла Фёдоровича Ипатова. Всё закончилось очень быстро, Щербаков не любил длинных речей.

Студенческие годы были веселой, интересной порой. И друзья-студенты, с которыми мы настолько сдружились, что до сих пор встречаемся. Товарищи по студенческой скамье — мои самые близкие друзья по жизни.

Уже на первом курсе я стала старостой группы. Мы устраивали вечера художественной самодеятельности, бегали на футбол. Правда, в этом у нас были разногласия. Все мальчишки болели за «Спартак», а девочки, в том числе и я, конечно, — за «Динамо».

В институте хорошо была поставлена физическая культура. Заведовал кафедрой заслуженный мастер спорта СССР Алексей Григорьевич Бычков. В 1946–1949 годах он был государственным тренером по лыжному спорту, а с 1950 по 1965 год возглавлял у нас в институте кафедру физкультуры.

Артёмов Ю. М.: *«Надо ли говорить о том, что лыжи дружили со студентами, и наоборот».*

Юрий Михайлович окончил институт раньше нас — в 1954 году, но при нас ситуация не изменилась.

Крот истории: *«А вот что рассказывает однокурсник Вадим, теперь уже Вадим Иванович Рябкин».*

Рябкин В. И.: *«Приведу некоторые фрагменты из студенческой жизни тех лет. Зимние уроки физкультуры (лыжи) проходили либо на открытом воздухе в виде „гонок“ от подъезда института (Церковная горка) до железнодорожной станции „Маленковская“, либо в теплом, уютном спортивном зале этого здания. Себя трудно оценить, но вполне чётко вспоминаю и вижу на лыжах — Галину Подшиваленко и Анну Локшину, у волейбольной сетки — Германа Скобелкина, с которым вместе играли в волейбол за сборную команду института».*

Моей любимой игрой тоже был волейбол, также я занималась настольным теннисом, до сих пор обожаю играть и, конечно, выигрывать.

Купринова Юлия: *«Во дворе у нас была волейбольная площадка, и там мы частенько пересекались с Аллой. До сих пор помню, как она увлечённо играла! Равных ей не было! А ещё она любила со студентами ездить на природу».*

Кроме спорта, у нас были и другие увлечения. Наверное, не было ни одного спектакля, который бы мы не посмотрели, не пропустили ни одной премьеры. Иногда брали билеты в Большой театр по 20 копеек, на галерку, сидели на последнем ярусе. Но мы смотрели всё! И потом устраивали обсуждения, выверяли свои ощущения и впечатления, ведь вместе можно по-новому посмотреть на целый ряд эпизодов, на которые бы иначе не обратил внимания.

Самое потрясающее ощущение осталось у меня от балетов с Галиной Улановой — «Лебединое озеро», «Жизель» и «Шопениана».

Крот истории: *«Вот подтверждение сказанного Зиной Бабаевой, ставшей Зинаидой Даниловной — директором института учёта и аудита Финансовой академии, окончившей институт вместе с Аллой Мухиной».*

Бабаева З. Н.: *«Мы очень часто ходили в театры (старались не пропускать ни одной премьеры), музеи, на выставки. Хотелось как можно больше узнать и увидеть. В институте часто устраивались различные (праздничные, тематические) вечера. Был организован литературный кружок, которым руководил проф. М. М. Усокин. Мы с Г. Ежовой занимались в этом кружке и иногда писали стихи».*

Конечно, мы не ограничивались постижением серьёзного репертуара. Каждое поколение сходит с ума по-своему. Нас, например, осуждали за фокстрот. Можно было танцевать бальные танцы, в крайнем случае, танго. Но фокстрот... Хотя меня прощали, надеюсь, не потому

что я была секретарём комитета комсомола, а потому что хорошо танцевала, ведь до этого я занималась балетом...

Однажды в пионерском лагере завели фокстрот, и я решила с другим пионервожатым станцевать под эту музыку. Это «безобразие» увидел директор лагеря и сказал: «Только из-за того, что вы красиво танцуете, я вас прощаю! Но чтобы больше я этого не видел!»

Сегодняшний быстрый темп жизни породил совершенно другую музыку и другие танцы. Наверное, это дань времени.

Артёмов Ю. М.: *«На вечера отдыха в институт приглашались лучшие музыкальные ансамбли Москвы. На эти вечера с танцами приглашались студенты технических вузов — МВТУ им. Баумана, Энергетического, Инженерно-строительного. Приглашения наши ими принимались с пониманием, поскольку в МФИ было много девушек».*

Мы организовывали веселые вечера и в общежитии, куда приходили преподаватели. На них в неформальной обстановке можно было поговорить о самых волнующих проблемах, пошутить. Там мы вместе сочиняли стихи.

Бард В. С.: *«В наши студенческие годы в институте устраивали великолепные вечера с танцами, которые проходили в спортзале, аудиториях 37-й и 50-й. На эти вечера, кстати, приходили многие преподаватели. Никогда не забудется, как прекрасно вальсировали галантный А. Л. Реуэль и красавица Т. Г. Семенова (если бы тогда проводились конкурсы „Мисс МФИ“, то она была бы вне конкуренции)».*

В институте работала масса научных студенческих кружков. В 1946 году было создано НСО — научное студенческое общество. В 2021 году ему исполнилось 75 лет. Я, как член НСО, не раз участвовала во Всесоюзных конкурсах студенческих работ по проблемам общественных наук.

Купринова Юлия: *«В студенческом профкоме МФИ я отвечала за научное направление деятельности студентов. Там познакомилась с Аллой и увидела, насколько она многогранна. С ней мы обсуждали тематику научных студенческих работ, распределяли среди студентов доклады на научных средах».*

Тогда я поняла, что экономика — потрясающая наука, требующая энциклопедических знаний, аналитического склада ума и системного мышления, системного подхода. Ошибки здесь очень дорого стоят.

Популярны были в нашей среде и диспуты на самые разнообразные темы.

А разве можно забыть Международный фестиваль молодежи и студентов 1957 года, правительственный приём в Тайнинском саду в Кремле, где мне посчастливилось присутствовать!

Памятны и поездки на уборку картофеля в Подмосковье. Незабываемой «картошкой» открывался наш осенний семестр. В подшефном колхозе было сыро, грязно, иногда голодно и трудно, но весело. Порой «выезд на картошку» заменялся сбором помидоров или арбузов в жаркой Астраханской области. Но предмет сбора не был важен. Такие события запоминаются на всю жизнь. Именно там формируется дружба, порой возникает любовь. К тому же после таких поездок не было вопросов с выбором старост, комсоргов и членов комитетов комсомола. Все ребята и девочки были на виду.

Очень жалко, что сегодняшние студенты лишены этой школы взросления.

Захаров В. С.: *«Во время учёбы в институте я был членом комитета комсомола института по культурно-массовой работе, заместителем секретаря по оргработе и секретарём комитета, членом бюро райкома комсомола. Общественная жизнь кипела. Хотелось успеть везде. Впитывать и впитывать знания, которые нам давали преподаватели Финансового института. Я занимался в научном кружке профессора В. Е. Мотылёва „Проблемы империализма“. Занятия проходили интересно, иногда даже бурно. Неумолимый профессор учил, дискутировал, сопоставлял развитие двух общественных систем, анализировал, а выводы делали мы».*

У Вячеслава Сергеевича Захарова, окончившего институт в 1956 году и ставшего зампредом Госбанка СССР, Ирины Сергеевны и Людды Мельниченко я приняла эстафету секретаря комитета комсомола института, а через год была избрана и секретарем Щербаковского РК ВЛКСМ.

Крот истории: *«Важным для воспитания будущего специалиста всегда был так называемый „третий семестр“. Во время него было видно, чего стоит твой однокурсник — там нередко создавались новые семьи, укреплялась дружба. Немаловажным был и заработок, позволяющий студенту одеться, купить какую-то необходимую вещь, да мало ли для чего молодёжи нужны были столь нелишние деньги, заработанные своим трудом! Что для Вас были эти летние трудовые будни?»*

Во время нашей учёбы в стране началось освоение целины, в котором активное участие в летние каникулы принимали студенты фи-

нансового института. Есть наш скромный вклад и в строительстве Московской кольцевой автодороги, в сооружении станций метро от Проспекта Мира до ВДНХ. Помню, с каким веселым настроением, с песнями, мы ездили строить МКАД, как работали на строительстве станции метро «Ботанический сад». Мне досталась однажды почетная миссия — прикреплять буквы. Представляете, как было обидно, когда приняли решение изменить название станции на «Проспект мира», и все мои тщательно прикрепленные буквы были сняты.

Именно с освоения целины началось движение ССО — студенческих строительных отрядов. Решение о создании первого из них было принято в октябре 1958 года. Весной первые отряды официально поехали строить объекты в Казахстан. Я из-за болезни мамы не могла уезжать далеко на всё лето, поэтому в стройотряды не ездила, но, поскольку моя семья была достаточно бедная, каждое лето ездила в пионерский лагерь, сначала вожатой, потом старшей вожатой... Для меня, как для будущего педагога, это была потрясающая школа!

В первый мой заезд самого шаловливого парнишку, от которого отказались все более опытные воспитатели, перевели на время для перевоспитания в мой отряд, состоящий из мелюзги. Кому больше принесла пользы эта мера воспитания — ему или мне — до сих пор не пойму! В результате «неподдающийся» оказался удивительно интересным, умным, заводным, уходить из моего отряда он категорически отказался и стал моим настоящим помощником, и не только в эту смену, но и на следующий год. После этого директор лагеря мне сказал: «Ну, мой друг, вам надо быть только педагогом! Это первый месяц за три года, когда мы живём спокойно!»

Мой товарищ по комитету комсомола Юрий Ямщиков, который был младше меня на два года, поступил в институт в 1957 году и был секретарём курсового бюро.

Ямщиков Ю. С.: *«Как-то в своём дневнике в те годы я написал, что эта девушка далеко пойдёт. Во-первых, у неё явный организаторский талант, во-вторых, она волевая и решительная, культурная, авторитетная среди ребят, заводила. И всё это сочетается со скромностью. В студенческие годы проявился её дар вникать в сущность любого вопроса. И если за что-то она бралась, то доводила дело до конца».*

Вот как вспоминает Юрий участие наших ребят и девочек в движении, которое, возможно, ещё тогда не до конца оформилось в движение ССО.

Ямщиков Ю. С.: *«Большое впечатление оставила поездка в составе студенческого отряда МФИ на уборку урожая на целинные земли Казахстана, где мы трудились летом 1958 г. Немного подзаработали. Помню, на полученные деньги я приоделся — купил костюм и пальто».*

Юра потом станет генералом-лейтенантом, начальником финансового управления Министерства обороны, заместителем начальника инспекции Счётной палаты РФ. А вот рассказ Бориса Евсеевича Ланина (выпуск 1960 года), ставшего профессором кафедры экономической теории нашей Академии.

Ланин Б. Е.: *«Сентябрь 1957 года. Вместе с большой группой студентов финансово-экономического факультета я отправился в Бийский район Алтайского края, где в течение месяца мы должны были стать настоящими сельскими тружениками, где нам на деле впервые пришлось понять, как нелегко достаётся каждый пуд зерна и почему „фунт лиха“. Добирались мы до своей алтайской нивы целую неделю. Нас везли в товарных вагонах (правда, обратно в Москву мы уже возвращались в вагонах купейных, в скором поезде со всеми удобствами) и, конечно, молодой жизнерадостный оптимизм был использован для окрашивания долгой дороги через добрую половину страны. Именно здесь, в этих вагонах, я стал одним из организаторов выпуска рукописной ежедневной юмористической газеты „Телятник“ (так мы прозвали в шутку средство нашего передвижения). В пути под стук колёс сочинялись стихи, эпиграммы и „новости“ походной жизни в прозе, рисовались карикатуры. Тогда все это нам казалось достаточно остроумным, включая даже такие вирши, как „мама-мамочка, прощай, уезжаю на Алтай“. В самый же последний день перед прибытием в Бийск наша газета вышла в свет (нетрудно догадаться, почему) под новым названием — „Свинарник“. Кстати сказать, шесть номеров подобной раритетной стенгазеты были выставлены для всеобщего обозрения на специальном стенде в МФИ на радостном вечере, посвященном возвращению „героев целины“ в родной вуз (и кто знает, к сожалению или к счастью, но названные рукописи не сохранились до настоящего времени)».*

Комитет комсомола занимался условиями жизни студентов. В институтском общежитии на ул. Б. Галушкина (называемом тогда АСГ, т. е. Алексеевским студгородком) в комнате жили по четыре человека.

Логвинов С. А.: *«Кто-то сказал: пошли в Финансовый институт. Сказано — сделано. Ура! Я — студент. Гора свалилась с плеч, ведь конкурс для вчерашних школьников был 15 человек на одно место.*

Вторая проблема — общежитие, но и она разрешилась. Правда, условия в „общаге“ того времени были мало похожи на цивилизованные: подгнившие полы, удобства в ограниченном количестве в конце коридора, в комнатах скученность, но довольны были и этим».

Важным участком студенческой общественной работы были выборы.

Семенкова Т. Г.: *«Студенты 1-го курса в 1947 году, все или очень многие, по заданию комсомола были агитаторами в предвыборные кампании в Верховный Совет, в местные Советы, в народный суд. Ходили по домам, составляли, проверяли и выверяли списки избирателей. Но чтобы составить списки, надо было немало поблуждать вокруг домов, так как в них понаделали массу входов и выходов. Каждый жилец хотел иметь хоть видимость самостоятельности в своем доме, поэтому прорубали двери и пристраивали к ним тамбурчики. В одном доме могло быть 5–6 входов. Перед выборами агитаторы должны были разнести открытки (яркие плакатики с датой выборов), заранее написав имя каждого избирателя, и вручить избирателям, желательно лично. Это последняя проверка наличия всех избирателей на местах. Если кто был в командировке или больнице, агитатор должен был получить справку в ЖЭКе. Больных, которые не могли ходить, включали в список избирателей, которым будет на машине домой доставлена урна для голосования. Родные и близкие готовились: наводили в доме порядок. Но самым ответственным в работе агитаторов — 18-летних студентов — было ведение агитации и пропаганды, умение убедить, успокоить людей, выслушать все их жалобы».*

Крот истории: *«Вы рано стали „начальницей“. Со школы Вас выбирали на различные общественные должности. Что давала такая „школа управления“, какие черты характера она формировала?»*

Старостой в группе я была достаточно жёсткой и не допускала, чтобы кто-то пропускал занятия, имея «хвосты» или даже текущие двойки. Только если у товарища было всё в порядке с учёбой, шла ему навстречу, если, конечно, не чувствовала, что грядёт проверка деканата. Удивительно, но все ребята группы слушались.

Часто моей добротой пользовался Юра Чулков, очень красивый юноша с невероятно жгучей рыжей шевелюрой, он нравился девочкам, да ещё увлёкся баскетболом, играл в институтской команде вместе с Валею Павловым (ставшим впоследствии премьером страны), учившимся в параллельной группе, и Витей Геращенко, учившимся на младшем курсе.

Помню, Юра недолюбливал английский язык. Замечательный учитель Л. П. Гусева, понимая, что он способный, умный юноша, видимо, твёрдо решила заставить его выучить иностранный язык. Она часто на семинарах вызывала его и предлагала читать текст, а Юра томным голосом говорил: «Ну Людмила Петровна, я не успел подготовиться», но она спокойно стояла на своём: «Я уже 28 лет Людмила Петровна и я не спрашиваю, готовился ты или нет! Читайте, Чулков». Юрий пытался отшутиться: «Людмилой Петровной Вы стали только что, Вы всегда раньше были Людочкой». Следующим заданием был перевод. Чулков возмутился: «Ну это уже слишком!»

Однажды за очередную двойку по английскому я не пустила его на баскетбольную тренировку. Тогда пришёл Валя Павлов и стал меня уговаривать отпустить Юру. Я отвечала, что это будет только после того, как тот исправит «неуд». Тогда Валя сказал, что даёт честное слово, что на следующем занятии Юра обязательно двойку исправит. Пришлось отпустить. Конечно, кроме спортивных тренировок для пропуска занятий было у нас немало и других соблазнов. В конце концов он замечательно освоил язык, был советником-посланником I класса, достойно представлял нашу страну в ООН.

Чулков Ю. А.: *«Из всех преподавателей моя любимая — Мариам Семёновна Атлас, которая была не только замечательным преподавателем, но и воспитателем. Она нередко прощала мне „грехи“: пропуск занятий, даже порой плохое знание предмета. То же самое относится к нашей неизменной старосте группы Алле Георгиевне Мухиной (Грязновой), которая была прекрасной и одновременно строгой девушкой. С неё мы брали пример.*

Во время учёбы в Московском финансовом институте у нас сложилась крепкая дружба среди спортсменов-баскетболистов. К окончанию института посыпались „баскетбольные свадьбы“: Павловы (Валентин Павлов и Валентина Демедчук — капитан женской команды); Чулковы (Юрий Чулков — капитан мужской команды и Ольга Шкинцова — нападающая женской команды); Геращенко (Виктор Геращенко — центровый мужской команды и Нина Дроздова — студентка КЭФ — болельщица баскетбольной команды); Вороновы (Евгений Воронов — баскетболист и Тамара Гольцева — гимнастка, студентка МФИ); Беляевы (Евгений Беляев — гимнаст и Галина Новожилова — баскетболистка)».

На третьем курсе, как я уже отмечала, студенты избрали меня секретарём комитета комсомола института. Параллельно я стала третьим секретарём Щербаковского райкома ВЛКСМ.

Комсомольская работа дала мне буквально всё. Во-первых, это страшно интересно и значительно расширило масштабы работы, сферы деятельности. Во-вторых, есть возможность научиться общаться, организовывать значительные мероприятия, познавать разные отрасли, усиливает чувство ответственности. Все навыки руководящего работника у меня сформировались именно тогда.

Все члены комитета стали моими друзьями на всю жизнь. Наша четвёрка была неразлучна — я, Юра Ямщиков, Лариса Тишина, Валерочка Звездин.

Были и другие ребята, которые входили в нашу компанию. Лара вела дневник и обычно записывала, где «были мы», то есть наша четвёрка. Она делала приписки: «и с нами Аля Звонова» или «и с нами Миша Самсонов».

Алечка Звонова, в годы нашей учебы Труханова, выпускала институтскую студенческую газету, а потом долгие годы возглавляла издательство «Финансы и статистика». Моим замом по идеологической работе был Валера Звездин. Позже он работал в КГБ, неоднократно бывал в Афганистане, о серьёзности его деятельности мы узнали только на его похоронах, и то намёками.

По культмассовой работе моим замом был Юра Ямщиков. С ним мы организовывали вечера в Клубе завода «Калибр» (своего у нас не было), на подшефной Фабрике «Гознак», заводе «Водоприбор». Называли мы их «Устными журналами». Одна страница его могла быть посвящена обсуждению нового фильма, после него шло выступление какого-нибудь неординарного учёного, наконец, обязательные номера нашей художественной самодеятельности.

А Новогодние вечера проводили на Держинке, в доме, где находился Гастроном № 1. Там прямо над ним есть большой зал на 1 тыс. мест.

Ямщиков Ю. С.: *«Среди наиболее ярких впечатлений, оставшихся от времён студенчества, — общественная работа, прежде всего в комитете комсомола института. Меня, видимо, за мой в то время „юморной“ характер, буквально „вытолкали“ с первого курса в художественную самодеятельность. Был участником всех концертов, проводившихся в стенах института. Секретарём комитета комсомола была Алла Мухина (Алла Георгиевна Грязнова). Уже в те годы она отличалась блестящими организаторскими способностями, и мы ей предсказывали большое будущее. Так и случилось.»*

В нашей семье сохранились дневники тех лет, из которых можно черпнуть сведения о том, что ежегодно в институте проводились смотры художественной самодеятельности, в которых выступало до 50 человек и которые продолжались по четыре часа и более. А бывало, что они начинались в шесть часов вечера и заканчивались в двенадцать ночи. Выпускалась стенгазета „Художественная самодеятельность“, был создан студенческий театр, которым руководил заслуженный артист РСФСР, актёр МХАТа Д. И. Шутов.

С шефскими концертами мы выступали на заводах „Водоприбор“, „Калибр“, фабрике „Гознак“, в Минфине РСФСР, агитпунктах, общежитиях, а также проводили совместные вечера с рядом московских институтов».

Всегда в нашей компании был Миша Самсонов и Толя Милюков. Михаил потом стал банкиром, работал в *Wozchod Handelsbank* — банке с российским капиталом в Цюрихе. А Анатолий работал в ЦК КПСС, возглавлял группу консультантов, а с начала 1990-х годов работал в Ассоциации российских банков.

Милюков А. И.: *«Я возглавлял комсомольскую организацию группы, а потом курса. Звание „комиссар“ с подачи нашего декана В. И. Туровцева „прилипло“ ко мне в студенческие годы и не отпускает до сих пор.*

В борьбе за успеваемость — на это было направлено всё — в соревновании за лучшую группу наша группа победила. И награда: поездка в Ленинград.

Тревога за страну, за дела народные пронизывали все дискуссии на семинарах, в научных кружках и даже во время студенческих тусовок. Неправда, что мы слепо верили во всё! Мы сомневались, спорили.

Забота о стране проявлялась и в наших делах. Народная дружина МФИ по охране общественного порядка была лучшей в районе. Я был комиссаром дружины. Душа дружины — её руководитель, преподаватель В. В. Журавлев.

Помню, нам сообщили, что хулиганствующие молодчики бесчинствуют вечером на ледовом катке стадиона на Первой Ярославской улице. Мы объединились со студентами-дружинниками других вузов, особенно студентами Физического института. Несколько массовых дежурств и —помогло!

Другой случай. В штаб дружины пришёл „неблагополучный“ парень из соседних домов и попросился в дружину. Приняли. Но через некоторое время прежние дружки нанесли ему ножевые ранения. Их задержали.

На суде с яркой речью общественного обвинителя выступил студент нашего института Борис Киреев.

Наша общественная жилка особенно проявлялась в работе на целине, на стройках метро, на уборке картофеля.

Помню, выехала в подмосковный совхоз Рузского района большая группа студентов. Через неделю сообщают — там беспорядок. И мы вдвоем с секретарём комитета ВЛКСМ института Аллой Мухиной (теперь Аллой Георгиевной Грязновой), кстати, душой института, на попутных грузовиках едем в совхоз, по деревням, уладить все возникшие проблемы. По итогам работы студентов институт получил благодарность от совхоза».

Действительно, мне поступила информация о проблемах в студенческой бригаде, трудившейся на сборе картофеля в подшефном совхозе. Выяснив, какой факультет бастует, я тут же распорядилась найти их комсомольского секретаря — Толю Милюкова. Дала ему час на сборы, и мы выехали в совхоз. Поехали налегке, я была в сарафане. Чтобы добраться до места, голосовали, ехали на перекладных машинах, на грузовых полуторках. Никто, кстати, с нас не брал денег. Заодно проехали все совхозы, где были наши ребята и девчата, навели везде порядок. После этого кормить ребят стали хорошо, и студенты даже отказались уезжать со второй смены, такая возможность у них была. В результате из таких трудовых семестров все приезжали сдружившимися. Человек на них открывался полностью. Помню, невзлюбили сына нашего преподавателя политэкономии. Я спрашиваю ребят: «Почему вы так к нему относитесь? Что случилось?» И получаю ответ: «А как бы вы отнеслись к тому, кто копчёную колбасу под одеялом ест?» «Я с вами согласна, я бы вообще ему тёмную устроила!» — сказала я. «А мы так и сделали!» — услышала на это.

В компании постепенно образовывались пары... Все чаще стали проявляться персональные ухаживания, что, правда, не мешало общей дружбе. К общественной работе приобщались будущие жены и мужья. Первой крепкой семейной парой стали Ямщиковы (Юра и Лариса). Ларочка Тишина, большая профсоюзная активистка, взяла фамилию мужа. Потом она работала в Московском экономико-статистическом институте доцентом кафедры, они вырастили двух прекрасных талантливых детей (педагога и банкира, кандидатов экономических наук), воспитали трёх внуков.

Валера Звездин подтянул Зину, ставшую его верной, чудесной женой, а Алечка Звонова — Толю.

Наш дружный институтский комитет комсомола и несколько прикнувших профсоюзных лидеров тех лет до сих пор вместе. Выросли наши дети, внуки, некоторые из них уже поступили в Финансовую академию или университет, а мы, как и в те юные студенческие годы, продолжаем помогать друг другу по жизни, вместе отмечаем все дни рождения. Когда выяснилось, что никто из нас не родился в январе, мы решили 7 января вместе праздновать Рождество у Юрочки Ямщикова. Но в 2021 году и эта жизненная нить оборвалась... Юры не стало.

Ямщиков Ю. С.: *«Я ещё студентом любил приходить к Мухиным — в семью Аллы. Сразу сажали за стол, кормили. Гены родителей передались и ей.»*

Как всегда, самый длинный тост произносила Алечка Звонова. Её уже нет. Самые короткие тосты произносили бывшие банкиры Внешторгбанка СССР: строгая Юлия Куприянова и Миша Самсонов, долгие годы успешно торговавший золотом в Цюрихе. Самый трогательный тост удавался Гале Пашиной... Вспоминаем мы и моего любимого зама по политработе Валеру Звездина — обладателя неповторимого сильного голоса, который лучше всех исполнял по нашей с мужем просьбе любимые песни — «Дрозды» и «Малиновка». Валера долгие годы проработал на ответственной работе в КГБ, неоднократно вылетал по заданиям в Афганистан, где его самолет попадал под обстрел. К сожалению, его сердце не выдержало перегрузок, и теперь его верная супруга Зиночка представляет в нашей компании дружное семейство Звездиных, в котором и родители, и дети являются выпускниками родного вуза.

К сожалению, у нас наступил период не расширения, а уменьшения компании из-за ухода в другой мир ряда друзей...

Шахов В. В.: *«Поток, на котором мы занимались, был дружным и весёлым. Нам удавалось сочетать учёбу в институте с походами в театр (смотрели почти все премьеры), кино, устраивать смотры художественной самодеятельности, различные „капустники“, бесконечные диспуты и „устные журналы“, а ещё, конечно, ухаживать за студентками и влюбляться. У нас на потоке было много умных и красивых девочек.»*

Крот истории: *«На учёбу-то с такой нагрузкой время оставалось?»*

Про учёбу я никогда не забывала, на третьем и четвёртом курсе даже получала Сталинскую стипендию в 780 рублей. А что касается

Славы Шахова, то мы учились с ним на одном потоке. Когда проходило распределение выпускников, Славе предложили, как отличнику, хорошую должность в Центральной России, а он предпочел Дальний Восток, чтобы быстрее стать самостоятельным специалистом. Затем он был вызван в Москву и успешно возглавил Росгосстрах.

Пашина Г. Д. (*председатель студенческого профкома МФИ (1955–1957)*): «Алла в институте пользовалась огромным авторитетом. Ни один студент ею не был забыт. Казалось, что она знает, чем каждый из них дышит.

Уже на первом курсе меня выбрали в профком. Он был объединённым, в него входили и студенты, и преподаватели. Среди всех новых знакомых выделялась худенькая девушка — активная и справедливая. Она и за студентов стояла горой, и с преподавателями умела найти общий язык. И они, более взрослые и опытные, прислушивались к её доводам. Неслучайно она быстро завоевала большой авторитет в институте».

Много в то время в нашем институте, да и в других учебных заведениях страны училось иностранных студентов: из Китая, Монголии, Албании, Чехословакии, ГДР и других стран. Мы старались помогать им в учебе и налаживании быта.

Китайское землячество было очень большое. С ними бывали забавные случаи. Я сидела на второй парте, а на первой — Чжоу Цзы Яо, симпатичная китайская девушка. Мы её звали Сяо. И один наш лоботряс (хотя из него потом хороший человек получился) решил за ней поухаживать и пригласил её в кино. «Хоясё, хоясё!» — получил он ответ. «А можно на вечерний сеанс, в семь?» — спрашивает потенциальный кавалер. «Хоясё, хоясё!» — вновь отвечает барышня и добавляет: «Только я должна спросить разрешения у комсомольской организации!» Она действительно обратилась за разрешением, и ей не посоветовали так легкомысленно поступать.

Наша дружба, к сожалению, прервалась с некоторыми из них после окончания вуза из-за «культурной революции» в Китае и серьёзных политических изменений в Албании. Очень жаль. Так хотелось бы узнать, как сложились их судьбы.

С иностранными студентами случались комичные ситуации, и когда я уже стала ректором института. Однажды монгольские студенты пожаловались на своего декана международного факультета Инату Дмитриевну Мамонову. Изумительную женщину. Они ультимативно заявили: «Уберите её, иначе мы перейдём в другой вуз!» Прошу

их рассказать, что случилось. Отвечают, что не могут этого сделать. «Тогда у нас не получится разговор!» — говорю я. Наконец выжимают из себя: «Она ругается плохими словами на нас, она нас ненавидит!» Зная Инату Дмитриевну, парирую: «Не может такого быть!» Студенты настаивают: «Это правда!» Тогда я решаю разобраться в этом деле, спрашиваю у Мамоновой, как у неё идут дела. «Нормально, — отвечает она, — только монголы что-то дурят, перестали посещать занятия!» Интересуюсь: «Ну, ты не слишком к ним строга?» Ината Дмитриевна считает, что нет. Делать нечего, предложила студентам встретиться в общежитии, обсудить ситуацию, чтобы они мне всё рассказали. Прийти предложила с Инатой Дмитриевной, т.к. я не люблю подковёрных игр. Монголы просят в начале поговорить лично со мной. Встречаемся, но в общежитии всё начинается сначала. Пытаюсь выяснить, что же всё-таки она говорила. Мне отвечают, что и повторить не могут такие слова! Наконец я не выдержала: «Говорите! Я как-нибудь выдержу, я взрослая женщина».

Собеседники долго готовились, договаривались между собой, кто произнесёт это ужасное слово. Наконец самый смелый спросил: «А вы меня после этого не выгоните?» После получения гарантии безопасности выдавливают из себя: «Она постоянно говорит эти слова — Ёлки-палки!» Оказалось, что в монгольском языке это выражение созвучно с очень грубыми словам. В результате конфликт удалось уладить, а вот если бы не было контакта, доверия со студентами, мог бы международный конфликт возникнуть! Поэтому я всегда очень старалась, чтобы деканы были близки к студентам, знали их нужды.

Даже после развала СССР у нас нормальные, добрые отношения складываются со многими странами. В этих государствах живут и трудятся на благо своих стран наши же бывшие ученики — те, кто получил блестящее образование у нас, в наших высших учебных заведениях. Они понимают нашу страну, наш многонациональный народ, его культуру, менталитет. Многие из них занимают сегодня достаточно высокие посты в своих странах: и государственные, и общественные, и политические, и военные.

Кстати, и сегодня в нашем университете учатся студенты, являющиеся гражданами многих республик бывшего Советского Союза, а также других стран мира. Все они гармонично влились в жизнь университета. Становятся активными участниками студенческих научных кружков, участвуют в общественной и культурной жизни уни-

верситета. У нас обучается молодежь из Монголии, Вьетнама, Китая, Венгрии, Испании, Камеруна, Танзании, Нигерии и так далее. Более чем из 47 стран мира!

Обучение иностранцев в вузах нашей страны всегда было сознательной политикой, и абсолютно правильно поступали те государственные мужи, кто смотрел в далекое будущее.

И нам есть, что перенимать у наших друзей. Например, брать пример с китайцев, как они, начиная с дошкольного возраста, занимаются воспитанием и образованием подрастающего поколения. Детей воспитывают не только родители. В воспитании поколений активно участвует государство, вся страна. Их школьники после окончания уроков дружно идут в библиотеку, хотя их никто туда специально не посылает. Там они делают уроки, заказывая нужную литературу. Желая обрести знания, добиться больших успехов в жизни, школьники не упускают ни одной минуты!

Меня поражает, насколько китайцы трудолюбивы и неимоверно послушны. Если им сказано, что надо что-то делать и укажут как, то они всё сделают как положено. Их национальный подход: государственная заинтересованность в том, чтобы с малых лет их гражданин рос трудолюбивым, воспитанным, образованным и при этом был патриотом своей страны. В китайцах с рождения сидит исполнительность и вера в своё руководство.

Я не забуду один показательный пример. Шёл 1956–1957-й год. Сильный снег выпал на части территории Китая. Снегом был занесён аэродром, так что он не давал самолетам взлетать и приземляться. Техники в стране для ликвидации последствий этого природного явления явно не хватало. Что сделал Мао Цзэдун? Он попросил всех живущих недалеко от аэродрома китайцев, идя на работу, захватить с собой пакетик или сумочку, зайти на аэродром и наполнить их снегом. Действительно китайцы вышли чуть пораньше и выполнили призыв вождя. В результате взлётные полосы аэродрома были очищены от снега за два часа.

Крот истории: *«Видимо тогда Вы попали в резерв районных общественных организаций. Как складывались Ваши взаимоотношения с ними? Что повлияло на Ваше решение с распределением?»*

Помню, как я, будучи секретарём комитета комсомола, организовывала институтскую колонну на демонстрациях. Нам давали установку: выводить не больше, чем 300 человек от организации.

В один из праздников к институту пришло 1200 человек. Что делать? Выгнать лишних ребят я не могла. Ребята подготовились, срезали высохшие веточки, прикрепили к ним нарисованные зеленые листочки. Тогда я разбила их на группы по 300 человек. Существовало правило: когда колонны демонстрантов проходили мимо районной трибуны, руководители колонн всегда поднимались на неё. Поднялась и я, чтобы вовремя в микрофон поприветствовать колонну финансового института...

А она выглядела так красиво! И вот я с трибуны начинаю кричать: «Да здравствует Финансовый институт!» Следом: «Да здравствуют преподаватели!» И в третий раз: «Да здравствуют студенты!» А весь народ на улице кричал в ответ: «Ура!» И те, кто шёл в колонне, и те, кто стоял по периметру со всех сторон. Это было удивительное единение народа, общая радость и веселье. Секретарь райкома партии — О. С. Кривошеина — поняла мою хитрость и говорит: «Подождите, сколько же у вас народу-то идёт?» Отговариваться не было смысла, вся моя уловка налицо, отвечаю: «Я не могла их отправить домой. Разбила на четыре колонны по триста человек». Ольга Сергеевна улыбнулась и сказала только: «Ну, ты и хитрая!»

На последнем курсе меня с подругой, Валею Шеремет, направили на производственную практику и подготовку дипломной работы в Министерство финансов. Там нам следовало ознакомиться с работой массы различных подразделений. Но происходило это в самом начале года, когда шло окончательное уточнение бюджета на седьмую пятилетку, ставшую семилеткой (1959—1965). В главном финансовом учреждении было не до нас!

Для того, чтобы отвязаться, нам дали в работу бюджет РСФСР. Естественно, самый большой и самый сложный. Расчёт был на то, что мы до июля никого больше трогать не будем. Мы же подняли наши записи, лекции, семинары, запросили необходимые данные и стали выполнять задание. Более того, выполнили его, чем привели специалистов Минфина в шок. Начальник бюджетного управления, знаменитый Георгий Фёдорович Дундуков сказал мне: «Всё, Аллочка, я тебя никуда от себя не отпущу! И буду научным руководителем твоей дипломной работы». От такого предложения не отказываются.

Благодаря полученным знаниям я была готова работать и в бюджетном управлении, и в налоговом. Да и в любом другом подразделении системы Министерства финансов.

В моё время учёба в МФИ длилась четыре года. В 1965 году, в нашем институте и у ленинградских коллег в Финэке было введено пятилетнее образование, а Казанский финансово-экономический институт, Ростовский институт народного хозяйства по финансовым специальностям и другие партнёрские вузы продолжали оставаться с четырёхлетним обучением.

В 1959 году мне вручили диплом с отличием Московского финансового института.

В то время в СССР было обязательное распределение выпускников на работу туда, где требовались соответствующие специалисты. На три года. При этом молодому человеку или девушке могли дать направление в любой уголок страны, и он был обязан эти три года отработать там, куда его отправили. Оговаривалось всё. Во-первых, выпускникам предлагалось много мест, и тот, кто лучше учился, имел право первым выбирать будущее место работы. Во-вторых, прописывалось всё: место работы, должность, на которую тебя принимают (причём обязательно в соответствии с полученной в вузе специальностью), заработная плата, положенный отпуск, место проживания и так далее. Абсолютно всё! Но будь любезен, три года отработай. По прибытии платили приличные «подъёмные», оперативно предоставляли жильё. Высшее образование давали бесплатно, поэтому государство считало себя вправе направлять молодых специалистов работать туда, где они требовались.

Кстати, молодого специалиста весь срок работы по распределению нельзя было уволить, и с ним занимались и даже самых нерадивых выводили в люди.

А вот для хороших студентов распределение было дополнительным стимулом — он выбирал, где ему начинать делать свою карьеру.

По окончании оговорённого срока многие оставались в том городе, куда их направили на работу. Привыкали за это время, получали квартиру, заводили семью и оставались там на всю жизнь. Кто-то возвращался на родину, но уже приобретя хороший опыт.

Вот, например, хороший парень Слава Шахов, с которым мы учились в параллельных группах нашего финансового факультета. Распределение он получил на родину — в город Кострому, но попросил отправить его на Сахалин — хотел побыстрее встать на ноги. Во-первых, подзаработать (на Сахалине намного больше платили) и, во-вторых, просто приобрести самостоятельность, профессиональный

опыт. Проработал там три года и вернулся в свою Кострому, а позже даже стал председателем Госстраха СССР.

Такая практика давала возможность обеспечить специалистами все регионы страны. Во-вторых, позволяла государству заставить человека работать по своей профессии, то есть помимо теоретических знаний приобрести практические навыки, что гарантировало становление профессионала. Сейчас у нас не редкость, когда, отучившись в медицинском или педагогическом институте, выпускники идут работать совсем в другие сферы, а значит, на ветер выбрасываются государственные деньги, теряются профессиональные знания.

На мой взгляд, и сегодня можно применять систему распределения для тех, кто поступает в вузы на бюджетной основе. Государство вправе ставить вопрос о том, где им работать по окончании вуза. Хотя бы на пару лет. Правда, государственный сектор сейчас уже небольшой, основная масса предприятий — частные. И нет смысла студентов, выучившихся за государственный счёт, принудительно распределять на такие предприятия.

Крот истории: *«Вы наверняка не забывали и о своей личной жизни?*

Как складывались отношения на этом фронте?»

Начну с небольшого лирического отступления. Я по натуре — верный, порядочный человек, не способный на измену. И не понимаю, когда подружки уводят женихов друг у друга. Они же подружки!

Я дружила с мальчиком с нашего двора, и пока он был в армии, не считала возможным встречаться с кем-либо, хотя рядом в техникуме были два интересных юноши, которые уделяли мне особое внимание, да и по стуку собственного сердца были мне не безразличны. Всё-таки 17 лет! До сих пор храню их стихи и оды, которые они мне посвящали. А потом, в 19 лет, пришла настоящая взаимная любовь с первого взгляда, но, как оказалось, она опоздала на три месяца, ибо до этого родственники познакомили красавца Юру с моей любимой школьной подружкой, и он стал для неё желанным принцем. Встать на её пути я не могла. Пришлось бороться с удвоенной силой: с собственными нахлынувшими сильными и глубокими чувствами и с чувствами Юры, направляя их в сторону своей любимой подружки и не давая ни малейшей надежды на развитие наших с ним личных отношений. Победила дружба! Но до сих пор при редких встречах сердце все-таки бьётся неровно, а ведь прошло 60 лет!

Я ни о чём не жалею, так как твёрдо убеждена: нельзя предавать дружбу. Аморально строить своё счастье на несчастье другого человека. Да и судьба у подруги была не из лёгких — она рано потеряла маму. Я обязана была проявить силу, и только подушка знает, сколько ей досталось моих горьких слез.

МОИ УЧИТЕЛЯ

Крот истории: *«Большая часть дальнейшей профессиональной судьбы студента зависит от того, какие преподаватели его учили? Причём важно, не только какими они стали специалистами, важно, какими они стали людьми? Судя по Вашей карьере с этим у Вас всё было в порядке. Но всё же, что у Вас в памяти осталось о преподавательском составе института? Многие из бывших учителей стали ведь Вашими коллегами.»*

Мне просто повезло с преподавателями. Да, конечно, не только мне, это вам скажут все, кто учился со мной, да и после меня в Московском финансовом институте.

Уже в те годы в нашем небольшом (скорее камерном) вузе, мало известном в столице среди ведущих институтов и занимавшем скромное пятиэтажное здание, сформировался высококвалифицированный профессорско-преподавательский коллектив с интересными научными школами, верный замечательным отечественным традициям высшего образования.

Когда я позже выезжала за рубеж, меня спрашивали: «Вы, наверное, работали на Западе или у вас родители из „бывших“? Откуда вы знаете, как действует наша западная экономическая система?» И я всегда отвечала: «Вот такие у меня были учителя! Вот так учат в Московском финансовом институте!» Меня переспрашивали, в каком же году вы учились, и когда я отвечала, что в 1950-е годы, удивление было ещё сильнее: «Что? В Советском Союзе после войны учили этому?!»

Да у нас были предметы «Денежное обращение и кредит в США, Великобритании, Германии, Франции...» Мы сдавали экзамены. Также изучали и финансовые системы этих стран. Другой разговор, что большинство из нас не могло пощупать это своими руками. Не могли

своими глазами посмотреть, как работает биржа. Ну, разве что увидеть в кино. Но теоретически мы это знали. Практические примеры нам давали преподаватели, которые или уже бывали за рубежом, или даже в своё время преподавали там.

Крот истории: *«Давайте вспомним хотя бы тех, кто оказал на Вашу дальнейшую судьбу наибольшее влияние».*

Мариам Семёновна Атлас

Прежде всего мне, конечно, хотелось бы вспомнить совершенно уникальную женщину, заслуженного деятеля науки России, доктора экономических наук, профессора Мариам Семёновну Атлас. Это моё всё! Если о ней рассказывать, наверное, не хватило бы всей этой книги.

Счастье, что первые лекции в институте у нас читала она. Благодаря ей политэкономия стала моим любимым предметом. Как она рассказывала и объясняла, не заглядывая ни в какие конспекты! На её занятиях было так интересно, так здорово! И выглядела она всегда великолепно!

И это не только моё мнение. Среди студентов, добросовестно конспектировавших её лекции по политэкономии, — сотни известных людей, которые сегодня возглавляют федеральные министерства, коммерческие банки, занимают высокие посты в правительственных структурах.

Бабьев В. Н.: *«Навсегда останется в памяти у всех нас первая лекция, которую 1 сентября 1948 года прочитала по политической экономике доцент (затем доктор экономических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ) М. С. Атлас. Прошло много лет, но и сейчас мы признаемся ей в любви. Её лекции отличала не только простота изложения сложных экономических вопросов, но и умение довести их суть до каждого слушателя».*

Она оказала огромное влияние на меня. Эта женщина удивительной судьбы. В 1930–1940-х годах М. С. Атлас работала в Госбанке СССР в секторе кредитного планирования, а в 1943 году пришла преподавать в МФИ. Хотя она была специалистом по банковскому делу, её перевели на кафедру политэкономии (ныне кафедра экономической теории), где не хватало квалифицированных кадров. С этой кафедрой была связана вся её дальнейшая жизнь. Мариам Семёновна

очень активно работала в институте до 92-х лет, возглавляя в последние годы Научное студенческое общество.

Любовь Мариам Семёновны Атлас к студентам была воистину безграничной. Она была добрым, отзывчивым старшим другом для них. Однажды, когда ещё шла война, группу её учеников послали на лесозаготовки, где они заболели тифом. Мариам Семёновна не раздумывая поехала за студентами, привезла их, определила в больницу на Соколиной горе, но сама заразилась и долго болела.

Бард В. С.: *«Первую точную лекцию по политической экономии капитализма читала обаятельная, молодая Мариам Семёновна Атлас. Как сейчас помню, лекция была в 36-й аудитории. По окончании занятия лектор вдруг называет пять фамилий студентов (в том числе и мою), которых просит сдать тетради с записями её лекции. Не могу сказать, что у меня это вызвало чувство восторга, поскольку никогда прежде не имел опыта записи лекций (а курса „Введение в специальность“ почему-то тогда не было). Затем Мариам Семёновна вернула нам наши тетради с подробными рекомендациями, как следует записывать лекционный материал. Этими рекомендациями я пользовался по всем учебным дисциплинам. Вот она, мудрость настоящего педагога высшей школы!»*

Она буквально излучала очарование и обаяние, доброта сочилась из каждой её клеточки. Она любила помогать людям. От неё нельзя было услышать: «Я занята!» Она могла сказать: «Подходите, давайте, минут через десять». При любой её занятости!

Мы сразу в неё влюбились. Это уникальное создание, человек с энциклопедическим умом, блестящий оратор, талантливейший преподаватель-методист, воспитавшая целую плеяду выдающихся учеников. Крупный учёный, автор многих учебников по развитию банковской системы страны, экономической теории и учебных пособий, по которым и сегодня учатся студенты экономических вузов страны.

Заведующей кафедрой политэкономии Мариам Семёновна проработала 33 года, а затем в 1978 году передала полномочия мне — своей ученице (к этому времени я уже под её руководством стала доктором наук) — и продолжала работать профессором кафедры, во всём помогая новому заведующему.

Крот истории: *«Насколько я понимаю, Ваша любовь и уважение было взаимным. Вот, как вспоминала первые встречи с Вами Мариам Семёновна»:*

Атлас М. С.: *«Я читала лекции и вела семинарские занятия на финансово-экономическом факультете МФИ. Меня заинтересовала одна студентка, которая задавала вопросы, свидетельствующие о её недюжинном уме и самостоятельной оценке проблем по прослушанной лекции. Очень хорошо выступала она и на семинарских занятиях. Это была тогда Аллочка Мухина.*

Именно Аллочку Мухину мы пригласили в аспирантуру на кафедру политической экономии. Она успешно сдала вступительные экзамены и, ещё будучи в аспирантуре, стала принимать активное участие в научно-исследовательской работе кафедры. При этом Алла Георгиевна выбирала самые актуальные и сложные темы, требующие собирания и обработки фактического материала. Так, она собрала на заводе „Калибр“ большой материал о влиянии на рост производительности труда уровня общего и профессионального образования рабочих, материального стимулирования труда и его морального поощрения, внутрисменных потерь рабочего времени, обусловленных задержкой поступления необходимых сырья и материалов, а также излишними „перекурами“ рабочих.

Позднее Алла Георгиевна использовала этот богатый фактический материал в своих многочисленных научных исследованиях и публикациях. Но когда я впервые увидела буквально простыни собранного и тщательно обработанного фактического материала, то была поражена её необычайной работоспособностью».

Я не знаю тех областей жизни, в которых Мариам Семёновна была бы несведущим человеком. Просто не знаю. Поэтому, когда меня стали выдвигать на профессора, я сказала: «Нет и нет! Мне ещё так далеко до профессора, о чем вы говорите?» В моём представлении профессор именно такой: всесторонне развитый, мудрый, умный, знающий и историю, и географию, и литературу, и искусство; разбирающийся в живописи и так далее. Вот такой многогранности, к великому сожалению, у нашей нынешней профессуры нет. Той высокой интеллигентности...

Такое же впечатление она производила и на моих коллег. И постоянно её муж Геннадий Михайлович Сорокин, директор Института экономики мировой системы социализма, говорил ей: «Мира, хватит!» Но ни один доктор наук с нашей кафедры не готов был взять из рук М. С. Атлас руководство кафедрой. Понимали, что достойнее её никто не сможет быть. Поэтому каждый раз Мариам Семёновну уговаривали остаться заведующей еще на очередные 5 лет.

Крот истории: *«А вот воспоминание Инаты Дмитриевны Мамоновой, выпускницы 1965 года».*

Мамонова И. Д.: *«Жизнь в институте после школы меня захватила. Все было интересно. Прежде всего было интересно учиться, потому что в МФИ в те годы сформировался блестящий профессорско-преподавательский коллектив.*

На лекциях аудитории всегда были полны. И дело было не только в содержании того, что излагалось, а в стиле изложения, в высокой культуре и эрудиции лекторов. Мы приобщались к чему-то высокому в содержательном и духовном аспектах.

Теперь, уже став преподавателем, я могу сравнить педагогические приемы разных профессоров „держать“ внимание аудитории.

Лекции Мариам Семёновны Атлас увлекали своей логичностью, широтой, эрудицией и вместе с тем ясностью изложения сложных политэкономических проблем».

Мариам Семёновна уважала в каждом личность. Помню, у меня заболел трёхлетний сын. Болезнь была несерьёзная, я бежала на лекцию. Но по дороге меня встретила мой учитель и очень озабоченно, искренне спросила, как чувствует себя Андрюшенька, какая у него температура. После окончания лекции я пришла на кафедру и увидела угрюмых коллег. Оказалось, младшей дочери Мариам Семёновны сейчас делают серьёзную операцию, и она уехала к ней. Все ждали сообщений о результатах. Как можно, переживая за предстоящую операцию дочери, вспомнить о болезни сына коллеги? Фантастика!

Крот истории: *«А это рассказ уже представителя относительно молодого поколения. Ирина Юрьевна Беляева поступила в аспирантуру в 1979 году».*

Беляева И. Ю.: *«М. С. Атлас успевала не только блестяще читать лекции для студентов и аспирантов, но и организовывать работу теоретического семинара, которым лично руководила. В 1980 г. мне повезло быть старостой такого семинара, каждое занятие которого становилось событием, интересным разрешением той или иной научной проблемы, творческой дискуссии. Забавен один эпизод, когда я опоздала на семинар, расстроилась, а милая и любезная М. С. Атлас не упрекнула, сказав лишь одну фразу: „Думаю, Вы больше не будете опаздывать“. Как это было сказано! Больше я никогда и никуда не опаздываю.*

Вспоминаю, как сдавала экзамен кандидатского минимума по политической экономии, как велся опрос. Оценивалось не механическое

запоминание изученного материала, а умение выстроить логическую последовательную цепочку, нужно было высказать своё мнение, дать собственную оценку событий. Профессор М. С. Атлас и другие преподаватели кафедры задавали вопросы, не забывая произносить фразу: „А какое Ваше мнение по этому поводу?“ Для молодых ученых, не успевших ещё проявить себя на научном поприще, это имело огромное воспитательное значение, хотелось оправдать оказанное доверие, показать себя с лучшей стороны, быть умным и убедительным в научной дискуссии, на которую тебя вызывали маститые ученые. Атмосфера взаимного уважения, творческого подхода к теме присутствовала на всех обсуждениях диссертационных работ. Аспиранты учились, как вести научные исследования, учились научной дискуссии, учились уважать чужое мнение и убедительно отстаивать своё».

Говорить о ней, не употребляя возвышенных слов, невозможно — это с большой буквы Человек, Педагог, Учёный! Работать с такими людьми, идти с ними по жизни — уже само по себе счастье.

Она никогда не приказывала, а только просила выполнить что-то. И никто не мог не выполнить её просьбу или сделать порученное дело халтурно. Естественно, никогда не повышала голос.

Черныш Л. А.: «Хочется рассказать о многих наших преподавателях и, прежде всего, об общении с заведующей кафедрой политической экономии Мариам Семёновной Атлас...

Это самый первый преподаватель, читавший нам лекцию. Мариам Семёновна умела буквально обрушить на студентов огромную массу знаний, но делала это с таким мастерством, что и по сей день эти знания применяются нами в работе и жизни.

Она дала нам самый великий совет, который мы могли получить от Учителя: „Не нужно зазубривать всё подряд! В жизни профессионального экономиста главное — знать, где, в каком источнике найти информацию о данном предмете, а затем грамотно и быстро воплотить её в жизнь“.

И наконец, воспоминание о Мариам Семёновне — это отношение женщины к украшениям: либо драгоценностей никаких, либо одно, но настоящее. Её сказочные камни вызывали восхищение у всех окружающих. Кстати, я обратила внимание на то, что выпускницам Финансовой академии не присуще обвешиваться килограммами золота. Наверное, это следствие примера, преподнесенного когда-то всем нам Мариам Семёновной Атлас».

Это просто потрясающий человек. От неё всегда было можно услышать настоящий, полезный по большому счёту совет.

Маркина Е. В.: *«Мариам Семёновна Атлас — пример непостижимого сплава выдающегося учёного и удивительной доброты и простоты человека...»*

С Мариам Семёновной можно было говорить об истории — и она знала больше, чем вы; о стихах — она знала ничуть не меньше вашего, читала наизусть Пушкина, Лермонтова, Шекспира, Гете; о музыке — тут она вообще корифей, потому что у неё музыкальное образование, а старшая дочь с зятем — известные музыканты.

Мариам Семёновне читала лекции, вела научные семинары, организовывала крупные международные конгрессы до 90 лет. Когда ей исполнилось 92 года, я была у неё дома, и она с прежним задором спела для меня две песни — «Катюшу» и «По долинам и по взгорьям», спела от начала и до конца, а не так, как порой поём мы, — один-два куплета, а остальное забыли. Последние десять лет врачи заставляли Мариам Семёновну петь — чтобы укреплять лёгкие. Иногда она пела и по ходу слегка меняла слова, приспособливая их к своему настроению.

Она стала не только моим любимым преподавателем, но и учителем по жизни, «научной мамой». Была научным руководителем в начале моей курсовой работы, потом моей кандидатской диссертации, которую я защитила в 1964 году, и, наконец, докторской (1975 год). Позже Мариам Семёновна, вручив мне свою любимую кафедру экономической теории, продолжала по-матерински помогать мне.

Крот истории: *«Будучи большим авторитетным учёным, рассказывают, что Ваш учитель обладала почти юношеским задором. Она была способна на удивительные авантурные поступки».*

Совершенно верно, по этому поводу хочется рассказать одну историю, которая раскрывает Мариам Семёновну с неожиданной стороны, как романтика с душой весёлого, азартного авантюриста.

В то время, в середине 1970-х годов, я уже преподавала в институте. Надо было ехать в Берлин, получить профессиональную премию учёных ГДР. Лауреатов было четверо: мы с Мариам Семёновной Атлас и два членкора АН СССР — Геннадий Михайлович Сорокин (муж Мариам Семёновны), тогда директор Института экономики мировой системы социализма и Александр Ильич Ноткин из Института экономики.

Премией была отмечена подготовка большого учебника, монографии по национальному доходу в социалистическом обществе. Эту работу мы выполнили совместно с коллегами: из Болгарии — ректором Свиштовского высшего финансово-хозяйственного института им. Ценева Порязовым (потом он будет министром финансов) и ГДР — ректором Высшей экономической школы им. Б. Лейшнера Зибером.

Нам взяли билеты на поезд, и мужчины, получив паспорта (тогда заграничные паспорта давали только перед выездом), сумели обменять валюту. С нашими же документами возникла проблема: к отъезду мы их не получили — Министерство образования было в своём репертуаре: там забыли о дате нашего отъезда.

Церемонию награждения переносить, естественно, никто не собирался, поэтому нам оставалось только грустно провожать коллег на Белорусском вокзале.

Только мы вернулись в институт и стали решать, чем бы заняться, курьер принёс паспорта!

Так как билеты наши пропали, я сказала Мариам Семёновне обречённо: «Ну что сделаешь, не судьба!»

Следует отметить, что, рассчитывая несколько дней пробыть в отъезде, замену на ближайшие занятия мы себе нашли, поэтому текущих дел у нас не было.

И в этот момент Мариам Семёновна произнесла: «Послушайте, да мы с Вами свободные женщины! А если мы напряжём мозги?» — и продолжила: «Коллеги едут на поезде, а ведь мы можем прилететь в Германию на самолёте!» — «Да, но сегодня суббота и даже если мы пошлём телеграмму в Берлин, то там её никто не получит! Вуз не работает». С комитетом по награждениям у нас связи не было, да и о мобильниках тогда ещё не помышляли.

Но у моей подруги энтузиазм не затухал: «Ну кто-то получит же телеграмму и позвонит ректору! Хотя бы швейцар. Зато мы прилетим быстрее наших, — и заговорщицки добавила — Алла Георгиевна, давайте!» Вещи у нас были собраны, оставалось попросить кого-то привезти их в аэропорт.

Через час мы встретились, приобрели билеты на самолёт и дали телеграмму принимающей стороне. А вот деньги мы обменять не смогли — выходной. Так без немецких марок и улетели. У Мариам Семёновны была твёрдая уверенность, что всё будет хорошо, — в аэропорту нас встретят.

Но там нас никто не ждал. От предыдущей поездки у меня оставались какая-то мелочь. До города было далеко и из-за отсутствия денег было непонятно, как туда добраться.

Я пыталась договориться с местными водителями, чтобы они добросили нас хотя бы на до Карлсхорста. Естественно, бесплатно. Энтузиазма это ни у кого из них не вызывало — далеко.

Наконец, мы нашли немца, хорошо говорящего по-русски, работавшего когда-то в Советском Союзе, но и он отказался нам помогать, узнав, что мы не кредитоспособные.

Моя попутчица уже предлагала расположиться спать на лавочках в здании аэропорта. Делать было нечего, но, когда мы уже приноравливались, как удобнее лечь, вернулся наш новый знакомый и за мою мелочь предложил отвезти на железнодорожный вокзал, на который прибывал поезд Москва — Берлин. На этом и стоворились.

На вокзале было ещё пустынной. По расписанию поезд должен был прибыть в ближайшие полчаса, но встречающих на перроне не было. Это внушало недоверие к нашим расчётам, мы стали подозревать, что напутали с часовыми поясами и наши коллеги давно уже приехали и отдыхают. Однако на всякий случай мы прикинули, где должен остановиться восьмой вагон, в котором отбыли в Германию наши коллеги, и, сидя на лавочке, стали ждать чуда. И оно произошло! Буквально за пять минут до прибытия поезда на перрон потянулись встречающие. Вот уж эта немецкая пунктуальность! Первыми мы увидели представителей Высшей школы с большими прекрасными букетами цветов. Обнаружив нас, они растерялись, стали расспрашивать, как мы здесь очутились. Мы их разыграли, сказав, что поезд пришёл раньше, чем по расписанию, и терпеливо ждём встречающих. Коллеги ещё сильнее удивились: «Не может быть! Наши поезда всегда приходят вовремя!» И они были правы. Ровно в 20:00 появился приближающийся состав. Восьмой вагон остановился прямо напротив нас, и из него вышли Сорокин и Ноткин. Геннадий Михайлович был шокирован увиденным: «Мира, а ты-то как здесь очутилась? У вас же даже паспортов не было!» Оставалось их только заинтриговать: «Поехали! По дороге всё расскажем!»

Вот каким запалом молодого авантюризма и находчивости обладала наша Мариам Семёновна! А ведь ей было уже под 70 лет!

Ещё одной чертой моего учителя, о которой мы уже говорили, была мудрость. Проявлялась она и в семейной жизни. Её супруг Геннадий

Михайлович Сорокин был импозантным мужчиной, и он нравился многим женщинам. Многие удивлялись, как Мариам Семёновне удаётся удержать семью.

Однажды мы с ней у неё дома на Белорусском вокзале занимались редактированием какой-то работы. Раздался звонок и некая дама, завкафедрой из Казахстана, сообщила, что она прибыла в Москву и находится на вокзале. Мариам Семёновна сразу пригласила её домой, сказав, что мы только её и ждём и с Аллой Георгиевной уже готовим ужин. При этом добавила: «Вы ведь знаете, как Геннадий Михайлович к вам хорошо относится!»

Происходящее дальше было для меня неожиданным. Оставив мужа с гостьей в зале наедине, хозяйка на кухне мне заявила, что торопиться не следует, напротив, мы будем продолжать заниматься редактированием. Было сказано: «Надо дать им пообщаться наедине, Геннадий Михайлович это так любит!» Через час я заволновалась: «Мариам Семёновна, это уже, мне кажется неприлично, надо нести ужин!» — «Нет, неприлично заходить в комнату, когда не приглашают», — ответила мне она. Выждав ещё достаточно долгое время, Мариам Семёновна берёт сварившиеся пельмени, идём в комнату, по дороге она громко провозглашает: «Геночка, я несу еду!» Я понимаю, что это предупреждение уединившимся. Однако оно не действует — войдя в комнату, я вижу, что рука Геннадия Михайловича лежит на руке гостьи, а сам он благоговейно говорит: «А мы так славно побеседовали!» Я еле сдерживалась, в моих словах «А мы так славно редактировали!» было явное осуждение. Однако Мариам Семёновна продолжала источать благодушие. Для этого надо было быть удивительно мудрой. Урок для моей личной жизни!

У М.С. Атлас было две дочери. Одна — Елена Сорокина — стала пианисткой, музыковедом-историком, вышла замуж за коллегу — Александра Бахчиева, ставшего концертмейстером. Оба были профессорами Московской консерватории. В 1968 году они создали фортепианный дуэт, признанный «Золотым дуэтом России». Дуэт стал одним из первопроходцев в возрождении жанра фортепианного дуэта в России. А в 1989 году были избраны президентами Всесоюзной ассоциации фортепианных дуэтов страны (с 1991 года — Всероссийской).

Елена защитила диссертацию на звание доктора искусствоведения по теме «Фортепианный дуэт. История жанра».

Вторая дочь, Сонечка, стала сильным математиком, занималась экономикой.

Крот истории: *«Что запомнилось Вам из последних встреч с Учителем?»*

Я была с Мариам Семёновной с 1955 года, с первого дня моего поступления и до последних дней её жизни. В те дни, когда она уже была в очень плохом состоянии, я приезжала к ней домой. В свои 90 лет она ещё преподавала, читала лекции, вела научные работы студентов. А потом как-то сразу её энергия пошла на убыль. Стала уставать... Уходила из жизни потихонечку, очень тихо, мирно. Не теряя разум, а просто слабея.

17 августа 2006 года Мариам Семёновна ушла из жизни. В Подмосковье, на своей любимой даче в Валентиновке. До своего 95-летия Мариам Семёновна Атлас не дожила всего четыре с половиной месяца.

Распад СССР в 1991 году стал для Мариам Семёновны сильнейшим ударом. К тому же в 1990 году умер её супруг Геннадий Михайлович Сорокин, в начале 1990-х уехали в США учиться её внучки Ася и Наташа. И остались там надолго, если не навсегда. Там же живёт и правнук моего учителя. Стихотворением, посвящённым ему, я хотела бы закончить свой рассказ об этом удивительном человеке, патриоте нашей страны.

Правнуку Геннадию. «Семейный вариант» слов знаменитой песни:

Вспомни дивное приволье
Васильковые поля...
Это русское раздолье
Это — Родина твоя.
Вспомни речку и плотину,
И березу у ручья —
Это русские картины,
Это — Родина твоя.
Русская литература,
Русский бунт, кровь и борьба...
Величайшая культура
И нелегкая судьба.
Но ведь Родину не судят.
Её любят, в ней живут...
Пусть же Время так рассудит,
Что мне правнука вернут!

Бабушек бросать не надо.
Это, милый внучек, грех...
Хороша страна Канада,
А Россия — лучше всех.
Твои прадеды — герои:
Шли в семнадцать на войну!
Ты их чести — не уронишь,
Они пали за страну.
Они были молодые...
Живы, милый, их мечты!
Велика страна Россия,
И России нужен ты.
За тебя, любимый мальчик,
Они отдали свой век.
Из тебя, любимый мальчик,
Должен выйти Человек.
Вспомни пеньё жаворонка,
Вспомни трели соловья...
И люби свою сторонку,
Как её любила я!

Май 2001 г.

Крот истории: *«Кто ещё из преподавателей оказал на Вас большое влияние? Чьи имена Вы вспоминаете, как своих Учителей с большой буквы?»*

Сарра Бенционовна Барнгольц

Особое место в моей жизни занимает, конечно, и легенда российской аналитической науки, крупнейший специалист в области экономического анализа Сарра Бенционовна Барнгольц. Она — своего рода «визитная карточка» Финансового института и академии.

Студенткой я её лекции не слушала, Сарра Бенционовна пришла преподавать в Московский финансовый институт в 1962 году. Но в дальнейшем почти 40 лет проработала в нашей академии и оставила важный след и в моей судьбе. С 1970 по 1979 год она заведовала кафедрой анализа хозяйственной деятельности.

Заслуженный деятель науки России, доктор экономических наук, профессор Сарра Бенционовна за 70 лет (!) научно-педагогической деятельности внесла огромный вклад в развитие теории экономического анализа хозяйственной деятельности и становление практиче-

ской аналитической работы на промышленных предприятиях и в финансово-кредитных учреждениях. Её перу принадлежат несколько учебников по экономическому анализу. Они настолько хороши, что человек, который действительно хочет разобраться в этом вопросе, может получить в этих книгах ответы практически на все свои вопросы. Они устроены так, что читатель постепенно, поэтапно постигает логику предмета, его мудрое устройство и, в конце концов, ему становится понятно внутреннее содержание баланса, он понимает, как его читать. Становится ясно, как проводить экономический анализ предприятия или банка.

Неслучайно С. Б. Барнгольц имела специальное математическое образование и даже в молодости преподавала математику в вузе.

И лекции Сарры Бенционовны тоже отличались железной логикой, она студентов вводила в свою научную лабораторию. И однажды за это поплатилась. Нас проверяла на предмет использования в лекционном процессе новых технических средств наш куратор от Минобразования Людмила Резник. Побывав на занятии С. Б. Барнгольц, она пришла ко мне жаловаться. Сделав необходимые комплименты об оснащённости нашего института, высоких требованиях, предъявляемых к преподавательскому составу, поведала, что лектор, которого она слушала, до сих пор использует допотопный мел, а не передовые слайды!

Я была вынуждена её остановить, сказав, что Барнгольц — гениальный специалист, сочетающий в себе две редко вместе встречающиеся ипостаси: она крупный учёный и одновременно блестящий педагог. Так что можете о ней писать что угодно, я Сарре Бенционовне объявлять замечания не буду.

Через некоторое время приходит С. Б. Барнгольц и говорит мне: «Аллочка Георгиевна, я Вас так люблю, но я Вас так сегодня подвела!» Я ответила, что на эту тему даже говорить не хочу. Я не раз присутствовала на Ваших лекциях, знаю, как замечательно Вы их ведёте!

А как она работала с аспирантами! Сарра Бенционовна никогда не будет за вас что-то переделывать, но она сделает такие чёткие замечания, что сами поймёте, что надо исправить, а если с первого раза не догадаетесь, подскажет еще раз. Поэтому если выходил на защиту её аспирант, можно было быть спокойным и дополнительно его работу не проверять — научный руководитель уже три, четыре раза всё внимательно прочитал и отредактировал.

В квартире С. Б. Барнгольц, располагавшейся недалеко от института, перебивало огромное количество студентов, находя там и тепло домашнего очага, и материнское участие, и мудрый совет, ценность которого часто осмысливается через много лет. Неоднократно бывала у неё и я.

Она всегда с удовольствием руководила выпускными квалификационными работами студентов, охотно выступала оппонентом, рецензентом аспирантов, докторантов.

С. Б. Барнгольц была инициатором различных важных исследований. Она старалась взять такую глобальную тему, в работу над которой можно было втянуть специалистов всех кафедр института. Наше знакомство установилось именно при выполнении одной из них. Ещё будучи аспиранткой, я возглавляла группы, занимающиеся исследованиями использования рабочего времени, производительности труда. С этой целью побывала на заводе «Калибр», Меховом комбинате, Ростокинской камвольно-отделочной фабрике и других предприятиях нашего района.

По её предложению были организованы конкурсы общественных и студенческих бюро экономического анализа промышленных предприятий.

Многие выпускники называли Сарру Бенционовну научной мамой и считали учителем не только в науке, но и в жизни.

Ей, как и Мариам Семёновне, судьба дала долгую, интересную жизнь. У неё умерла дочка, потом муж, и внуки уговорили её переехать в США. И когда она согласилась на переезд, я поняла, что мы её потеряем. Здесь она была нужна, востребована, была в гуще дел.

Сарра Бенционовна умерла в 2002 году, ей было 94 года.

Преподаватель по философии **Ерванд Арутюнович Симонян** восхищал нас потрясающей внешностью, удивительно интеллигентной манерой поведения. До сих пор перед моими глазами идеально сидящий шоколадного цвета костюм. Идеально наглаженные брюки с безупречными стрелочками. Со вкусом подобранный прекрасный галстук. Всё у него было чётко и красиво. В нашем девчачьем представлении таким должен был быть будущий муж. Мы были в него просто влюблены.

Никогда не забуду наши прогулки на ВДНХ. Мы, группа студентов, после окончания семинарских занятий любили погулять здесь (в ра-

бочие дни на ВДНХ было немного народа) и Е. А. Симонян иногда тоже предпочитал прогуляться с нами. Превращалось это в продолжение бесед по философии. Он увлеченно рассказывал о жизни великих философов и их воззрениях, умело увязывая философские истины с событиями сегодняшнего дня, отчего философия становилась для нас не абстрактной теорией, а осязаемой и нужной в реальной жизни.

Панова Г. С.: *«В общественной жизни МФИ в 1970-е годы происходило много важного и интересного. Студенты доверили мне руководить факультетским бюро ВЛКСМ, а старшие товарищи избрали членом партийного бюро КЭФ. Ни одно событие в жизни МФИ не проходило мимо деятельного и внимательного взгляда студентов КЭФ. Это и выпуск стенгазеты, в которой студенты давали не только свою оценку происходящих в мире и стране событий, но и анализировали состояние дел в МФИ. По-студенчески отважно, с задором критиковали наши недостатки. Доставалось не только студентам-лодырям, но и уважаемым преподавателям, позволявшим себе пространные лирические отступления на лекциях или недостаточно подготовленным к занятиям.*

Никогда не забуду, как после выхода одной из таких стенгазет мне (студентке второго курса) позвонил домой уважаемый и любимый студентами заведующий кафедрой философии профессор Е. А. Симонян с вопросом, насколько точны и достоверны критические замечания студентов в адрес одного из ведущих профессоров кафедры философии. По результатам заседания кафедры, как нам стало известно позднее, с этим преподавателем было решено расстаться, что еще раз подтвердило действенность прессы и добавило уважения студентов к преподавателям МФИ».

Ерванд Арутюнович умел сочетать близость к студентам и отсутствие панибратства.

Подшиваленко Г. П.: *«Е. А. Симонян всегда называл меня по имени (хотя не вёл у нас занятия). На экзамене по кандидатскому минимуму по философии он задал мне такой вопрос: „Какую любовь признавал Людвиг Фейербах?“»*

Ещё хочется вспомнить про **Раису Даниловну Винокур**. Умнейшая женщина, добрая, всегда безукоризненно одетая, с белоснежным платочком в руке, любительница хорошей одежды, драгоценностей. Думаю, она могла бы стать украшением любого дома моделей.

При этом Раиса Даниловна была очень крупным финансистом, методично вкладывавшим в наши головы знания по бюджетному процессу.

Профессор **Георгий Павлович Солюс** — один из ведущих советских учёных, специалист по политэкономии капитализма, известный практик-экономист не читал мне лекции, но я работала с ним на кафедре. Покоряло в нём то, как он любил молодёжь, ради неё он был готов вести любые исследования. Он делал всё для продвижения молодых специалистов. Во всех монографиях, подготовленных под его научным руководством, он размещал лишь по одной своей статье, остальное место предоставлял коллегам, с которыми он работал. Неслучайно он стал председателем Научного студенческого общества (НСО) МФИ.

У него удивительная судьба: во время Великой Отечественной войны он занимался спецпропагандой, служил в подразделениях 7-го отдела Политуправления. Туда брали самых образованных, грамотных, владеющих несколькими языками офицеров. Заканчивал войну переводчиком Советского командования во время подписания акта о капитуляции фашистской Германии в мае 1945 года.

После окончания войны Георгий Павлович — боевой офицер, полковник — отказался от предложенной генеральской должности из-за любви к науке, вернулся в аспирантуру.

Вот, что говорят о нём его ученики, с которыми ему повезло учиться и работать:

Бурлаков М. И.: *«Человек с большой буквы, широкой души и эрудиции, он стал путеводной звездой для многих аспирантов и докторантов. У каждого, кто работал над диссертацией, бывали чёрные полосы неуверенности и сомнений в своих возможностях. Георгий Павлович умел вовремя подбодрить, помочь советом, поделиться идеями. В аспирантских кругах говорили: «Если ваш научный руководитель — Г. П. Солюс, вам выпало счастье». Далекое не каждый из профессоров сохраняет на всю жизнь дружеские отношения со своими бывшими аспирантами и докторантами. Целая группа воспитанных им ученых до конца его дней считала профессора Г. П. Солюса своим старшим другом, часто собиралась в его гостеприимном доме, где велись интересные дискуссии о политической и экономической жизни страны. С его помощью стали докторами наук М. А. Баланчук, М. И. Бурлаков, Вл. Н. Шенаев, И. А. Сергеева, А. Г. Куликов, Г. Н. Деза и многие другие. Человек широкой доброты и глубокой эрудиции, автор многих фундаментальных научных трудов, он притягивал к себе молодёжь. Я не знаю ещё такого педагога, с которым бы в неформальной*

обстановке его ученики отмечали его 60-летие, 65-летие, 70-летие, 75-летие, 80-летие!»

Панова Г. С.: *«Подарком судьбы я считаю моё тесное общение с профессором Г. П. Солюсом. Видный советский ученый с мировым именем, Г. П. Солюс не жалел ни времени, ни сил для работы с молодежью. Именно у Георгия Павловича не одно поколение выпускников МФИ училось научной честности, принципиальности, человеческой порядочности и доброте».*

Выпускник 1975 года Андрей Юрьевич Юданов вспоминает о нём так: *«„Наш заяц трепаться не любит!“, — говаривал Георгий Павлович, открывая совещания по самым сложным вопросам. И умудрялся сделать любое обсуждение в любящей поговорить преподавательской среде предельно деловым, конкретным и коротким. А своих учеников называл „бандой“. „Я из банды Солюса“ — это до сих пор звучит как пароль».*

И одновременно Георгий Павлович был удивительно скромным. Когда М. С. Атлас решила оставить руководство кафедрой, она предложила на освобождающуюся должность Георгия Павловича. Но он категорично отказался и только сказал: *«Разве я смогу сравниться с Мариам Семёновной!? Я не смогу так же элегантно и красиво руководить кафедрой!»*

В заключении хотелось бы привести отрывок из воспоминаний самого Георгия Павловича Солюса, в то время подполковника, инструктора политотдела 49-й армии по работе среди войск противника, посвящённые его боевым годам:

«В конце июня 1944-го был получен приказ немедленно выехать на правый фланг фронта под Витебск. Там наши войска завершили окружение большой группировки. Гитлеровцы предпринимали отчаянные попытки прорваться. Из штаба армии поступила телефонограмма: окруженной группировке предъявляется ультиматум. И мне приказано вручить его немецкому командованию. Беру одного пленного немца (он понесет белый флаг), прощаюсь со своим начальником, полковником Никифоровым. Расцеловались. Отдаю личные документы, оружие.

Идти до немецких окопов минут пять. Это были самые длинные минуты, даже бесконечные. Злая память все подсовывала случаи (среди них один совсем недавний), когда подобные парламентёрские “вояжи” заканчивались гибелью парламентаров.

Вот уже видны окопы, забежали немцы, показывая на белый флаг. Ко мне вышел обер-лейтенант. Я объяснил ему цель моего прихода. Он

заявил, что не знает, где находится командующий, ибо основные части отступили отсюда три часа назад, а он оставлен в качестве коменданта гарнизона с задачей задержать наступление русских, насколько это будет возможно. „Поскольку комендант может принимать решения самостоятельно, — заявил он, — я принимаю условия капитуляции и отдаю приказ о сдаче оружия“. Наши части сразу двинулись вперед, не встречая сопротивления. Поздравления я потом принимал с огромным удовольствием, а вот трофейный коньяк не подействовал совсем.

7 мая 1945 года я был отправлен на косу Фриш Нерунг под Кенигсбергом, чтобы организовать приём капитулировавших войск. 8 мая в 10 часов мы прекратили стрельбу. А немцы точно ошалели — бьют и бьют. Вдруг наше здание затряслось. Залп попал в него и в землю рядом. Вот гады! Мы ждали следующего налета и уже собрались идти на улицу, чтобы залечь в окопы. Но нового залпа не последовало. Стало необычно тихо. Ни одного выстрела. Такая зловещая тишина страшнее обстрела. Было пять минут первого, немцы прекратили огонь ровно в 12 часов, то есть строго по ультиматуму. Что это — немецкая точность или последняя подлость высокопоставленных фашистов? Сам-то адмирал Дёниц, подписавший исторический приказ, в это время находился в полной безопасности.

Сколько раз за войну приходилось мне видеть пленных гитлеровцев. И всегда думалось о спасенных жизнях наших солдат и о заметной доле в этом моих фронтовых коллег¹.

Захватывающие лекции читал преподаватель истории экономических учений **Абрам Лазаревич Реуэль** с его сакраментальным: «Я и Маркс». Лучше него Маркса, наверно, не знал никто. И даже по субботам, а то и по воскресеньям мы без принуждения бежали на его лекции. 62-я аудитория всегда была полной. То, что К. Маркс действительно очень сильный теоретик, мы поняли во многом благодаря Абраму Лазаревичу, именно он нам дал возможность познать глубину разработанной им теории. Его предметный и именной указатель к первому и второму томам «Капитала» Карла Маркса стал незаменимым подспорьем для изучения и ориентирования в трудах классика.

Салина А. И.: «Профессор Абрам Лазаревич Реуэль. Невозможно забыть темперамент, с которым он доносил до нас, участников руково-

¹ <http://zamoiski.livejournal.com/439342.html>

димого им кружка по изучению „Капитала“ Карла Маркса, важнейшие положения экономической теории, интереснейшие моменты истории развития экономических учений. Именно в кружке прививались интерес к исследовательской работе, навыки работы с первоисточниками. К тому же он был отличный танцор. На студенческих вечерах мог закружить в танце любую студентку».

Он терпеть не мог, когда кто-то чего-то не понимал! Но злость у него была в том числе и к себе, он не понимал, почему мы не понимаем его объяснения. Ведь для него всё так ясно! Он был увлечённым и рассказывал интересно и вдохновенно. Перед нами был настоящий артист.

Подшиваленко Г. П.: *«А. Л. Реуэль, В. Е. Мотылев, З. В. Атлас — эрудиты и блестящие лекторы. Аудитория всегда переполнена, хотя они читали лекции в актовом зале. ...Были некоторые курьезы. Так, профессор А. Л. Реуэль во время лекции однажды упал с кафедры куда-то вниз. Смотрим — никого нет. По молодости, конечно, смеёмся. Но профессор со словами: „Профессор упал, а вы смеётесь“, — возникает опять над кафедрой и продолжает читать лекцию, как ни в чём не бывало».*

Я сидела на второй парте и выставила руки вперёд, чтобы поймать учителя, но этого не понадобилось.

Крот истории: *«Всех, кого Вы назвали, увы, уже нет. Память о них должна, безусловно, формировать уважение Ваших новых студентов, будущих финансистов к избранной специальности, но кто продолжает традиции этих замечательных Учителей? Не иссякла ли плеяда людей, которыми справедливо гордился институт, академия?»*

Ни в коем случае! Но нас осталось мало... **Вера Михайловна Родионова** — автор многочисленных учебников и учебных пособий по финансам промышленности, бюджетной системе страны; **Лидия Николаевна Красавина** — женщина с французским шармом, блестящий организатор, автор большинства учебников по международным финансово-кредитным отношениям.

Напоследок вспомню ещё доцента, декана УЭФ (1946–1949 гг.) **Вячеслава Павловича Копняева**. Чтобы нам легче было запоминать различные термины и не путать их, он придумывал для нас весёлые стишки. Например, такие:

Дорогой и дорогая
Валовой и валовая,

Срѣдства, срѣдства, не средства
Как и чувства, не чувствá.
И не доцент, а доцѣнт
Как не процѣнт, а процѣнт

И так по всем нашим финансовым терминам.

С этим связана история, касающаяся горячо любимого мной мэра Лужкова. Юрий Михайлович постоянно говорил «средствá». Я думала, как бы мне, не обидев, сделать ему замечание. И вот в перерыве какого-то серьёзного заседания, проходившего в здании Мэрии на Новом Арбате, 36, мы оказались с ним вдвоём в комнате президиума. Свидетелей не было, и я подошла к нему и сказала: *«Юрий Михайлович, ну наконец-то мы с вами одни»*. Начало, видимо, заинтриговало мэра. Я продолжала: *«Я так ждала этой минуты! Только пообещайте не обижаться на меня»*. Он успокоил: *«На вас? Да никогда в жизни!»* После этого я попросила его не говорить никогда впредь, особенно по телевидению, «средствá». Мой учитель для нас написал:

Срѣдства, срѣдства, не средства
Как и чувства, не чувствá.

Выслушав, Юрий Михайлович попросил написать стихотворение на листочек.

После этого до меня дошел разговор из мэрии: *«Кто-то хорошо поработал с нашим шефом, он на совещании сделал разнос коллегам — выступая, особенно по телевидению, всем говорить только „средства“ . Кто скажет „средствá“, будет иметь дело со мной. Русский язык надо знать, а учиться никогда не поздно!»* Я, конечно, промолчала.

А сам Юрий Михайлович хорошо усвоил тот урок и больше с произношением важного для него слова не допускал неправильного удара.

И вот прошло достаточно много времени. Однажды на собрании выпускников в Колонном зале Дома Союзов у нас выступал С. В. Степашин. Он сказал, что тоже считает себя моим учеником. И рассказал следующее: *«Когда я пришёл на работу в Счётную палату я понял, что финансы надо знать глубоко. И эта женщина сказала, что знать надо не поверхностно, а по существу, и предложила получить второе высшее образование по финансам. И мы с коллегами действительно два года учи-*

лись, писали курсовые работы, защищали диплом. Но зато теперь мы настоящие специалисты».

Следом за ним поднялся на трибуну Юрий Михайлович и говорит: *«И я — ученик Аллы Георгиевны!»* После этого достаёт из кармана пиджака мою записку и читает её. Мне негде спрятаться от стыда, краска приливает к моему лицу. Бормочу: *«Юрий Михайлович, но мы же с Вами договаривались наедине!»* Но мэр парировал: *«А почему? Учиться никогда не поздно!»* И обратился в зал: *«Все поняли? Никогда не поздно!»*

НАЧАЛО РАБОТЫ. РАЙКОМ ВЛКСМ

Крот истории: *«Итак, жизнь вновь сделала неожиданный изгиб. Насколько он был для вас судьбоносным? Что комсомольская освобождённая работа Вам дала? Или это была простая потеря времени?»*

Мне действительно предложили поработать секретарем Щербаковского райкома комсомола города Москвы, напомним о партийной дисциплине (в члены КПСС я вступила, учась в институте). Я была избрана третьим секретарем, продолжая возглавлять одновременно комсомольскую организацию вуза. Первым секретарем райкома комсомола в то время был чудесный талантливый Виктор Евланов. Он не скрывал, что работать придётся с утра и до позднего вечера, но это интересно, важно и ответственно. Это настоящая школа жизни! Когда он перешёл в Московский горком ВЛКСМ, первым секретарем был избран Сергей Белоусов, а я была избрана вторым секретарем. Третьим стал Борис Синегубов. Большое счастье было работать в нашей дружной компании.

По удивительному стечению обстоятельств секретарём нашего райкома партии был в это время бывший выпускник нашего вуза Виктор Иванович Туровцев. Кстати, из всех бывших секретарей парткома нашего института это был самый сильный, самый авторитетный, самый грамотный и принципиальный человек, а, будучи деканом Кредитно-экономического факультета (1956–1958 гг.), он стал любимцем всех студентов. Осенью 1958 года его избрали третьим секретарем Щербаковского райкома партии, а через год с небольшим — вторым секретарём. Так мы дружно и работали: он — третий партийный, а я — третий комсомольский, потом почти одновременно стали вторыми. Я часто советовалась по сложным вопросам с мудрым Виктором Ивановичем. Но, честно говоря, меня тянуло в родной институт на педа-

гогическую и научную работу. Партийную, комсомольскую любила, но не воспринимала её как свою профессиональную деятельность, тем более — на всю жизнь, поэтому по согласованию с ректором — Владимиром Васильевичем Щербаковым, прикрепилась к аспирантуре и постепенно сдала все экзамены кандидатского минимума.

Крот истории: *«Несколько слов о Викторе Ивановиче Туровцеве.*

Окончил артиллерийское училище, был участником Великой Отечественной войны. Прошёл Румынию, Польшу, Германию, Чехословакию. Потом воевал с бандеровцами. В 1946 году демобилизовался из армии по инвалидности. На следующий год поступил на факультет международных экономических отношений МФИ. В студенческие годы был именованным стипендиатом. В 1952 году окончил институт и в этом же году поступил в аспирантуру по кафедре Политической экономии. По окончании аспирантуры в 1955 году, став кандидатом экономических наук, работал в МФИ на той же кафедре, сначала в должности старшего преподавателя, затем доцента. В период 1956–1958 годов по совместительству был деканом кредитно-экономического факультета. В период учебы и работы в институте вёл большую общественную работу. Неоднократно избирался в состав партийного бюро института, был его секретарём. Затем был направлен на партийную работу в Моссовет и в МК КПСС. За боевые заслуги и трудовые дела был награжден орденами Отечественной войны I степени, Красной Звезды, Трудового Красного Знамени, „Знак Почёта“ и 12 медалями.

Что для меня важно — написал интересные мемуары».

Среди его учеников, окончивших кредитно-экономический факультет, были В. В. Геращенко, А. В. Войлуков, В. С. Захаров, В. И. Соловов и другие.

Туровцев В. И.: *«В годы моей работы деканом КЭФ в нём учились люди, которым в будущем суждено было занять ведущие посты в финансово-банковской системе нашей страны, защищать её экономические интересы за рубежом. Вот некоторые имена: Виктор Геращенко — будущий председатель правления Госбанка СССР, до недавнего времени председатель Банка России; Арнольд Войлуков — первый заместитель председателя Банка России; Вячеслав Захаров — ректор Института банковского дела Ассоциации российских банков; Анатолий Милюков — исполнительный директор, руководитель аналитического департамента Ассоциации российских банков; Вячеслав Соловов — заместитель*

председателя Банка России; Андрей Козлов — впервые в истории российского банковского дела в свои 28 лет был заместителем председателя Центрального банка страны. А вскоре и первым заместителем председателя Банка России.

Вспоминать об МФИ и умолчать о нашей Алле Георгиевне Грязновой просто невозможно. Особенно мне — лицу заинтересованному. Ведь в то время, когда я был секретарём партийной организации, она возглавляла комитет комсомола института. Позднее мы вместе работали в райкоме партии и райкоме комсомола. Работала она творчески, но тяга к научной работе взяла своё. Она защитила кандидатскую, а затем и докторскую диссертации, много лет была проректором института по научной работе и международным связям. С 1985 г. А. Г. Грязнова — ректор МФИ, затем Финансовой академии.

Мне кажется, что вся её жизнь — в Академии. Я работал в различных структурах государственного, партийного, советского аппарата, но не встречал ещё человека, отдающего столько сил, столько душевной энергии делу, которому он служит, как это делает Алла Георгиевна. То, что ныне Академия занимает такое высокое положение, — целиком заслуга Аллы Георгиевны. Это человек, бесконечно преданный делу, человек, который не щадит себя ради процветания Финансовой академии».

Работа в райкоме была очень напряжённой, постоянные мероприятия. Если я приходила домой в 10 вечера, то это было хорошо. Помню полёт Гагарина. Это было чудо! Мы высыпали на улицу от переполнявших нас чувств, тут же решили провести демонстрацию. Сказано, сделано — ребята перекрыли движение на Проспекте Мира. Я взмолилась: «Давайте переместимся на тротуар, мы же мешаем транспорту, меня же с работы снимут! Доброе дело надо делать по-доброму».

Помню, как мы помогали строительству Московской окружной дороги. Обычно нам подавали 10 автобусов, в каждый из которых умещалось по 45 человек. Однажды транспорт не пришёл, а у райкома собралось 3 тысячи ребят и девчат. Я предложила на объект идти пешком, с расчётом, что машины нас скоро догонят, так под гитары и аккордеоны, с песнями мы и дошли почти до Рижского вокзала, где нас догнали автобусы. Однако всем так понравилась стихийная демонстрация, что ехать уже никто не хотел. Тем не менее, так как нас ждала работа на объекте, мы доехали и выполнили полный объём запланированной работы.

Я до сих горжусь своей яркой, кипучей комсомольской юностью, но уже тогда заметила, что на уровне низших звеньев кипела дружная работа, всё вертелось-крутилось. А «наверху» чувствовалась бюрократия, заорганизованность. Установившийся там стиль работы мне не нравился, гнуться перед вышестоящим креслом мне не хотелось... Это было не по мне.

Я начала объяснять В. Н. Туровцеву, что у меня педагогическое призвание, и я его открыла ещё в юности, занимаясь с младшими братьями и сестрой, люблю научную исследовательскую работу.

Тем более, что, хотя я всегда была заводилой, но в принципе, была скромным человечком. Меня постоянно куда-нибудь выбирали, выдвигали друзья, коллеги, сама же я никогда в руководство не рвалась.

Не без боя ушла из райкома в аспирантуру родного института.

К тому моменту я сдала уже все кандидатские минимумы, а августе 1962 года вышло постановление, позволяющее засчитывать сданные кандидатские за вступительные экзамены в аспирантуру, и, следовательно, мне, требовалось только написать автореферат (в этом не было проблем) и получить партийную характеристику (а это уже было ой как нелегко!). Выручил В. И. Туровцев. Если бы не он, я, возможно, не смогла бы исполнить свою мечту.

Но сам процесс получения этой самой характеристики превратился для меня в большую проблему, а без неё никто в приёмной комиссии не смог бы даже взять заявление на предмет поступления в аспирантуру. Тогда с этим было очень строго!

Захожу к Виктору Ивановичу: «Отпустите меня в аспирантуру, пожалуйста!». В ответ слышу жёсткий тон: «Ты что! Зачем тебе это делать? Ты уже сложившийся работник партии! Скоро тебя изберут в райком или в горком, а, может, ещё выше. Твоя кандидатура наверху уже рассматривается. Не дури!» Я вышла, как говорят в народе, «не солоно хлебавши». Переживала, конечно. Второй визит закончился словами: «Выбрось эту идею из головы. Иди и продолжай работать». Но я не успокоилась. В третий мой заход я пустила в ход ещё один аргумент: «Уважаемый Виктор Иванович, я не собираюсь бросать партийную работу, но не воспринимаю её как свою профессиональную деятельность. Да, сами-то Вы защитились, у Вас уже есть учёная степень, что дало Вам возможность, работая секретарем райкома, на почасовой оплате преподавать в нашем институте, готовить аспирантов. Чем более высокий уровень знаний, тем больше

пользы может принести человек и партии». Впервые за три визита «по личному вопросу» на его устах появилась улыбка. «Ну, подкузьмила, — заметил Виктор Иванович, — Ладно, давай кандидатуру на своё место и иди в эту самую аспирантуру. Характеристику завтра возьмишь!». Воскликнув: «Спасибо, Виктор Иванович!» я, счастливая, выскочила из кабинета. Спустя много лет, когда мы в Кремлевском дворце отмечали 80-летие нашего вуза, он сказал: «Горжусь, что принял тогда правильное решение, а ведь мог не отпустить! И теперь вижу, как повезло Финансовому институту, что он оказался в твоих крепких ректорских руках!»

СТУДЕНТЫ И АСПИРАНТЫ

Золотой фонд института

Крот истории: *«Репутация любого вуза складывается из профессионального уровня преподавательского состава (о ком мы уже поговорили) и выпускников, ставших значительными людьми. Занимаясь историей совзагранбанков, я постоянно встречаюсь с выпускниками МФИ: В. В. Геращенко — сложно перечислить все его титулы; глава Евробанка в Париже — Ю. В. Пономарёв, главы Моснарбанка в Лондоне — А. С. Маслов, И. Г. Суворов, Ю. В. Полетаев, банка во Франкфурте-на-Майне С. М. Бочкарёв. Банк в Сингапуре возглавлял В. И. Рыжков, в Бейруте — Т. И. Алибегов, в Цюрихе — Ю. Ю. Карнаух и т. д. Перечислять их можно долго.*

Или взять главный банк страны — Госбанк СССР, а с начала 1990-х годов — Центральный банк РФ. Во главе этих банков тоже немало выпускников Московского финансового института — Н. В. Гаретовский, В. В. Геращенко. Г. Г. Матюхин защищал здесь диссертацию... Но всё это прошлая история. А вот кого из Ваших учеников можно занести в актив сегодня?»

На первое место я поставила бы энергичного, талантливого выпускника МФИ 1989 года Андрея Козлова, бывшего первого заместителя Банка России, трагически погибшего. Заместителями председателя Банка России успешно работают или работали А. Ю. Симановский, Д. В. Тулин, Н. Ю. Иванова, А. В. Войлуков, М. Ю. Алексеев. Выпускники возглавляют и ряд крупных российских банков. Среди наших выпускников — 7 министров финансов.

Для преподавателя самая главная награда — профессиональные и жизненные успехи учеников. «Стоя на наших плечах», они успешно покоряют всё новые вершины.

Могу с гордостью сказать, что Финансовый институт — Академия — Университет — это вуз, чьи выпускники занимали и занимают руководящие посты, прежде всего, в финансово-банковской сфере. Здесь училась и учится финансовая элита России.

У нас учились многие выдающиеся люди, немало сделавшие для нашего государства. Это — Арсений Григорьевич Зверев, 22 года проработавший наркомом финансов СССР, Иван Данилович Злобин — заместитель наркома финансов, участник Бреттон-Вудской конференции и другие.

Мой талантливый коллега по учебе в Финансовом институте — В. С. Павлов — стал премьер-министром страны, а мой бывший студент — А. Г. Хлопонин — крупным банкиром, успешным губернатором, уполномоченным Президента по Южному федеральному округу и, наконец, вице-премьером страны.

В 1985 году я подписывала диплом Антону Силуанову (это был первый мой выпуск как ректора МФИ). После окончания вуза Антон сразу поступил на работу в Министерство финансов, всегда поддерживал тесную связь с институтом, став министром финансов РФ, одновременно возглавил Финансово-экономический факультет университета.

Бывшая студентка Любовь Куделина стала заместителем министра обороны РФ, Антон Дроздов — заместителем руководителя аппарата Правительства РФ, а потом руководителем Пенсионного фонда...

Наш выпускник Чен Вэй стал ректором Шеньянского университета — одного из крупнейших китайских вузов с 20 тысячами студентов и 30 тысячами обучающихся по дистанционным технологиям, а Го Лянчен возглавил научно-исследовательский институт при Даляньском университете. Выпускник МФИ До Кус Лыонг возглавлял Национальный банк Вьетнама, генеральным директором банка Вьетнама был Фам Ван Тинь. Наши выпускники возглавляли крупные финансовые структуры, занимали руководящие должности в министерствах финансов, государственных банках и других центральных ведомств Болгарии, Венгрии, Ганы, Китая, Кубы, Польши и других стран.

Выпускники аспирантуры Академии возглавляют многие вузы, являются профессорами и преподавателями университетов и других высших учебных заведений Германии, Китая, Йемена, Нигерии, Сирии, Чада и других стран.

Как-то любимым учеником я назвала Сергея Лыкова, тогда ещё зампреда правления финансовой компании «Еврофинанс», в 2007 году он стал первым зампредом Внешэкономбанка — Банка развития. Руководил этим банком почти 10 лет другой наш выпускник Владимир Дмитриев.

Но из более чем 55-летней моей педагогической работы самой дорогой моему сердцу, самой талантливой была 222 группа самого сложного факультета — «Международные экономические отношения». Ребята там были как на подбор, каждый — звездочка: умный, талантливый, инициативный, с глубокими знаниями. Неслучайно все ребята этой группы совершили крутой подъём по служебной лестнице: Андрюша Козлов стал первым зампредом Банка России, Саша Хлопонин стал вице-премьером российского правительства, Мишу Прохорова все знают, как талантливейшего бизнесмена, Игорь Антонов и Миша Киселёв были зампредами правления Росбанка, Дима Ушаков — генеральным директором «Агроса», Дима Бутаков возглавлял банки, был партнёром, советником генерального директора ЗАО «Спар-Ритейл». Но как справедливо отмечали выпускники-одногоруппники, даже среди таких ребят своей активностью, бескомпромиссностью, принципиальностью, открытостью суждений выделялся Андрей Козлов.

Отучившись только первый курс, по существовавшим тогда правилам, вся группа отправилась служить в армию. Было обидно, за год мы их здорово подучили иностранному языку, на международном факультете очень высокие требования, студент должен знать иностранный язык в совершенстве и, желательно, не один. И вдруг призыв в армию, ни один из группы не отлынивал от службы, они два года были солдатами, а потом приехали продолжать обучение. Конечно, подзабыли язык, и пришлось нам с ними заново заниматься.

Крот истории: *«Вообще эти ребята, прошедшие армию, породили много инициатив. Вот что вспоминает Владимир Никитович Шенаев, ставший главным экономистом информационно-аналитического управления Внешторгбанка».*

Шенаев В. Н.: *«Запомнилось также, что по инициативе группы студентов ФМЭО (во главе с А. А. Козловым, ставшим первым заместителем Председателя Банка России) была разработана и внедрена блочная система обучения (взамен традиционной семестровой), а также выпущен первый журнал научных студенческих работ».*

Не случайно, видимо, головным институтом по проблемам международных экономических отношений во Всесоюзном УМО по МЭО стал Московский финансовый институт, а не элитный в ту пору МГИМО с комплексом новых зданий на проспекте Вернадского и самым многочисленным контингентом студентов по этой специальности».

Именно по настойчивому, аргументированному предложению студента Андрея Козлова, выступившего на Учёном совете, я в 1986 году подписала приказ об изучении не одного, а двух иностранных языков, а по желанию факультативно — третьего.

Саша Хлопонин пришёл к нам после успешного окончания школы, он блестяще сдал вступительные экзамены, из 20 возможных баллов набрал 19. Вы думаете, у него были богатые родители или они входили в номенклатуру? Нет! Мама работала рядовым инженером в тресте «Строитель», а папа был переводчиком. Самые обыкновенные родители, таких много в нашей России.

Александр всегда был душой компании, во всех мероприятиях был заводилой, авторитет у него был просто непререкаемый. Он очень добрый, очень порядочный, очень общительный. Мальчишка спортивной закалки. Я помню, что у него был разряд по шахматам, он увлекался лыжами, настольным теннисом. Вообще удивительная группа у них была, дивная.

Ребята старались постичь всё новое, никогда не ограничивались учебниками, читали массу дополнительной литературы. У них был очень развит командный дух. Если нужно было ехать на сельхозработы, то они ехали всей группой, безо всяких разговоров. В Астрахань, так в Астрахань, в стройотряды — пожалуйста. Многие ребята стали донорами, сдавали кровь.

Побывав в Норильске, когда генеральным директором «Норильского никеля» стал Александр Хлопонин, я всем сердцем порадовалась за ростки новой экономики. За три года новые владельцы и руководители сделали чудо. Восстановили производство, добились значительного повышения производительности труда и роста заработной платы работников, погасили многомиллионные прошлые долги.

Мне рассказывали, как Хлопонин вышел к разъяренным людям, которым несколько месяцев не выплачивали заработную плату, и сказал: «Знаете что? Мы с вами будем работать дружно и хорошо. Что я вам обещаю? Регулярную выплату зарплаты, выполнение намеченных планов. Да, не сразу, но, я думаю, месяца через три у нас

всё получится». И он выполнил свои обязательства. С тех пор, как Александр Хлопонин стал генеральным директором «Норильского никеля», на комбинате не было ни одного случая задержки зарплаты. За два с небольшим года размер оплаты труда увеличился в два раза, были разработаны и стали реализовываться масса современные социальные программы.

Норильчане рассказывали мне про дивную программу, которую они называют «Мамочка». Я спросила у Саши, что это за «Мамочка», и выяснила, что они разработали программу, согласно которой женщина имеет право до семи лет воспитывать ребенка и не ходить на работу. Ей выплачивают среднюю заработную плату в течение всех этих лет. Когда начинали, никто не верил, что такое возможно. Всего два человека согласились на этот эксперимент, ну а сейчас редкая мама не пользуется этой программой.

Оказалось, что это дешевле, чем в районе вечной мерзлоты водить детей в садик, чтобы они по дороге простужались, и потом месяцами сидеть с ними на больничном.

Есть ещё одна прекрасная программа, предложенная Хлопонинным — «Шесть пенсий». То есть, если вы уезжаете на «материк», то «Норильский комбинат» вам гарантирует, что будет выплачивать шесть пенсий в месяц в течение двух лет. Это даст возможность, отработав на Крайнем Севере, уехать, допустим, в среднюю полосу или на юг и устроить свою жизнь в более комфортных условиях.

Администрация «Норильского никеля» выделила шесть с половиной миллиардов рублей на поддержку социальной сферы, отчислили средства на экологические программы. Я считаю, что они сделали большое дело, начав возрождение Русского Севера, и в этом большая заслуга Александра Хлопонина.

Став губернатором Таймыра, он придумал четыре губернаторских «ЗА». Александр объяснил, что они означают: забота, зарплата, занятость и законность.

Крот истории: *«Алла Георгиевна, в моих руках забавный документ, датированный 13 ноября 1986 года. Это заявление: «Прошу оказать мне материальную помощь в связи с тяжёлым материальным положением». Подпись — Михаил Прохоров. Что действительно настолько плохо было будущему олигарху?»*

Нет, конечно, не настолько. Такое же заявление я получила и от Саши Хлопонина, Андрюши Козлова, Димы Ушакова и других

их одноклассников — организаторов ремонтных работ на территории единственного тогда учебного корпуса на улице Кибальчича. 20 июня 1986 года группа из 12 студентов 222-й группы получила благодарность и денежную премию в размере 25 рублей (каждому) «за большую работу, проделанную по благоустройству Московского финансового института». Но на эти деньги были куплены бетон, цемент, сделана клумба во дворе и произведены другие необходимые работы.

Крот истории: *«А вот как мне рассказал эту историю сам „проектировщик“».*

Прохоров М. Д.: *«Мы вернулись из армии, когда в стране началась перестройка. Наша активность зашкаливала, и мы взяли власть на курсе. Часть из наших ребят, служа, вступили в партию, и одного из них мы двинули в партбюро, несколько человек были выбраны в комитет комсомола института. А уж в факультетском бюро у нас был контрольный пакет. Ещё бы, наши ровесники, учившиеся на четвёртом курсе, не имели такого жизненного опыта, как мы, а пятикурсникам было не до общественной работы — они ушли на преддипломную практику».*

Мы выразили неудовольствие нашему декану Михаилу Эскиндарову: „Что за хлев у нас рядом с учебным корпусом?!“ Он с вызовом ответил: „А если хлев, то возьмишь и его почисти!“

Надо сказать, к тому моменту мы успели поработать в Дзержинском детском парке, получить опыт разбивки и оформления клумб и кладки плитки.

К тому же я уже был бригадиром на разгрузке вагонов на Ярославском вокзале, поэтому смог внести основную финансовую лепту в будущее дело.

Желая произвести эффект, мы договорились, что декан увезёт ректора Аллу Георгиевну в два часа на какое-нибудь мероприятие. Мы рассчитали, что, исходя из четырёх часов сна (я жил недалеко и мог принять бригаду у себя), к шести утра работа будет закончена.

В наш коллектив входило человек 6–7, среди них были Саша Хлопонин, Андрей Козлов, Дима Ушаков.

В первую очередь был убран мусор, потом соорудили в центре двора большую клумбу, посадив на ней цветы. Убились за полтора дня насмерть! Еду нам приносили на рабочее место. В шесть утра в понедельник, как и планировали, работу закончили.

Ждём эффекта, время проходит, а Алла Георгиевна в окно не смотрит! Наконец мы не выдержали и попросили Эскиндарова обратиться

внимание Грязновой на сделанное. Он подвёл её к окну, и ожидаемая реакция была получена.

Алла Георгиевна 13 ноября 1986 года пригласила нас к себе, поблагодарила и, посчитав, что на общественное дело неправильно тратить свои деньги, решительно распорядилась написать нам заявления на предоставление материальной помощи на сумму, потраченную на приобретение необходимых материалов. Я отказывался от этого, но она была неумолима: „Всё, прекрати, вы такую красоту создали! Пиши заявления!“ Текст его нам продиктовали: „Прошу оказать мне материальную помощь в связи с тяжёлым материальным положением“.

Получив даже чуть больше, чем нужно, мы остаток прогуляли в ресторане.

После этого, войдя во вкус, мы решили отремонтировать кабинет декана. Он тоже хитростью был удалён из здания института, мы ободрали обои, размыли потолок, побелили его. Когда же поклеили купленные обои, то выяснилось, что расчёт был неверный, и на одну стенку их не хватило. Докупать было некогда, а дома у меня оказались только остатки обоев „кирпичная стена“. Всё было сделано вновь за полтора дня.

Что делать, поклеили их, частично спрятав полученное за занавесками».

17 сентября 2006 г. в 17 часов мы собирались отметить 60 лет со дня создания Московского финансового института, выпускники разных лет очень ждали этой встречи, но она была перенесена на конец октября.

Накануне, 14 сентября, произошло страшное событие — был убит один из самых талантливых выпускников Академии — первый заместитель председателя Центрального банка России Андрей Андреевич Козлов, а шестнадцатого мы проводили его в последний путь. Ни о каком праздничном мероприятии не могло быть и речи.

В лице Андрея страна потеряла одного из самых верных своих сыновей, патриота, кристально чистого, принципиального, чуткого, отзывчивого человека с доброй душой и горячим сердцем, готового отдать все свои силы служению Родине.

Банковская система потеряла талантливого, стратегического мыслящего, мудрого, высоко профессионального банкира, не побоявшегося взять на свои плечи самую сложную работу по формированию прозрачной, конкурентоспособной российской банковской системы.

Он думал о простых людях — вкладчиках, когда заставлял тщательно проверять банки, прежде чем доверять им работу с вкладами населения, был грозным и бескомпромиссным к тем, кто занимался «отмыванием» нелегальных денег, нажитых преступным путем. Борясь с криминалом, он предложил лишать нечистоплотных банкиров возможности заниматься банковским бизнесом. Он понимал, что эта работа требует не только высокого профессионализма, но и смелости, отваги. Всем известно одно из его последних высказываний на банковском конгрессе в Сочи: «Мы — санитары, а санитаров леса не любят, но кто-то должен это делать, и мы это делаем».

Для семьи это была невосполнимая потеря любимого сына, нежного, любящего, верного мужа, прекрасного отца троих детей. Конечно, горе семьи — самое тяжелое.

Для Финансовой академии — это потеря не только одного из самых талантливых выпускников, но и надёжного друга, блестящего воспитателя молодого поколения. Андрюша часто бывал в Академии, встречался со студентами, приходил на традиционные праздники «Посвящение в студенты», «Вечера выпускников», юбилейные даты. Его выступления всегда вызвали бурные аплодисменты зала, желание студентов оставить на память фото- или видеосъёмку с ним.

По просьбе А. А. Козлова мы организовали подготовку кураторов, инспекторов и банковских менеджеров в Институте делового администрирования и бизнеса Финакадемии. Вообще, это был генератор идей, он заражал своей неумной энергией, его деятельность всегда была ориентирована на реальный результат.

28 сентября 2006 года Финансовая академия совместно с выпускниками организовала «Вечер памяти А. А. Козлова».

Во вступительном слове я подчеркнула, что ни разу у абитуриентов не видела столь яркой характеристики из школы, как у Андрюши. «Козлов А. А — самый инициативный комсомолец класса, трудолюбив, отзывчив, принципиален и честен, острее всех радуется успехам класса и острее всех переживает неудачи, дисциплинирован, общителен, обладает организаторскими способностями. Был бойцом стройотряда школы по возведению монумента на месте гибели смоленских партизан...»

Много прекрасных черт в характере, поступках, профессиональной деятельности Андрюши раскрылись для присутствовавших на «Вечере памяти» благодаря выступлениям выпускников. Теплый,

добрый, семейный вечер получился и потому, что кроме выпускников на вечере были и народные артисты, и нынешние студенты. Каждому хотелось выразить свои чувства, отдать дань памяти замечательному человеку. Народный артист Зураб Соткилава исполнил «Прощальную песню» Пауло Тести и романс «Ни слова, о друг мой» П. И. Чайковского, а в исполнении народной артистки Людмилы Лядовой трогательно, печально, под собственный аккомпанемент прозвучала «Молитва». Талантливый поэт и писатель Лариса Васильева прочитала свои стихи. Печаль и грусть проникла и в сердца студентов: Миша Лощинин (3 курс МЭО) исполнил песню «Есть только миг между прошлым и будущим», а Оксана Смальченко (3 курс Института налогов) — «Аве Мария»; от сотрудников и преподавателей с большим чувством исполнил песню на собственные слова и музыку «Ты откуда прилетела, эх, каленая стрела» Николай Семёнов.

Выпускники предложили учредить почетный знак А. А. Козлова для поощрения государственных служащих и представителей бизнеса за «практическую реализацию современных методов управления и технологических решений в одном или нескольких секторах экономики, результатом которой явился качественный скачок в развитии экономического рынка или его сегмента». Для студентов Академии предложено было учредить премию имени А. А. Козлова при условии соответствия таким личностным критериям: активная гражданская позиция; честность; порядочность; целеустремленность, направленная на углубление профессиональных знаний по обучаемой специальности и формирование необходимых деловых качеств.

Крот истории: *«Студенты в разговоре со мной вспоминали, что во время своего последнего выступления перед студентами Финансовой академии 1 сентября 2006 года, на традиционном, ярком мероприятии „Посвящение в студенты“, придуманном Аллой Георгиевной, Андрей Козлов с присущей ему энергией, чувством юмора сказал (приблизительно его речь дословно): „Ну что ребята, вы попали. Я вас с этим поздравляю. Вы попали на первый шаг, первый этап серьёзной, очень серьёзной жизни. К вашему счастью, этот шаг, этот этап будет проходить в Финансовой академии.“*

Сегодня уже говорили о традициях Финансовой академии. Я хочу, как выпускник, как бывший студент, который 24 года назад получал студенческий билет, поздравить вас с самой-самой главной традицией, которую вы должны помнить, ей следовать, не забывать. Алла

Георгиевна сегодня уже говорила о том, что она человек строгий. Вы видели сегодня, как кто-то танцевал, пел, одним словом — оркестр. Так вот, Финансовая академия это то же самое, что этот оркестр. И дирижирует им Алла Георгиевна. Это только снаружи кажется, что так все игрально. На самом деле все серьёзно и строго. Алла Георгиевна действительно строгий человек, очень справедливый человек. Но самое главное, что Алла Георгиевна очень милый, очень человечный, очень добрый человек. Очень-очень добрый человек. Именно поэтому, мы все, кто учились в Финансовой академии, Московском финансовом институте, кто сейчас учится, очень её любим. Это и есть самая главная традиция Финансовой академии. Мы все её до сих пор слушаемся, потому что Алла Георгиевна всё-таки очень строгий человек. Мне иногда кажется, что именно она, дергая за невидимые ниточки, руководит всеми теми выпускниками, о которых вы уже слышали. Миллионеры, министры, бизнесмены — наша Финансовая академия выпускает много разных специальностей, часть из них перечислена. Это нобелевские лауреаты по математике, артисты, они выпускают кроме того ещё и офицеров, офицеров-финансистов. Об этом мало когда говорят, но это очень важная для нашей страны профессия. И все мы, где бы мы ни находились, мы любим, уважаем и слушаемся Аллу Георгиевну Грязнову, чего и вам желаю. Я хочу, чтобы сегодняшней, двадцать первый набор студентов из всех тех наборов, которые встречала, а потом и провожала Алла Георгиевна, гордились ею, а она могла гордиться вами. Поэтому я поздравляю не только вас, но и Аллу Георгиевну Грязнову. Всех с праздником!“»

Стоит вспомнить Мишу Алексева, окончившего институт на год раньше. Он стал и доктором экономических наук и крупным банкиром — много лет возглавлял ЮниКредитБанк, поработал заместителем председателя Банка России. Занимался организацией в нашем институте музея финансов.

Успешным банкиром был Юра Агапов, возглавлявший «Кредобанк». С ним у меня забавная история произошла. Но прежде я сделаю небольшое вступление. Дело в том, что я ценю в людях честность, доброту и порядочность. Это знали и мои студенты. Если они пропустили занятия или опоздали, проспав, надо об этом прямо сказать, а не юлить. Однажды ко мне пришёл студент и сообщил, что его хотят исключить из института — он два раза не сдал один предмет. Дело в том, что у него не было времени хорошо подготовиться — он сни-

мался в каком-то фильме. Нестандартная ситуация! Он просил меня дать ему месяц подготовиться и сдать хвост, клялся, что такое больше никогда не повторится. По правилам положено третью пересдачу проводить комиссии. После этого ректор бессилён. История с тем моим студентом закончилась благополучно: он сдал экзамен, окончил институт, поступил в аспирантуру.

Вспомню другой случай, не называя имя студента. Он хорошо успевал по всем предметам, кроме высшей математики. Поэтому, когда провалил дважды экзамен, его тоже надо было выводить на комиссию. Вижу, что он не лодырь, старается, не могу его выгнать! Попросила разобраться с его проблемами прекрасного преподавателя математики Марию Георгиевну Орлову. Дала им месяц, чтобы поставить диагноз, что с ним, и, если это возможно, подготовиться к экзамену. Оказалось, у него по математике фрагментарные знания и нужно пару месяцев, чтобы систему сложить в стройную логическую цепочку. Я согласилась. В результате он успешно сдал экзамен. И с тех пор у него всё шло идеально. Получил диплом с отличием.

К Юрочке Агапову же я пришла на юбилей, жена его была известная актриса Большого театра. У него прекрасная дача, мы сидим за столом, идут тосты. И вдруг юбиляр говорит: «Больше всего я благодарен Алле Георгиевне. За многое, конечно, но вы не поверите, за что особенно!» И продолжил: «За то, что она исключила меня из аспирантуры!» Я, честно говоря, этого уже не помнила. «После двух лет аспирантуры мы чётко помнили три числа, — начал вспоминать Юрий. — Когда мы выходим на обсуждение работы на кафедре, когда на диссертационный совет и, конечно, день защиты. И вот я одну очередную дату пропустил, Алла Георгиевна простила, после второго пропуска исключила меня. Меня это так встряхнуло, что стал совершенно другим человеком». Целый год я мотался, не давая себе продыху. Переоценивая всё, что я до тех пор сделал. «Если бы тогда не поступили принципиально, не исключили меня, — признался в заключении Юрий, — никакого президента банка из меня не получилось бы!»

У нас были очень интересные студенты. Например, 1 сентября 2003 года тогдашний премьер-министр Михаил Касьянов специально приезжал, чтобы вручить двум самым юным первокурсникам академии — Ксении Лепёшкиной и Кириллу Борусяку подарки — портативные компьютеры.

Ещё бы! Ксюше, окончившей школу с золотой медалью, было всего 12 лет! А Кириллу, который поступил на самый сложный факультет — математические методы в экономике и антикризисное управление — исполнилось лишь 14 лет. После экзаменов он признался, что особых трудностей не испытывал. «Были задачки и посложнее», — философски заметил будущий экономист-аналитик. А конкурс, между прочим, в Финансовую академию в этом году составил 10 человек на место, причем 50 % абитуриентов на этот раз были медалистами.

А до этого были сестры Анжела и Диана Князевы, которые поступили в академию в десяти- и одиннадцатилетнем возрасте. После успешного окончания Академии в возрасте 13 и 14 лет, они поступили в аспирантуру.

Девочки взяли для научного исследования очень сложные темы по международным валютно-кредитным проблемам. А когда им было 14 и 15 лет, они проходили стажировку за границей. Овладели английским, немецким и французским, итальянским и испанским языками. Родители очень гордились своими талантливыми дочками. Продолжать учёбу они уехали в США, где, к сожалению для нас, и остались работать.

Крот истории: *«Увы, получив докторские степени, девушки стали читать лекции американским студентам на факультете бизнеса имени Саймона в университете города Рочестер в штате Нью-Йорк. Доброй половине их слушателей столько же лет, сколько Анжеле и Диане. Однако подобное возрастное равенство их не смущало. У них сейчас более 50 публикаций, докладов, научных работ. Особыми наградами были отмечены их педагогические способности.*

С 2014 года сёстры служили в должности финансовых экономистов Комиссии по ценным бумагам и биржам США».

Да, один из самых авторитетных в США и в мире Стэнфордский университет (*Stanford University*) предложил девочкам магистерскую программу по международной политэкономии, которую они успешно освоили меньше чем за год, став самыми юными магистрами за всю историю университета — им тогда было 15 и 16 лет. После этого они поступили в докторантуру Нью-Йоркского университета (*New York University*) — *Stern School of Business*. Диане и Анжеле присвоили в 17 и 18 лет ещё и магистерские степени по финансовой экономике и международному бизнесу...

Финансовая академия благодаря выпускникам стала котироваться как звездный вуз. Действительно я могла бы долго перечислять своих учеников. Чтобы кого-то не обидеть, лучше не буду продолжать это делать. Всё равно всех не назвать, а обидеть никого не хочется.

Крот истории: *«Вы уже рассказывали, что поддерживаете тёплые отношения с однокурсниками. А с другими выпускниками, со своими учениками?»*

Конечно, со многими мы встречаемся практически ежегодно в конце лета, когда у меня заканчиваются вступительные экзамены. Председатель банка «Возрождение», наш замечательный выпускник Дмитрий Львович Орлов многие годы устраивал на теплоходе небольшой круиз по Волге: собирал свои 68 филиалов на учебу и половину теплохода отдавал своим коллегам. Зато вторая половина была отдана «бездельникам», то есть Алле Георгиевне с внучками, В. В. Герашенко с супругой, нашим выпускникам — руководителям зарубежных банков с российским капиталом. Приезжали все, кто мог. Ради этих трех дней я, например, откладывала буквально все командировки, санаторий в Барвихе... Всё это продолжалось вплоть до его смерти в 2014 году.

Хлопонин А. Г.: *«Алла Георгиевна никогда не была для нас бронзовой, с ней всегда было возможно нормально общаться, но без фамильярности. К профессорско-преподавательскому составу мы относились с уважением, но при этом чувствовали, что и нас уважают. Именно поэтому Академия для нас родная, и к Алле Георгиевне сохранились самые теплые чувства».*

Важная и большая работа велась по подготовке аспирантов, то есть будущих преподавателей. Если вы возьмёте все вузы экономического направления, особенно финансово-экономического, основная масса их спецкафедр укреплена нашими аспирантами. Взять, например, Казанский финансово-экономический институт. Я уверена, что первое, что должен делать элитный вуз, это обеспечивать хорошими кадрами вузы регионов. Что мы и делаем. Поэтому у нас аспирантура 600 человек.

Крот истории: *«Вот воспоминания некоторых аспирантов Аллы Георгиевны: Го Ляньчен, ныне профессора Дунбэйского финансово-экономического университета, Ирины Юрьевны Беляевой, ставшей завкафедрой Финуниверситета.; Татьяны Георгиевны Беловой, ставшей доцентом Московского госуниверситета геодезии и карто-*

графии и Марины Леонидовны Зейналовой, ставшей деканом Финуниверситета».

Го Ляньчен: *«Алла Георгиевна Грязнова — очень умный и остроумный человек, Человек с большой буквы, известный учёный, её знают и в нашем, и в других университетах Китая. Она очень заботилась обо мне и помогает мне во всех отношениях».*

Беляева И. Ю.: *«Воспоминания о годах, проведенных в аспирантуре Московского финансового института, ярки и прекрасны не только потому, что связаны с молодостью, встречей с любимым человеком, замужеством, рождением ребенка, аспирантской дружбой, надеждами на будущее, но и пониманием, что удалось соприкоснуться с блестящими представителями широко известной научной школы и талантливыми профессорами М. С. Атлас, А. Г. Грязновой, С. А. Ленской, В. В. Мотылёвым, Т. Г. Семенковой, Г. П. Солюсом, Ю. И. Юдановым и др.*

В памяти навсегда осталось собеседование при приёме в аспирантуру, которое проводила энергичная, внимательная проректор по научной работе профессор А. Г. Грязнова, моментально улавливающая суть проблемы, безошибочно определяющая, к кому должен попасть будущий аспирант».

Белова Т. Г.: *«Мне посчастливилось приобретать знания, профессионализм и опыт в замечательном коллективе кафедры политэкономии, собравшем немало талантливых неординарных личностей. Именно эти годы стали самыми результативными в моей жизни благодаря совместной работе над диссертацией с моим научным руководителем профессором А. Г. Грязновой. Под влиянием её мощного интеллекта и поистине родительской заботы о своих аспирантах, по существу, сложилась моя личность как профессионала, как человека. Таких счастливых встреч в жизни я бы хотела пожелать каждому от всей души».*

Зейналова М. Л.: *«Кто будет моим научным руководителем, я не знала. Предположения колебались между двумя ведущими профессорами кафедры — обаятельным и „продвинутым“ проф. В. М. Соколинским и опытным и известным наставником всех аспирантов (причём не только нашей кафедры) проф. С. А. Ленской. Можно представить мой восторг, когда я узнала, что моим научным руководителем стала ректор Академии, заведующая кафедрой экономической теории профессор А. Г. Грязнова. Все говорили: „Как тебе повезло!“ Только я понимала, насколько ответственной и обязательной нужно быть, чтобы не подвести Аллу Георгиевну».*

Крот истории: *«А вот рассказ одного из докторов, защищавшихся под руководством Грязновой — Капитолины Евгеньевны Турбиной, ставшей директором представительства Кёльнского перестраховочного АО».*

Турбина К. Е.: *«Моей докторской диссертацией руководила профессор Алла Георгиевна Грязнова. Сила духа, настрой на победу, творческая энергия пронизывает всё, что делает эта великая женщина. Мне опять повезло — быть учеником у великого мастера! Спасибо ей».*

Мы проделали большую работу. Раньше из аспирантуры выходило защитившимися только 15–20 % аспирантов. Меня успокаивали, что это нормальная практика. Меня же она не устраивала. Я понимала, человек вернётся на родину с горечью от не до конца выполненного дела. В какой-то степени проигравшим. Потом его закрутит преподавательская жизнь, рутина, ему некогда будет продолжать исследование, в результате он так и не защитится. Я не хотела с этим мириться, и мы стали думать, как бы эту систему в корне изменить. И решили проводить предварительные собеседования с кандидатами. Я договорилась с рядом вузов, которые к нам присылали своих преподавателей в аспирантуру, совместно составить трёхлетний план подготовки аспирантов. И попросила их прикинуть, кого, когда они могли бы прислать к нам в аспирантуру и на какую кафедру. С 50 вузами соответствующие договоры были заключены.

С проректором по научной работе Владимиром Сергеевичем Рожновым мы договорились в феврале встречаться со всеми кандидатами на поступление, готовыми приехать в сентябре на сдачу вступительных экзаменов. На собеседовании специально сели так, чтобы не видеть оценок, которые ставят коллеги. Беседы вели на разные темы, нам важно было понять общий уровень кандидата. Интересовала нас манера построения им предложений, рассказа, манера говорить. Обсуждали мы и тему, над которой он собирается работать. Спрашивали, почему была выбрана именно она. И так далее, нас интересовало всё, что касалось личности собеседника, вплоть до его любимых произведений художественной литературы. Готовиться к такому разговору не было необходимости.

По каждой категории вопросов мы ставили оценки по пятибалльной системе. И что интересно: мы с коллегами редко расходились в них. Тех, кто был оценен невысоко, вызывали и советовали дополнительно позаниматься, познакомиться с необходимыми первоисточ-

никами, без которых ему не обойтись в преподавательской практике. При необходимости мы приглашали таких кандидатов предварительно приехать к нам на курсы повышения квалификации на три месяца или полгода, что было предусмотрено в их вузовской системе повышения квалификации.

В результате таких изменений у нас практически все аспиранты стали защищать диссертации в срок.

Я, как и мой учитель М. С. Атлас, не могу никому отказывать. Поэтому у меня было 42 аспиранта и больше 20 докторов наук. Всеми ими я очень горжусь и постоянно слежу за их ростом.

Крот истории: *«А в чём разница между Вашим поколением студентов и нынешним? Порой кажется, мы с разных планет!»*

Во-первых, сейчас ребята более практически направлены. Они более или менее четко знают, кем хотят быть. Во-вторых, у них намного более высокий уровень подготовки по языку. И в-третьих, в техническом плане они намного сильнее нас. Но с другой стороны, читают они меньше, и я стараюсь что-то придумать, чтобы их заставить читать, ибо чтение — это работа ума.

Крот истории: *«А чего Вы хотели добиться от студентов? Что из них „слепить“?»*

Ну, конечно, как бы это громко ни звучало, хороших людей, полезных стране. Для этого я большое внимание уделяла многогранному их развитию, об этом ещё подробно расскажу.

А в обучении нам удалось достичь результатов не хуже, чем в развитых западных странах. Во всяком случае, выезжающие на стажировку наши студенты возвращаются с вполне пристойными оценками, а многие и с зарубежными бакалаврскими дипломами.

Тем не менее полностью перейти на схемы подготовки, сформировавшиеся за рубежом, пока невозможно. Основное препятствие заключено в довузовском образовании: российская средняя школа далеко не всегда обеспечивала будущего студента достаточным знанием иностранного языка и культурно-общеобразовательным уровнем, а сейчас отрицательные ноты внес переход на ЕГЭ, усиленная подготовка к которому повысила фрагментарность знаний, акцент на запоминание, а не на логику, взаимосвязь явлений, их существенную составляющую.

Я, как вы поняли, очень давно работаю в вузе и должна сказать, что «сердце кровью обливалось», когда мы наших прекрасных выпускни-

ков, профессионально подготовленных, владеющих двумя, а то и тремя языками, распределяли на работу, где зарплата 100–120 рублей в месяц. Всё изменилось в конце 1980-х годов.

Вот и приходится в вузе читать такие дисциплины, как культурология, культура и финансы. Не может же наш банкир в общении с иностранными коллегами допустить какую-нибудь неловкость, не сумеет поддержать разговор о балете, выходящий за профессиональные рамки. Много внимания мы уделяли привитию вкуса и естественным потребностям в интеллектуальном росте.

Крот истории: *«Рассказывает Алексей Юрьевич Симановский, ставший первым зампредом Банка России».*

Симановский А. Ю.: *«Мы проходили практику на хлопчатобумажном комбинате в Ногинске. Там были представители всех четырёх факультетов института. Было много творческих ребят, играли на гитарах, пели, читали стихи. Поэтому выступали и перед рабочими комбината на импровизированной сцене. Алла Георгиевна ездила смотрела, как мы проходим практику, посетила она и концерт. Несмотря на то, что одна из песенок была достаточно фривольная, и Грязнова это заметила, последствий это не имело. Более того, было видно, что наша инициатива ей понравилась. Она была демократичным человеком.*

Уже после окончания института я продолжал ходить в самодеятельную студию. Мы ставили спектакль по поэме Евгения Евтушенко „Братская ГЭС“. На нашу премьеру пришли Алла Георгиевна и Миша Эскиндаров. Они сидели в первом ряду и смотрели нашу постановку не самого стандартного произведения. После спектакля они поднялись на сцену и пожали руки всем исполнителям, тем самым одобряя сделанное».

Крот истории: *«И, к окончанию этого раздела, ещё один рассказ аспиранта».*

Альпидовская В. Л.: *«В середине 1990-х годов я училась в аспирантуре в Финансовой академии на кафедре экономической теории, и Алла Георгиевна Грязнова была моим научным руководителем. Однажды она назначила мне встречу в субботу в 8 часов утра. Чтобы не опоздать, я приехала заранее, на полчаса раньше, и решила встретить Грязнову на подходе. Но уже минуло назначенное время — руководителя не было. Я, зная её пунктуальность, решила зайти в приёмную и узнать, что случилось. Каково же было моё удивление, когда секретарь Аллы Георгиевны сказала мне, что она уже с 7 часов на месте и работает в своём кабинете с документами. Это обычное дело, как я убедилась позже...*

В тот же день я пожаловалась Алле Георгиевне, что тяжело идёт работа, посетовала на нехватку времени — ибо в сутках всего 24 часа. На что получила ответ, который хорошо запомнила: „Мариночка, зайка! Не всего, а целых 24 часа!“ И вот уже я своим студентам, аспирантам привожу это высказывание как пример трудолюбия, упорства в достижении целей, в том числе и научных.

Накануне защиты я смогла попасть к своему руководителю лишь в половине одиннадцатого вечера. Её рабочий день, начинавшийся в 7 часов утра, ещё не заканчивался! Алла Георгиевна задала мне несколько, как мне казалось, важных вопросов по готовности к защите, при этом неожиданно сказала: „Хорошо, но это не главное!“ Я заволновалась: „А что же главное?“ — и услышала вопрос: „В чём ты будешь защищаться!“ Я удивилась и переспросила: „В каком смысле?!“ — „Что на тебе будет надето?“ — продолжила Алла Георгиевна. Я начала рассказывать, какое купила для этого события платье, с какими шифоновыми рукавами... Ответ удовлетворил руководителя, но она дала мне указание: „Я завтра в связи с очень важной встречей не смогу присутствовать на защите, но ты должна после неё зайти ко мне и показать платье“.

Защита прошла успешно, и, как только все мои волнения схлынули, я поспешила для отчёта к Алле Георгиевне. Она находилась в компании высокопоставленных женщин, не работавших в академии. Поинтересовавшись, как прошла защита, мой руководитель удовлетворённо сказала: „А теперь продемонстрируй нам, в чём ты защищалась!“

Когда я готовила докторскую диссертацию, порой не было времени элементарно поесть. Алла Георгиевна, понимая это, когда я заходила к ней в кабинет, задавала вопрос: „Обедала?“ — после чего делила со мной предназначенный ей обед. Отдавая мне вилку, она добавляла: „Я ложкой люблю есть, как в армии“. При этом умения виртуозно справляться с многочисленными столовыми приборами по всем правилам этикета на серьёзных приёмах ей не занимать».

Как отобрать лучших, как из них сделать звёзд

Крот истории: «Сдача экзаменов для всех была испытанием. Для абитуриентов, их родителей, для педагогов. Важно было отобрать действительно лучших — это были те, кто в будущем мог стать твоим коллегой, а кто-то и прийти на твоё место».

Ежегодно к нам на вступительные экзамены приходило более пяти тысяч человек, из них почти половина окончили школу с медалью. Конкурс был, естественно, высокий: в среднем семь—десять человек на место. Поступающие сдавали четыре экзамена (они проводились последнее время в виде тестов): математику, русский и иностранный языки, экономическую географию. Тест по языку включал в себя проверку как грамматики и активной лексики, так и умения воспринимать текст, отвечать на вопросы. При написании теста по русскому языку надо было не только знать правописание словарных слов, но и ориентироваться в правилах пунктуации: согласно заданию, знаки препинания необходимо было расставить в непростом тексте.

Проходной балл в среднем по академии составлял 37 из 40 возможных, а в институт кредита и институт международных экономических отношений — по 38 баллов.

Чтобы экзамены у нас начинались, как в МГУ — с 1 июля, то есть раньше, чем в других учебных заведениях, нам пришлось специально обращаться в Госкомобразование. Нелегко мне было этого добиться!

Кроме того, что я ректор, я ещё женщина и мать. И видеть огромное число этих, в сущности, детей, которые не поступили, для меня было просто ужасно.

Передвинув всё же приём на полмесяца, немного сбили общий конкурс, но создали более гуманные условия для поступления. Некоторые ребята, которые не были ориентированы на нашу Академию, иногда не успевали подать документы: ведь общий срок подачи документов для поступления в вуз был 15 июля. Зато ориентированный на наш вуз молодой человек или девушка, но не прошедший по конкурсу к нам, мог успеть подать документы и поступить в другой вуз и не терять год. Разумно было дать ему ещё одну возможность. Ведь конкурс в академию до этого в отдельные годы доходил до 17 человек на место.

Почти все наши будущие студенты окончили школу на «хорошо» и «отлично», тройки в аттестатах поступающих встречались крайне редко. Зато медалистов среди абитуриентов на отдельные факультеты было даже больше, чем бюджетных мест.

В эти годы ежегодно мы принимали примерно 850 человек. Из них только 100 человек — на платной основе. Причём все абитуриенты сдавали экзамены в общем потоке, получить какие-либо преимущества с помощью денег было просто невозможно. Мы создали систему

из восьми степеней защиты, как на денежных знаках, чтобы добиться наибольшей объективности в оценке знаний абитуриентов.

Экзаменационный лист содержал минимум информации о поступающем, на экзамен они входили в порядке живой очереди, а не по алфавиту. Вариантов заданий было столько, сколько абитуриентов, и невозможно было заранее предугадать, какой вариант кому достанется. У нас было принято к тому же, чтобы на письменных, тестовых не присутствовали преподаватели соответствующей дисциплины — чтобы не могли кому-то подсказать. К примеру, на экзамен по математике не допускался ни один преподаватель математики. Но и это ещё не всё. После того, как работы собирались, они направлялись в закрытую шифровальную группу. Там обложка и работа маркировались, и далее шли разным путём. Обложка с фамилией абитуриента — в специальный сейф, а работа с шифрованной маркировкой — на проверку. Часть работы выполнял компьютер, проверяющий специальный лист ответов. Черновик и основной текст работы шли на проверку преподавателю. Листов же компьютерных ответов рука человека после сортировки вообще не касалась. Машина сама считывала ответы и ставила оценку. За последние годы существования такой системы только один раз оценки преподавателей и компьютера резко разошлись, когда абитуриент ошибся, указывая номер решаемого им варианта.

В 1998 году максимально возможный балл — 40 из 40 — набрали столько абитуриентов, что принять их всех на выделенные нам бюджетные места мы просто не могли. И нам пришлось просить правительство разрешить увеличить приём студентов на бесплатной основе. Я была очень рада, что нам пошли навстречу и мы приняли всех, получивших не менее 38 баллов. Те же, кто получил на один-два балла ниже проходного, стали студентами Финансовой академии на платной основе.

Крот истории: *«Вы старались предугадать, кто к Вам в академию придёт учиться, чтобы среди абитуриентов было больше ребят и девчат, осознанно подававших документы именно к вам?»*

Что значит «предугадать»? Будущих своих студентов мы «подбирали» заранее. Большое внимание уделялось созданию системы непрерывного образования. Она, в частности, включала большой блок довузовской подготовки, причём здесь предусматривалась подготовка и на бесплатной, и на коммерческой основе.

На базе средней школы № 284, находящейся у Рижского вокзала, с нашим участием была организована и эффективно стала работать Экономическая гимназия. В её десятый-одиннадцатый классы проводился конкурсный набор ребят и девочек со всей Москвы и Подмосковья. Здесь они проходили расширенный курс по всем четырём предметам, которые им потом предстояло у нас сдавать. Кроме того, преподаватели академии читали цикл лекций по экономике в целом и по отдельным дисциплинам. Ребята учились бесплатно, получали и аттестат зрелости, и дополнительную подготовку для поступления в вуз.

Живущие далеко от гимназии могли пойти в Высший финансово-экономический колледж. Он был создан в 1996 году. Здесь ребята занимались также в течение двух лет два раза в неделю с 17 до 20 часов. Если времени на подготовку оказывалось недостаточно, здесь же организовывались дополнительные занятия — индивидуально или в небольших группах.

Кроме того, в 11 московских школах и гимназиях мы создали бесплатные классы экономической подготовки, для тех, кто нацеливался на поступление в Финансовую академию и читают общеэкономический курс.

Наконец, на базе академии действовали также трёх-, шести- или девятимесячные подготовительные курсы. Для тех школьников, которые жили в других городах, мы организовали заочные подготовительные курсы, на которых обучение шло по переписке на платной основе, а позднее — по компьютерной системе.

Подготовиться к экзаменам можно было также и на факультете довузовской специализированной подготовки Московского финансово-экономического института (МФЭИ). Его программа предусматривала не только подготовку учащихся по общеобразовательным предметам, но и включала изучение таких специальных дисциплин, как банковское дело, бухгалтерский учёт и аудит, налоги и налогообложение и др. Факультет готовил учащихся к поступлению в экономические вузы, но, прежде всего, — в Финансовую академию и МФЭИ. В течение года в академии специально для оказания помощи школьникам в правильном выборе будущей профессии проводились тематические консультации, пробные тестирования и олимпиады, встречи с преподавателями и студентами. Таким образом, будущие абитуриенты могли испытать свои силы и определить степень подготовленности

к выполнению заданий, аналогичных тем, которые им встретятся на вступительных экзаменах.

Очень полезной для подготовки будущих студентов мы считали процедуру предварительного (пробного) тестирования. Оно проводилось в течение примерно трёх месяцев. В это время ребята могли прийти в академию и попробовать свои силы, проверить знания. Задания давались абсолютно такое же по трудности, как на настоящих экзаменах. Отличие было одно — все ребята, не зная того, решали один и тот же вариант: в то время как на экзаменах разных заданий столько, сколько абитуриентов или даже больше. По окончании тестирования преподаватель объяснял, как правильно решать предложенные примеры и каковы критерии оценок применяются на экзаменах.

Пробное тестирование решало две задачи: во-первых, позволяло абитуриентам заранее узнать уровень требований, предъявляемых при поступлении, адаптироваться к обстановке, а во-вторых, давало возможность каждому попробовать свои силы, понять, на какую оценку он может здесь рассчитывать, и обнаружить «белые пятна» в своих знаниях.

Крот истории: *«В советское время выпускники распределялись на различные объекты народного хозяйства страны и три года с ними старшие товарищи возились, пока не делали из настоящих них специалистов. Даже уволить не могли совсем уж „бракованных“. Как у Вас решался вопрос с профориентацией? Впрочем, это слово, по-моему, уже вышло из обихода».*

Наши студенты, ещё не окончив учёбу, уже начинают работать. Искать же себе работу они начинают с третьего курса, если не раньше. Как-то ко мне обратились руководители одной финансовой структуры из системы Министерства финансов: «Алла Георгиевна, будьте добры, мы бы с удовольствием взяли шесть ваших выпускников на контрактной основе, на три года. Я пообещала, что посмотрю, но твёрдо сказать, что подберу их, не могла, поскольку была уверена, что основная масса студентов уже где-то работает. И к слову сказать, в основном не в бюджетных учреждениях. У ребят сейчас высокие запросы, и они ищут высокие зарплаты. Это реальность, студенты уверены в своих высококачественных знаниях, полученных в стенах нашей академии.

После четвёртого, а иногда и после третьего курса, как я уже рассказывала, мы направляли студентов на зарубежную стажировку

в вузы Англии, Франции, Германии, США. И они совершенно спокойно вписывались в ту студенческую когорту. У нас не было ни одного замечания ни по языковой подготовке, ни по профессиональной. А по целому ряду вузов мы вышли на двойные дипломы.

За всю историю академии не было случая, чтобы ребят с нашими дипломами за рубежом просили пересдать что-то и подтвердить диплом. И вообще, академия была везде, где стажировались наши студенты, на хорошем счёту.

Пришлось мне однажды впервые лет за десять отдохнуть. Поехали всей семьёй в Карловы Вары. Там я встретила своих студентов, и они однажды прибежали ко мне счастливые: «Ой, Алла Георгиевна! Мы не хотели вас тревожить, отвлекать от отдыха, но не можем удержаться: вот газета, вот журнал смотрите, проведён рейтинг высших учебных заведений, которые дают экономические знания в России. Опрос сделан зарубежными экспертами. Выделены три вуза: МГУ экономический факультет, Финансовая академия и МГИМО». Потом журнал «Карьера» из тысячи вузов назвал сто ведущих. Среди них была проведена экспертная оценка. Мы попали в первую тройку.

Крот истории: *«А были ли у отношения Академии с предприятиями и учреждениями, банками, страховыми компаниями? Готовили ли вы специалистов „по целевому заказу“?»*

Да, у Академии всегда были договоры о целевой подготовке кадров для госструктур: Министерства финансов и Казначейства, Министерства по налогам и сборам, с Центральным банком. Но мы работали и в тесном контакте со многими коммерческими банками и страховыми компаниями, финансово-промышленными группами. Старались оказать им помощь не только в подготовке специалистов, но и обеспечить переподготовку и повышение квалификации работающих сотрудников.

К нам часто обращались за получением второго высшего образования. Только в Институте переподготовки и повышения квалификации кадров по финансово-банковским специальностям занималось в 2000-е годы 3,5 тыс. слушателей.

Спрос почти не уменьшился даже после кризиса 1998 года. Он вообще не очень сильно сказался на ведущих вузах. Конкурс продолжал оставаться высоким.

Крот истории: *«В вашем вузе учатся уже внуки бывших выпускников Вашего института. Взять хотя бы внуков Виктора Влади-*

мировича Геращенко. Детей же не сосчитать. Вы как к этому относитесь?»

Очень положительно. Действительно, у выпускника нашего вуза Валерия Сумарокова, ставшего директором Института XXI века, а затем проректором, в Академии учились двое сыновей. У выпускника Юры Ямщикова — начальника финансового управления МВД и его жены — Ларисы Тишиной, тоже выпускницы нашего вуза, сын окончил Академию, а потом и внук поступил. У Миши Эскиндарова двое мальчиков окончили Академию, сын Андрея Козлова, дочь Юры Агапова...

Перечислять действительно можно долго. Я считаю, что раньше грубейшей ошибкой было допускать династии только у сталеваров, металлургов и т. д. На самом деле, во всех профессиях полезно иметь преемственность.

Если ты изначально воспитываешься в среде, которая уважительно относится к этой профессии, то потихонечку усваиваешь энциклопедические знания в этой области. У тебя уже есть в готовом виде литература. Ты варишься в терминологии, и это облегчает освоение профессии. Во врачебной практике, например, человек знает, что его в любую минуту могут разбудить, и он придет на помощь — это ведь передается с молоком матери.

Крот истории: *«Судя по беседам с Вашими студентами, создаётся впечатление, что Вы помните всех своих выпускников, дружите со многими из них, Вам интересна их судьба, переживаете вместе с ними за их отдельные неудачи, стараетесь прийти на помощь, радуетесь и гордитесь их профессиональными достижениями, карьерным, их удачам в личной жизни. Приятно, наверное, когда они приглашают Вас на свадьбу, дарят фото своих первенцев. Несколько фото Вы мне лично показали. Я смотрел на эти фото и радовался за ту теплоту отношений, которая сложилась у Вас со студентами. С удивлением узнал, например, что Ваши бывшие ученики часто приглашают Вас на свадьбы и свои юбилейные даты. Вы даже были тамадой на свадьбе Вашего студента и аспиранта М. А. Эскиндарова, которого потом продвигали по карьерной лестнице в Академии».*

Да, это все правда. Я искренне радовалась его выбору спутницы жизни. Ирина стала ему верной, мудрой женой и потрясающей матерью двух сыновей, а теперь они уже растят внуков. Именно его я предложила на должность ректора, когда сделала для себя вывод

о целесообразности своего перехода на должность Президента, в связи с тем, что мне удалось через Госдуму провести решение о введении в ведущих вузах штатной должности Президента для ректоров, которые длительное время (более 10 лет) проработали ректорами вузов с сохранением материального, медицинского и транспортного обеспечения.

Крот истории: *«В заключение мне хотелось бы узнать — какой самый главный опыт студенты выносили из ФА? Или, во всяком случае, какой бы Вам хотелось, чтобы они выносили?»*

Конечно, демократичный характер взаимоотношений со студентами всегда был в Академии непреложным законом: преподаватели и студенты — это одна семья. Даже на первой встрече со студентами, которая проходила очень торжественно и именовалась «Посвящение в студенты», я во вступительном слове сразу объявляла: *«Дорогие друзья! Поздравляю вас, вы стали студентами одного из лучших вузов нашей страны. Теперь — вы наши коллеги, будем вместе учиться»*. Понимание того, что цивилизованный человек должен изучить всё лучшее и не только в своей узкой профессиональной области, нужно как можно больше читать, смотреть, интересоваться, к примеру, живописью, различными видами искусства, иметь широкий диапазон знаний. Можно иметь разное отношение, разные позиции, что-то принимать, а что-то не принимать, но это уже другой разговор. Исходя из этого, мы проводили огромную работу не только по повышению профессионального уровня подготовки, но и по интеллектуальному воспитанию. Воспитание и образование взаимосвязаны и, на мой взгляд, неотделимы.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В МОСКОВСКИЙ ФИНАНСОВЫЙ ИНСТИТУТ

Крот истории: «Большое счастье быть свидетелем значительных — планетарных масштабов — событий. Может быть, стоило продолжить карьеру в политическом направлении. Всё у Вас там получалось, были бы к 1980-м годам большой партийной шишкой!»

Да нет, я рано поняла, что наука и педагогика — это то, без чего я не могу жить! Как бы это громко ни звучало. Для меня годы после возвращения в мой Московский финансовый институт и в профессиональном, и в личном плане были, пожалуй, самыми яркими и значительными.

Итак, успешно сдав все экзамены кандидатского минимума, я поступила в аспирантуру. Моим научным руководителем по кандидатской диссертации стала незабвенная, любимая Мариа́м Семеновна Атлас.

Первой моей работой стала «Цена рабочего времени». Я сравнивала, как оно используется у нас и как в США. Изучала западную систему оптимизации движений работающих. С человеческой точки зрения она — жестокая. Но интересная с точки зрения исследователя. Закончила я подготовленную по работе статью следующим высказыванием английского писателя Сэмюэла Ричардсона: «Берегите время — это ткань, из которой соткана жизнь!»

Это было время борьбы за коммунистический труд, энтузиазма.

Исследование расширялось и постепенно превратилось в диссертацию на тему «Проблемы производительности труда».

Народ мудр — не случайно говорят, что жизнь полосата, как зебра, проходит то светлая, то темная полоса. Все пословицы и поговорки основаны на жизненных наблюдениях. Моя жизнь вместила всё.

Перед тем, как коснуться основного моего занятия — подготовки диссертации — скажу, что жизнь в это время была весьма насыщена и общественной работой.

В 1961 году мы, студенты и аспиранты, встречали на Ленинском проспекте первого в мире космонавта Юрия Гагарина, кортеж с которым направлялся в Кремль. Помню, как вертолет, пролетавший над проспектом, разбрасывал листовки с портретом нашего героя.

Крот истории: *«Вспоминает уже упоминавшийся Станислав Александрович Логвинов»:*

Логвинов С. А.: *«Весело и интересно проходили в аудитории № 62, в спортзале студенческие вечера. Здесь были и КВНы, и танцы, стихи и песни собственного сочинения. По рукам ходил рукописный альманах романтических стихов Виктора Константинова с параллельного потока.*

В институте было тесновато, учиться приходилось в три смены. Это, может быть, неудобно, но нас особенно не смущало. Тогда руководство вуза твердо верило, что к концу нашей учебы выстроят новый корпус, но появился он гораздо позднее».

Крот истории: *«Вспоминает Владимир Георгиевич Пансков»:*

Пансков В. Г.: *«Тогда же начала развиваться студенческая художественная самодеятельность. В 1965 г. к празднику 8 Марта в институте загорелся наш первый „Голубой огонёк“. Вспоминается, сколько энтузиазма было у его организаторов! Мы ездили в другие вузы столицы, интересовались их жизнью, брали всё хорошее из их опыта, учились на их ошибках. Активное участие в организации первого в жизни МФИ „Огонька“ принимали студенты Люся Сысоева, Иосиф Фридман, Слава Крылов, Толя Шведов и некоторые другие. Первый блин не оказался комом — „Огонёк“ прошёл весело, жизнерадостно. Никаких артистов не приглашали, весь вечер прошёл только с участием студентов, мы сами сочиняли песни (на известные мелодии), сами пели, сами пародировали. Был написан и гимн „Огонька“. По прошествии 38 лет трудно вспомнить весь текст песни-гимна, но одно четверостишие помню и сегодня:*

*„Не печалься, не гляди сердито,
Ты ведь тоже что-то сделать мог,
Чтоб зелёной скукой не убитый,
Не погас наш Первый „Огонёк“.*

Вспоминаю, что были написаны „наши“ слова на мотив известной песни о г. Иванове („...городок наш ничего, население таково, незамуж-

ние ткачихи составляют большинство...“). Песню мы посвятили нашему студенческому городку АСГ („Алексеевский студгородок“).

Крот истории: «Вспоминая студенческую жизнь 1970-х годов, Галина Сергеевна Панова отмечает в первую очередь движение студенческих строительных отрядов (ССО)».

Панова Г. С.: «Будучи комиссаром ССО, я хорошо понимала, что самое важное в любом коллективе — это добрые, душевные отношения между людьми. Именно к этому мы и стремились вдали от дома и привычных комфортных условий. Не все выдерживали проверку на прочность, но все без исключения выпускники МФИ — бывшие бойцы ССО вспоминают сегодня эти годы с нежностью и теплотой. И где бы теперь ни приходилось встречаться со студентами тех лет, первые и самые яркие воспоминания — о студенческих отрядах. О том, например, как студенты КЭФ в стройотряде подо Ржевом пытались перевоспитать трудных подростков, принятых ими в отряд. О том, как на целине пришлось разбить отряд МФИ на три самостоятельных отряда. И в отряде, оставшемся без повара и провизии, срочно решали проблему питания. Выход был найден: продукты закуплены, а поваром отряда в 20 человек выбрали меня. Думаю, что только женщины способны понять, как тяжело мне пришлось, не имея опыта и навыка, кормить 20 вечно голодных студентов-бойцов ССО, целыми днями работавших на свежем воздухе (нагуливавших аппетит). Но недовольных и нытиков не было. Все были сыты и здоровы...

А вечерами приходила долгожданная прохлада, и бойцы, отдохнув час-другой от тяжелой физической работы, собирались в наш импровизированный „литературно-вокальный салон“, где читали стихи, пели песни под гитару, спорили нередко до рассвета. А наутро — новый рабочий день и наш ударный труд стране...

Сегодня нередко говорят, что студенты записывались в ССО, чтобы летом заработать денег и в течение года как-то облегчить трудную в материальном отношении студенческую жизнь. Да, это — факт, но не единственный побудительный мотив для студента 1970-х. Имея достаточно большой опыт работы в ССО, считаю возможным утверждать, что многие отказывались от долгожданного летнего отдыха и решались на работу в ССО ради неформального общения, чтобы лучше узнать жизнь. Именно это было важно, а не то, что, вернувшись из Казахстана, я привезла честно заработанные 300 рублей, которые на семейном совете было решено потратить на приобретение мне двух новых платьев...»

Крот истории: «А вот как вспоминает студенческую и аспирантскую жизнь 1970-х годов Владимир Никитович Шенаев, ставший главным экономистом информационно-аналитического управления Внешторгбанка».

Шенаев В. Н.: «Наиболее яркие воспоминания связаны со студенческими годами. Я, как и подавляющее большинство тогдашней активной молодежи, был вовлечен в комсомольскую деятельность. Не обходилось и без курьёзов. Однажды на заседании Дзержинского РК ВЛКСМ (я тогда был секретарём комитета комсомола МФИ) мне было сделано замечание о том, что накануне 50-летнего юбилея Великой Октябрьской революции упали темпы прироста членов ВЛКСМ. У нас в МФИ тогда было уже более 90 % комсомольцев (одна из крупнейших в районе организаций). Поэтому я сказал, что комсомольцев и так немало, и не лучше ли обратить внимание на то, все ли из них соответствуют званию передовой советской молодежи. За что схлопотал немедленное взыскание: постановку на вид.

...Но подобные эпизоды не омрачают в целом радужные воспоминания тех лет. Из часов досуга помнится, например, комсомольская свадьба Володи и Раи Панковых на первом этаже старой пятиэтажки, где раньше была столовая. Да и со своей супругой Ниной Смирновой я познакомился не на лекции, а в редколлегии институтской стенгазеты „Советский студент“.

...После освоения целины молодежь была увлечена участием в движении студенческих строительных отрядов (ССО). От этого была тройная выгода: стране оставались стройки или убранный урожай; студент получал навыки той или иной рабочей специальности, зарабатывая при этом кое-какие деньги; росло поколение строителей и организаторов, почиталась дружба.

Я четыре раза выезжал в составе ССО МФИ в должности комиссара. Один из ССО МФИ принимал участие в массовых съёмках художественного кинофильма „Молодые“. В финале картины имеются кадры проводов студентов, отъезжающих на различные стройки страны. Правда, когда в очередной раз я смотрю этот фильм, то лишь с большим напряжением угадываю себя стоящим на грузовике-трибуне для митинга. Но рука, которая передает микрофон коменданту студенческого общежития (артистка Нонна Мордюкова), — это моя рука. По крайней мере так было на съёмках на Комсомольской площади.

Остальные могут попытаться найти себя, ориентируясь на ясно видимую эмблему МФИ.

Слава о кинематографических способностях студентов МФИ быстро распространилась. Известный кинорежиссёр Татьяна Лиознова в одной из проб сняла наших студентов во главе с Васей Лаховым (ФМЭО), которые пели песни под гитару в купе поезда, где должна была ехать главная героиня кинокартины „Три тополя на Плющихе“ (артистка Татьяна Доронина). Эти кадры не попали в кинокартину, но три тополя и сейчас растут напротив Внешторгбанка, а находчивый бизнесмен открыл рядом с ними кафе с одноимённым с фильмом названием. От той поры осталась в памяти песня, сочиненная Толей Жемчужниковым и мной в подмосковном ССО МФИ и получившая признание студентов московских вузов. Мы её распевали в перерывах между съёмками кинофильма „Молодые“.

*Асфальт под ногами на улице чист.
В строительной форме идет финансист.
Финансы, кредит, бухучёт изучал,
А лето настало — студент заскучал.*

Припев:

*Нам много поют про тайгу и Тайшет,
Как будто здесь рядом романтики нет.
С утра я берусь за лопату и лом,
Ведь тоже романтика — выстроить дом.
С надеждой, как прежде, кладу в чемодан
Путевку горкома и старый роман.
Хоть ты в Красноярске, а я под Москвой,
Но небо одно над тобой, надо мной.*

Припев.

*И стонет земля от лопаты моей.
Рука от бетона свинца тяжелей.
Согнулась спина в вопросительный знак,
Как будто на ней трехпудовый рюкзак.*

Припев.

Другому ССО МФИ была посвящена специальная передача на республиканском телевидении Тувы. Отряд (командир Толя Носко, комиссар Слава Шенаев, комсорг Люда Князькова, бригадир горной бригады Костя Шор и др.) строил оросительный канал в тувинской степи в десятке километров от ближайшего населенного пункта с. Мажалык. И построил с нулевого цикла под ключ! От МГК ВЛКСМ деятельность ССО в этом

регионе курировал будущий проректор Финансовой академии В. Ю. Фадеев. А центральный штаб всего Красноярского ССО располагался, естественно, в Красноярске».

А начиналось всё, казалось бы, прекрасно. Наш ректор Владимир Васильевич Щербаков предложил мне, заканчивающей работу над докторской диссертацией, поехать на 10-месячную загранстажировку в Америку. Я была ему очень благодарна, но стала отказываться, так как в это время сын должен был пойти в первый класс, что само по себе очень ответственно, да ещё мы с мужем решили подарить ему сестренку или братишку. Но родители меня уговорили всё-таки дать согласие на загранстажировку, тем более что она совпадала с темой моего научного исследования, обещали на год взять на себя всю заботу о дорогом первоклашке... Но... 4 сентября после экстренно сделанной операции мы потеряли папу. Для мамы это был страшнейший неожиданный удар. Она вновь тяжело заболела — тяжелейшая форма астмы на нервной почве и сердечные недуги. Ведь они так трогательно любили друг друга, никогда не ссорились, всегда старались быть вместе — даже в отпуск друг без друга не ездили. Через два года скоростижно скончался брат, а затем смерть пришла и за мамой. Не смогла наша дочерняя и сыновья забота заменить ей папу. Так мы осиротели, такой оказалась чёрная полоса.

Чтобы не впасть в депрессию, я ушла с головой в работу! Народная мудрость говорит: «Ученье в счастье украшает, а в несчастье — утешает». Я активизировала работу над докторской диссертацией, изменив её тему, и 29 декабря 1975 года успешно её защитила, вскоре мне было присуждено звание «профессор».

Крот истории: *«Тем не менее, Вы с некоторого времени всё больше начинаете заниматься административной работой. Это был Ваш выбор или так складывались обстоятельства?»*

В 1976 году тогдашний ректор Владимир Васильевич Щербаков попросил меня стать проректором по научной работе и международным связям. Приступив к работе на этой должности, я выяснила, что преподавателям нашего вуза ежегодно выделяли несколько мест на зарубежные стажировки, однако за десять лет за границу на относительно длительную — годовую — стажировку съездил только один человек. Проблема была в том, что большинство преподавателей не владели свободно разговорным иностранным языком — люди

в лучшем случае могли читать со словарем. В результате они не могут даже знакомиться с западной научной литературой. И читают лекции исключительно теоретически, без знания практики иностранных кредитно-финансовых систем.

А я же считала, что если мы хотим серьёзно преподавать финансы, то должны знать мировой опыт на основе первоисточников и изучения реальной практики — это было, если хотите, моим кредо как проректора по науке. Владимир Васильевич полностью поддержал меня.

Я договорилась с руководителями Министерства высшего и среднего специального образования, чтобы нам позволили в течение двух лет обучать преподавателей иностранному языку в нашем институте повышения квалификации. Это стоило мне немалых трудов — тогда считалось, что повышением квалификации является только дополнительное обучение по своей специальности.

Крот истории: *«С чего Вы начинали преобразования в тех направлениях, что Вам поручили вести?»*

В первую очередь я выбрала преподавателей моложе 45 лет и попросила их восстановить свои знания иностранного языка. Чтобы можно было их направлять за рубеж без переводчиков. Необходимость таких стажировок не оспаривалась, однако без языковой базы они не могли принести пользы. Буквально через два года наши специалисты стали выезжать за границу, устанавливать личные деловые контакты с зарубежными коллегами. Вернувшись, они уже со знанием дела читали лекции студентам о тех же биржах, о которых прежде имели лишь теоретическое представление. Ведь язык для финансистов — это тоже профессиональная грамотность.

Через два года, к 1978 году, появилась довольно большая когорта преподавателей, которые были готовы к стажировкам за рубежом.

После этого мы стали использовать любую возможность для того, чтобы поехать на стажировку за рубеж и ознакомиться с реальным функционированием финансово-кредитного механизма в условиях рыночной экономики. И сначала по три—пять преподавателей в год, а потом и по десять мы начали отправлять учиться за границу — проходить там очень серьёзную стажировку. Вот отсюда и знание финансов в рыночных условиях.

К середине 1980-х годов у нас были уже договора на проведение стажировок со многими ведущими вузами Европы и Америки.

Крот истории: *«Всё это время Вы ведь не оставляли свою любимую общественную работу. Или я ошибаюсь, и все нагрузки были вынужденными и навязанными?»*

Нет, конечно, я понимала, что это моё, что таким образом можно сделать многое, чего не сделаешь на основной должности. Но порой мне приходилось браться и не за своё (как казалось порой) дело. Так, в начале 1970-х годов Владимир Васильевич Щербаков уговорил меня временно возглавить профсоюзную организацию института. Там было всё вверх тормашками. Я эту организацию терпеть не могла и не уважала, как я её могла возглавить! Вся связь моя с профсоюзами ограничивается уплатой взносов.

Но делать нечего, пришла в кабинет профкома, подошла к шкафу с учётными карточками, открыла его и на меня посыпались документы, профсоюзные марки (их, кто не помнит, наклеивали в профсоюзный билет при оплате взносов). Ужас! Я сотрудникам велела немедленно всё вымыть и всё очистить. Чтобы был полный порядок!

И работа пошла. В первую очередь я поглубже погрузилась в устав профсоюзов. И поняла, насколько это хорошая организация. С замечательными возможностями. Первым делом я заявила ректору, что теперь без меня он не сможет никого увольнять.

Потом мы приобрели инструменты для собственного оркестра...

Затем решили, что как-то надо заявить о рождении новой профсоюзной организации.

На первое собрание я пригласила ректора. Его реакция была естественной: «Ты, что издеваешься надо мной?!» Я спокойно ответила: «Нет, Вы же меня заставили разобраться с делами, теперь посмотрите, что делается!» — «Да кто придёт на это собрание?! Напиши сразу протокол, я подпишу, если надо!» — Владимир Васильевич задал вопрос, кажущийся ему риторическим.

Я убеждала, что люди будут. «Я тебя серьёзным человеком считаю, а ты мне сказки рассказываешь!» — закончил разговор Щербаков, но всё-таки обещал посетить собрание.

Действительно, такие мероприятия обычно преподаватели и студенты не посещали. Но я применила «военную» хитрость — написала стихи про институт и некоторые его кафедры и распределила их среди детей наших сотрудников.

«Артистов» оказалось человек 15. Они должны были открыть профсоюзное собрание. Естественно, на него пришли их родители,

за ними потянулись на рекламу, сделанную заинтересованными членами профсоюзов, коллеги. В дополнение я обещала концерт художественной самодеятельности и демонстрацию нового фильма.

В результате в назначенный час 50-я аудитория на 500 человек была полной.

Дети выступили замечательно, мы им вручили «гонорар» — по коробке конфет.

Удивление ректора было не показным, столько сотрудников он не видел даже на партсобрании.

Ближе к Новому году он признался мне, что такое профсоюзное собрание было первым в его жизни! И добавил: «Я готов оплатить все твои новогодние мероприятия!» Я на это ответила: «Владимир Васильевич, а ничего не надо! Зал мы уже арендовали, концерт оплатили тоже». Тут уже ректор не в шутку заинтересовал: «Постой, а откуда ты берёшь деньги?» — «Как откуда, — призналась я. — Из членских взносов. У нас единый профсоюз студентов и преподавателей». «Ничего не понимаю, — ещё сильнее удивился Щербаков. — Я столько лет ректор и всё время всё оплачивал!» Копаться в прошлом мы не стали — это не мой принцип. Я провела инвентаризацию и готова была отвечать за свою работу.

Крот истории: *«Вспоминает Анна Игнатьевна Салина, о которой мы уже говорили».*

Салина А. И.: *«Жизнь сложилась так, что мне пришлось подрабатывать во время учебы, и пару лет я работала бухгалтером в профкоме МФИ. Там судьба свела меня с будущим ректором, а в то время председателем профкома Аллой Георгиевной Грязновой. Работа в профкоме с её приходом стала живой и эмоциональной. Особенно это заметно в том, что студенческие вечера стали не экзотикой, а регулярной практикой, студенты стали выезжать на экскурсии, привлекаться к решению вопросов, связанных с внутренней жизнью института, каждый мог надеяться и получить финансовую поддержку при определенных обстоятельствах».*

Вместо обещанных двух лет «ссылки» в профком я проработала там три года. Зато потом профсоюзная организация института была образцовой. Даже когда разваливалась партия, профсоюз был на высоте. После меня её возглавлял Володя Бард, потом 8 лет — Галина Кулинина. Ну а после них председателем профсоюзной организации стала Елена Чернецова.

А мне предстояло заканчивать докторскую диссертацию.

Крот истории: *«Неожиданный вопрос: Вы — строгий учитель? Бывали у Вас, например, конфликты со студентками, которые слишком вольно одеты?»*

Когда я начала осваивать на практике свои педагогические способности, не скажу, что было легко. Порой надо было реагировать на самые неожиданные вызовы, серьёзные и нет. Одежда студента никогда не была для меня раздражающим фактором. Да и не видела я у нас слишком вольно одетых. Был момент в семидесятых годах, когда появилась мода на брюки, и ректор наш взвился: «Что это за девочки, которые ходят в брюках?» Мне пришлось уговаривать его, что это очень красиво, что бывают брючные костюмы женские, также, как и мужские... Он распорядился: *«На вахте — не пропускать в брюках!»* Девчонки приходили в юбках и переодевались в туалете. Я достаточно демократична во взглядах на одежду. Каждый должен одеваться так, как он считает нужным и целесообразным. Моя задача, чтобы ребята понимали, что возможно и прилично, и где грань, за которой уже некрасиво и неприлично.

Крот истории: *«Интересно рассказывает об этом периоде работы Аллы Георгиевны Ирина Николаевна Шешеро, ставшая генеральным директором Агентства „ТЕНФОР“»:*

Шешеро И. Н.: *«С первых же дней мы, молодые студенты, были окружены заботой и вниманием опытных педагогов Финансовой академии. Иногда нам казалось, что к нам излишне требовательны, даже придирчивы. Но только потом, по прошествии многих лет, стало понятно, что только благодаря этим неусыпным стараниям педагогов и может сформироваться то, что потом именуется словом „специалист“.*

Многие из нас тогда искали ответы на вопросы, которые выходили за рамки учебников. Дискуссии, начавшись на семинарах, нередко продолжались после занятий, а на студенческих научных кружках разгорались жаркие споры.

Многие работали сразу в нескольких научных кружках, объединявших студентов разных курсов. Научные кружки института объединялись в Научное студенческое общество. Вдохновителем и душой общества была проректор по научной работе и международным связям Алла Георгиевна Грязнова.

Мы все безумно её уважали и немного побаивались. Тогда казалось очень естественным, что мы могли свободно задавать любые вопросы

нашим педагогам, обсуждать любые научные темы, даже те, которые в официальной литературе ещё были не приняты, смело высказывать свои собственные мысли. Только теперь я понимаю, что это всё было возможно благодаря той доброжелательной обстановке, которая царила в институте. И именно это позволило нам воспитать в себе те важные деловые качества, которые так пригодились в жизни.

Научное студенческое общество нашего института постоянно организовывало различные конференции и семинары. Особенно мы любили проводить совместные заседания со студентами других вузов. Это учило нас видеть проблему с разных сторон, отстаивать свою точку зрения, уметь выслушать и понять оппонента, а главное, вся эта научная студенческая работа позволила нам колоссально расширить свои контакты, найти своих единомышленников, новых друзей, которые в будущем стали нашими партнерами по бизнесу.

Когда после окончания института я была рекомендована в аспирантуру, моим научным руководителем стала Алла Георгиевна Грязнова. Я никогда не забуду тот день, когда я об этом узнала. Это был самый светлый и трогательный день в моей жизни, с которым может сравниться, пожалуй, лишь день свадьбы и день рождения ребёнка».

РАСШИРЕНИЕ МАСШТАБОВ

Крот истории: *«Уже понятно, что Вы не любите останавливаться на достигнутом. Финансовый институт в конце 1980-х годов уже приобрёл авторитет, было понятно, что его выпускников ждет перспективное будущее, они становились всё более востребованными. Но это не соответствовало материально-технической базе МФИ, которая фактически не изменилась со дня его создания. Надо было что-то делать?»*

Расширением масштабов нашего института я озаботилась давно.

Это обычное дело для любого ректора. На моих глазах, когда я была ещё проректором МФИ, ректор Московского инженерно-экономического института (преобразованного в 1975 году в Московский институт управления (МИУ) **О. В. Козлова** выбила через московское правительство, горком партии большой участок земли на юго-востоке Москвы. И создала большой, действительно хороший учебный комплекс. Но вместе с тем было обидно, что **Олимпиада Васильевна** — большой учёный, доктор экономических наук, профессор, основатель управленческого образования в России — сама, бедненькая, лазила по строительным лесам, гоняла прорабов, проверяла сметы.

У нас таких возможностей не было, но в начале 1980-х годов мы могли взять на реконструкцию стоящую рядом с нами ветхую школу. При тогдашних темпах запланированный в школе ремонт должен был занять не менее трёх лет. На это время всех ребят и девочек, учившихся там, перераспределяли в соседние школы, которых в округе было достаточно.

Я предложила нашему ректору **В. В. Щербакову** побороться за освобождающееся здание. Чтобы либо перепрофилировать и от-

крыть здесь школу с экономическим уклоном, или за счёт неё расширить свои учебные площади.

Владимир Васильевич в это время лежал в больнице, но мою идею одобрил. Эти вопросы в исполкоме Моссовета вёл заместитель председателя Анатолий Костенко, когда-то мы с ним работали секретарями Дзержинского РК ВЛКСМ и у нас были прекрасные отношения. Я обо всём с ним договорилась и приехала в больницу к Щербакову, чтобы обговорить тактику дальнейших действий. Всё, что требовалось моему руководителю, так это подъехать к другому заместителю председателя исполкома Ворониной (с которой также была предварительная договорённость о поддержке).

Но, видимо, Владимиру Васильевичу в то время уже было тяжело вникать в серьёзные дела, и он неожиданно встал в позу: «Никуда я не поеду, пусть она ко мне приезжает, так как моложе меня!» Здание нужно было нам, и я стала уговаривать ректора умерить гордыню. Мне было обидно, ведь вся предварительная нелёгкая челночная, переговорная работа шла насмарку!

Переубедить Владимира Васильевича тогда так и не удалось! Вскоре школе дали имя Твардовского, после чего разговоры о её перепрофилировании было вести бесполезно.

Крот истории: *«Судя по всему, это не могло Вас остановить?!»*

Конечно! Следующий раз я попыталась договориться с дирекцией ВДНХ. Добрые отношения с руководством выставки позволяли претендовать на некоторые свободные площади на её территории. На первом этапе мы добились положительных решений, но и этот план в конце концов сорвался.

Тогда мне посоветовали постараться решить наш насущный вопрос с Бабушкинским исполкомом. Нас заинтересовала площадка рядом с МИСИ, расположенная по адресу: Ярославское шоссе, 26. В результате добились, что за нами закрепили большой участок под строительство.

Вроде, как главная проблема решалась, но при этом создавалась новая. Все кафедры в нашем институте были сквозными, преподаватели читали разные курсы и не могли успевать перемещаться по Москве на большие расстояния, в случае если институт будет разбросан по городу.

На выручку вновь пришёл Анатолий Иванович Костенко. Он пообещал выделить нам подходящее здание невдалеке от института —

за Рижским мостом, на улице Трифионовской. Туда мы собирались перевести общежитие и учебные корпуса МИСИ, расположенные рядом с нами, чтобы после этих операций занять освобождённые ими площади.

В дополнении к этому мы рассчитывали расселить жильцов соседнего с нами жилого дома на улице Кибальчича, дом. 1, после чего надстроить его, сделав из пятиэтажного семиэтажным. Претендовал институт и на соседнее здание телефонной станции. Если бы эти планы реализовались, мы получили бы целый студенческий городок.

За переговоры с жильцами отвечала Татьяна Семенкова. Она обошла все квартиры, убеждая москвичей переехать на Ботаническую улицу. Всем предлагали условия лучше, чем они имели на тот момент.

Подписи всех жителей были собраны, кроме одной. Но этого оказалось достаточно, чтобы весь отработанный план полетел. К тому же был пущен слух, что всю комбинацию я затеяла только для того, чтобы обеспечить жильём своих сотрудников.

Довершила разрушение нашей мечты экспертиза, показавшая, что для переноса телефонной станции придётся провести колоссальную работу по демонтажу её подземных коммуникаций.

Неудачи не сломили моего упорства. Были и другие попытки решить наши проблемы с учебными площадями.

Крот истории: *«Когда же удалось изменить положение? Что должно было произойти, чтобы Ваша энергия получила реальное воплощение?»*

В начале 1991 года я встретила с Премьер-министром СССР, нашим выпускником Валентином Сергеевичем Павловым и рассказала, что мы сумели сделать из нашего института. Он был поражён.

Особой корысти в том визите не было, я просто доложила премьеру, что, когда он даёт нам те или иные задания, мы их выполняем небольшой группой сотрудников в своё свободное время. Объёмы поручений правительства росли, и, хотя я могу и дальше просить своих коллег выполнять полученные институтом задания, они не откажут, но у меня есть совесть! Я предложила давать задания заранее и подумать о материальном поощрении наших специалистов. Мы всё-таки к рыночной экономике стремимся. К тому же, идя к Валентину Сергеевичу, я рассчитывала создать с нашей помощью некий институт, консультационный центр при правительстве.

Но Павлов смотрел дальше: «Слушай, да у тебя же целая готовая академия! Мы, изменив ваш статус, повысим вам зарплату!»

Новый официально статус мы получили Постановлением № 7 Кабинета министров СССР от 25 декабря 1991 года, став Государственной финансовой академией.

Тем временем жизнь в стране кардинально изменилась. Осенью 1991 года в Москве оказалось много свободных помещений, оставшихся от структур компартии и комсомола. Появились новые надежды на расширение, и следовало активизировать свои усилия.

Надо сказать, что я никогда не делилась со своими коллегами планами, понимая, что между задуманным и его реализацией порой — целая пропасть.

Вначале была попытка взять в аренду здание на улице Касаткина. Было оно старое и непрезентабельное, но находилось невдалеке от нашего института.

Вышли на него так: мы арендовали на проспекте Мира спортивный зал для студентов. Им хозяева совсем не занимались, и он быстро приходил в негодность. Ребят туда пускать стало опасно. Я начала искать новое помещение для физкультуры. Оно обнаружилось невдалеке — на улице Галушкина. Одновременно я вышла и на соседнее с ним здание.

Поднять его реконструкцию нам одним было сложно, и я предложила Высшей школе экономики стать партнёрами. Согласившись на первом этапе, коллеги быстро изменили планы. Пришлось выбивать деньги из правительства на ремонт помещений только для нас. Это было нелегко! Тем не менее нам удалось решить этот вопрос. Кроме денег, пришлось урегулировать отношения с полубандитской (или бандитской) командой, тренировавшейся в полученном нами зале. Менять тихое насиженное место им не хотелось. Однако поняв, что со мной договориться не удастся, да и запугать не получится, они однажды пропали из нашего внимания.

К тому же собственника этого здания привлекли к уголовной ответственности, и я поняла, что самое время дом забирать. Что мы и сделали, став после капитального ремонта владельцами нового учебного корпуса и спортивного комплекса.

В конце концов там расположился учётно-экономический факультет. Его возглавляла Зинаида Даниловна Бабаева. Она трепетно относилась к своим студентам, встречая их по утрам, спрашивая о проблемах и трудностях.

После этого в Минобре или правительстве появилась идея ликвидировать институты повышения квалификации, а все ими занимаемые помещения отдать Вышке. Я тогда сказала: «Ну, нет уж! Если не получится остановить эту глупость, надо что-то спасти».

Нам досталось здание на Кронштадском бульваре. Там ещё работали, и неплохо работали подлежащие закрытию организации. Правда, уже управлял всем этим хозяйством единственный старенький директор, у которого оставались в штате две уборщицы и гардеробщица. Выживали они сдачей площадей. Знающий меня директор взмолился: «Возьмите нас к себе!»

Ничего не даётся легко. Одним из арендаторов здания оказался коммерческий вуз с очень непорядочным ректором. Он давно не платил за аренду. Я, не привыкшая обижать людей, попыталась договориться с ним. Предложила в течение года, пока занимаюсь ремонтом в освобождённой части здания, найти новое помещение для занятий его студентов.

Более того, видя, что коллега не проявляет активности, сама договорилась с соседним техникумом, готовым сдать ему учебные классы. После этого привела его туда и познакомила с директором техникума.

Уехав в зарубежную командировку, я была твёрдо уверена, что вопрос разрешён и после возвращения в Москву 15 сентября я смогу завершить ремонт на освободившейся площади.

Но я недооценила наглость коммерсанта от образования: он отказался съезжать, заперся в кабинете и позвонил своему знакомому — заместителю прокурора района, объявив, что на него нападают и выбрасывают на улицу его вещи. В результате на двух моих сотрудников завели уголовное дело по захвату помещения этого института. К тому же этот наглец опубликовал в одном из журналов разоблачительную статью о самоуправстве руководства Финансового института.

Таким образом, первым сюрпризом, который я получила, вернувшись на родину, была повестка в прокуратуру, где меня собирались заслушать в качестве свидетеля. Бумага заканчивалась грозно, хотя и стандартно: «В случае неявки ... я буду этапирована силой» (что-то в этом роде). Тут уже я поняла с кем имею дело и решила действовать!

Я позвонила прокурору, который, как оказалось, тоже работал первый день после отпуска, и договорилась о срочной встрече. Для него эти действия подчинённых оказались неожиданностью, он пообещал

оторвать голову совершившим самоуправство. Когда я рассказала ему обстоятельства дела, прокурор запросил дело.

Я же решила разобраться с этим институтом. Оказалось, что ректор уже некоторое время, производя набор будущих студентов, рекламирует свой вуз как факультет МФИ. В Министерстве образования выяснилось, что лицензия этому вузу была дана под восемь зданий, которыми он якобы владеет. Мои военные проехали по всем указанным адресам. На месте одного из них оказался зоопарк, во втором находилась милиция, остальные также оказались несуществующими! Как же они получили лицензию?! Кто-то должен отвечать за приём таких фиктивных документов!

В результате моих действий псевдоинститут лицензии лишили.

Всё это я рассказываю, чтобы не было ощущения, что все наши приобретения стали неким подарком сверху. Ничего без борьбы нам не досталось!

Крот истории: *«Но судя по всему, и это были полумеры, которые не могли решить всех задач, поставленных Вами по преобразованию финансового образования? Они могли только частично выполнить поставленные задачи. В первую очередь Вами перед собой».*

Да, вызов времени требовал увеличения количества выпускников, которые были необходимы для создающейся новой финансовой системы страны. Руководители коммерческих банков и страховых компаний, получившие когда-то у нас образование, готовы были брать к себе на работу даже старшекурсников.

И тогда осенью 1991 года я, выписав все адреса освобождающихся помещений, пошла с этим списком к Б. Н. Ельцину. «Борис Николаевич, если вы действительно хотите проводить экономическую реформу, — сказала я ему, — то без финансистов вам не обойтись! Но для их подготовки нужна уже работа иного уровня. Мы долгие годы готовили прекрасных специалистов, но для плановой экономики. Сейчас подходы изменились, значит надо менять систему подготовки кадров». У нас банковских специалистов в год выпускалось две группы, всего 50 человек, а банков было уже почти 2 тысячи, а ещё их многочисленные филиалы.

Президент спросил меня, где я найду необходимое количество преподавателей. Я ответила, что этот вопрос решаем. Наше счастье, что наши преподаватели уже были знакомы с рыночной экономикой не понаслышке, многие из них проходили стажировку за рубежом,

читали и прослушали курсы лекций о финансах, денежном обращении и кредите в крупнейших западных странах. Моё поколение училось у людей, которые помнили царскую и нэпмановскую Россию. К тому же у нас большая аспирантура и мы сможем оперативно расширить круг преподавателей. Однако все эти планы натываются на нехватку учебных помещений!

Первым зданием в моём списке был Дом политического просвещения Московского горкома партии на Трубной площади. Его Борис Николаевич сразу категорически отклонил: «На него глаз положил Руслан Имранович Хасбулатов, а с ним я не хочу ссориться!» Вторым моим пожеланием была Академия общественных наук при ЦК КПСС на Ленинградском шоссе. Я эту организацию хорошо знала, т. к. меня приглашали сюда периодически читать лекции. И здесь меня ждала удача, Ельцин подписал мне бумагу о передаче этого здания нашей Академии с резолюцией «оформить передачу». Знающие коллеги заявили, что я должна выставить шампанское, потому что мне удивительно повезло, Борис Николаевич в таких условиях поручает «рассмотреть», «проработать вопрос» и «доложить». В моём же случае, чуть ли не в первый раз он принял прямое решение.

Однако радовались мы недолго, буквально через две-три недели Ельцин передал это здание уже Фонду Горбачёва.

«Сразу после провала путча распоряжением Президента Союза был образован Фонд социально-политических исследований, получивший в пользование здания на Ленинградском проспекте 49–55, дачный поселок Новое Нагорное в Московской области и общежитие на улице Ульбрихта в Москве. Затем Горбачёв основал Международный фонд социально-экономических и политических исследований, а 23 декабря 1991 года указом отменил своё августовское распоряжение. В тот же день Ельцин распорядился передать имущество старого фонда новому».

Кирпичников Алексей. Ельцин — Горбачёву: позвольте вам выйти вон // Коммерсантъ. 09.10.1992.

Люди, которые содействовали моему успеху, предложили сразу же «сделать из Горбачёва котлету», продемонстрировать, в каких условиях работает один из важнейших вузов страны, и на что претендует отставленный президент несуществующей страны с небольшим штатом своего якобы благотворительного фонда. Готовы они были опубликовать в центральной печати разоблачительную статью. Я сразу от этого

отказалась, сказав, что не буду сталкивать лбами двух глав и ставить пятно на репутации страны. Слишком много у России недругов, чтобы давать им дополнительный повод для злорадства.

«Однако уже к маю 1992 года, оценив социальные и политические последствия избранной модели реформы и убедившись, что его опасения, связанные с развалом Союза, оправдываются, Михаил Сергеевич прервал молчание, авторитетно заявив, что новая российская команда двинулась „не туда“. Чем дальше, тем больше своим ускоряющимся сползанием к авторитаризму, своим самодурством и хамством, проявляемым в том числе к нему самому, „царь Борис“ облегал Горбачеву освобождение от связи — скорее ностальгической, чем политической — с лагерем „демократов“ и от чувства „должника“ в отношении российского президента, спасшего его в августе 91-го политически, а может быть, и физически».

Андрей Грачёв. «Горбачёв. Человек, который хотел, как лучше...»

Крот истории: *«Первые признаки недовольства Ельцина Горбачёвым были продемонстрированы 5 июня 1992 года. Горбачёву вместо закреплённого за ним коллективным решением руководителей стран СНГ в конце 1991 года ЗИЛа подали... „Волгу“. Также у Михаила Сергеевича сократили охрану, убрали с дачи садовника.*

Это „наказание“ последовало после заявления пресс-службы Президента РФ о том, что в последнее время со стороны бывшего Президента СССР М. С. Горбачёва участились высказывания, которые он делает за границей и в России, касающиеся внутреннего положения страны, хода экономических реформ, проблем государственного строительства.

Говорили, что у Александра Николаевича Яковлева, вице-президента Горбачёв-Фонда, тогда же вообще отняли машину.

Через две недели, 19 июня 1992 года Горбачёв с супругой совершали турне по странам Ближнего Востока. В Израиле его встречали необыкновенно тепло. Михаил Сергеевич стал почётным доктором философии университета им. Бар-Илана, лауреатом премии за содействие делу мира на Ближнем Востоке, кавалером „Медали мира“ от университета Бен-Гуриона (до него этой награды удостоились лишь двое — премьер-министр Израиля Бегин и президент Египта Анвар Садат). Плюс к этому именем Горбачёва называли сорт израильского картофеля.

В это время в Москве, у дома № 55 по Ленинградскому проспекту было устроено пикетирование. Сотрудники фонда вызвали милицию, которая „распечатала“ здание. Но люди не расхотелись, они требовали „выгнать приспешников Киссинджера и Коля, захвативших партийную собственность“ и привлечь Горбачёва к уголовной ответственности за измену Родине и развал страны».

Прошло ещё некоторое время, и Михаил Сергеевич в Италии начал критиковать Бориса Николаевича. И, как мне рассказывал начальник контрольно-ревизионного управления (КРУ) Минфина, Ельцин дал указание разобраться с работой Фонда Горбачёва — ладно в Москве бурчал, так в Италию поехал и там критикует!

Комиссия пришла в ужас от увиденного — почти все площади были сданы в аренду. Сотрудники фонда оставили себе лишь несколько кабинетов. Сам Михаил Сергеевич сидел в кабинете, который я заняла, став президентом университета. Соответствующая заметка появилась в популярной газете «Московские новости», в ней говорилось, что собранные фондом средства тратятся на зарубежные командировки и лечение их главы. Прочитав заметку, я как советский человек понимала, что помещение теперь у него отберут точно. И решила: «Теперь уж я никому это здание не отдам!»

В Администрации же мне сказали, что я опоздала: комплекс за столбили за собой коммерческие банки. Помню, что дом 55, в частности, был выделен Нефтехимбанку. Хотя возглавляли их мои бывшие студенты, я решила, что им ничего не достанется. Они богатые, построят себе здания с нуля, а перестраивать готовые учебные помещения я не дам!

Крот истории: *«За сдачу в аренду здания Фонд попросил у Нефтехимбанка достаточно большую сумму в качестве помощи и передачу ему части акций банка. Когда после Указа Президента № 1184 (о котором вскоре пойдёт речь) к „арендатору“ с проверкой пришло КРУ Минфина, оказалось, что у Фонда не было никаких прав заключать договоры о какой бы то ни было аренде. Поэтому или просто от невысокой финансовой грамотности руководство Фонда не регистрировало подписанный договор. Наивность обеих сторон поражает, юристы Нефтехимбанка тоже не посчитали нужным посмотреть правоустанавливающие документы партнёра. Однако деньги не были переведены (просто не успели это сделать). В одном из кабинетов, занимаемых Фондом, были обнаружены и акции, их*

переход также не был зарегистрирован. Так что все остались при своих.

Столь вольное распоряжение чужим имуществом со стороны юриста Горбачёва встречалось и ранее. Вот рассказ бывшего заместителя председателя правления Агропромбанка СССР Юрия Владимировича Трушина».

Трушин Ю. В.: *В 1990 году мы очень плотно работали с А. И. Вольским. Дело в том, что Аркадий Иванович в 1988–1990 годах возглавлял Комитет особого управления Нагорно-Карабахской автономной областью, а у Агропромбанка СССР там в каждом районе было своё отделение. Таким образом, мы хранили все резервные денежные фонды, находящиеся в области. Осуществляя контроль за работой отделений, я регулярно выезжал в Карабах, даже когда там происходили боевые действия. Это сблизило нас с А. И. Вольским.*

Когда он вернулся в Москву и стал президентом Научно-промышленного союза СССР, мы с ним обсуждали возможность приобретения для Агропромбанка СССР и Россельхозбанка своего помещения. Нам приходилось делить площади на улице Неглинной с Госбанком СССР. В результате Аркадий Иванович, бывший в близких отношениях с Михаилом Сергеевичем Горбачёвым, предложил нам посмотреть бывшее здание банка, входящее в комплекс домов на Старой площади, занимаемых ЦК¹. Как оказалось, там сохранились даже старинные банковские сейфы и хранилища. Просили с нас 300 миллионов рублей. Заявлялось, что деньги будут направлены на развитие крестьянских фермерских хозяйств.

Мы подготовили письмо на имя президента СССР и в августе 1991 года пошли к нему на встречу. Так как в этот день проходило заседание правительства, нам предложили прийти в полдевятого утра. На Старой площади в приёмной генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачёва на третьем этаже собрались А. И. Вольский, председатель Агропромбанка СССР А. А. Обозинцев и я. Утром встретиться с нами Михаил Сергеевич не успел, уехал на заседание, было велено ждать. Ждали мы до наступления темноты, всё это время нас держали в неведении.

Тем временем на заседании правительства произошло выяснение отношений по Союзному договору, и расстроенный Горбачёв, не заезжая

¹ Разговор шёл о здании Посольского подворья по адресу ул. Ильинка (тогда ул. Куйбышева), д. 12. В нём до революции 1917 года на втором и третьем этажах располагались банки: Сибирский торговый и Русский для внешней торговли.

на Старую площадь, укатил домой, а на следующий день улетел отдыхать в Форос¹. Нас при этом успокоили: оставляйте письмо, договорённость остаётся в силе.

После путча мы должны были радоваться, что всё так сложилось и мы спаслись от бессмысленных трат. Так как понимали, что наша покупка была бы аннулирована и деньги не удалось бы вернуть.

Однако оставленное на столе Горбачёва письмо после путча попало в прокуратуру, и нас стали туда регулярно приглашать. Только я был на допросах раз десять! Нас пытались уличить в сговоре с ЦК КПСС и уводе денег партии. Хорошо, что нам удалось доказать, что сделка не состоялась»².

Доложили о ситуации Ельцину, он тоже удивился и спросил: «А что же она молчала?!» Мои доброжелатели ответили: «Она порядочный человек, не хотела интриговать!»

В парламентской речи 6 октября Борис Николаевич пообещал разобраться с переданным некоторым коммерческим структурам и фондам имуществом. Первой жертвой твёрдого слова президента стал Михаил Сергеевич.

Мои доводы убедили президента, и он принял решение: «Так, если Горбачёв 7 октября придёт на конституционный суд, я подпишу передачу вам комплекса 8 октября, если не придёт — седьмого!»

В этот день посольство ФРГ презентовало своё новое здание, на это мероприятие пригласили и меня. Приехала я туда с небольшим опозданием и при входе столкнулась с уходящими Михаилом Сергеевичем и Раисой Максимовной. Мы перебросились парой слов и разошлись.

В зале ко мне подбежал Серёжа Долгов из Института внешней торговли и поздравил: «Алла Георгиевна, ну ты даёшь, такое здание от-

¹ По рассказам А. А. Обозинцева, президенту позвонила жена и скомандовала: «Завтра уезжаем в отпуск, немедленно приезжай домой!» Он безропотно выполнил указание.

² Такую же операцию первый и последний Президент СССР проделал и с Госбанком СССР и Сбербанком СССР. С последним управляющий делами ЦК КПСС в июле даже подписал договор на приобретение 11 000 кв. м. Он, правда, не успел войти в силу. Возможно, это был соседний дом 10, в котором когда-то находился Московский торговый банк знаменитого промышленника, банкира, биржевика, энергичного общественного деятеля, писателя, знатока Москвы Н. А. Найдёнова. Но не исключено, что продавался один и тот же дом.

хватить!» Я ответила, что ничего ещё не знаю, но коллега не поверил в это, решив, что я притворяюсь.

Оказалось, о свершившемся прошла информация по радиоканалу «Маяк».

Через некоторое время я встретила возбуждённого заместителя директора Института Европы Володю Шенаева (нашего выпускника), который поведал мне: «Что за безобразие! Вы из маленького института сделали такую классную академию! Зачем создавать ещё одну финансовую академию при Правительстве и отдавать ей такие здания!»

После этого я запуталась окончательно. Но вернувшись домой, услышала отповедь уже проинформированного мужа: «Так, я теперь знаю какие секретные дела ты вела! Ездил к Ельцину и, как Зоя Космодемьянская, молчала обо всём!» Пришлось ему ответить: «Твоя школа, ты же работаешь на закрытом предприятии и о своей работе никогда не распространяешься!» Тогда супруг мне раскрыл глаза, сказав, что нашу академию переименовали и теперь она будет именоваться «Финансовая академия при Правительстве РФ».

Получив Указ Президента № 1184 «О мерах по подготовке кадров обеспечения деятельности финансово-банковской системы», я убедилась, что готовили его на скорую руку, и чтобы в дальнейшем не было сложностей, попросила исполнителей оперативно его переделать.

В нём всё-таки говорилось: «Преобразовать Государственную финансовую академию Министерства науки, высшей школы и технической политики Российской Федерации в Финансовую академию при Правительстве Российской Федерации».

Финансовой академии при Правительстве Российской Федерации с привлечением Российско-Американского банковского форума и зарубежных специалистов обеспечить разработку Государственной программы на период 1992–1995 гг. по подготовке кадров для финансово-банковских учреждений всех форм собственности, а также организовать систему переподготовки кадров для работы в условиях рыночной экономики».

Указ Президента России отменял его же распоряжение, оставляя возможность сотрудникам фонда Горбачёва на договорных началах пользоваться услугами хозяйственного управления Администрации Президента, а самому фонду — арендовать у Финансовой академии помещение площадью не более 1000 кв. м (нижний предел и правила

аренды не указаны). Причём в отведенные площади входила и площадь автомобильной стоянки. Ранее сотрудники фонда занимали 3500 кв. м.

Крот истории: *«В Указе говорилось: „Государственному комитету Российской Федерации по управлению государственным имуществом принять на свой баланс комплекс зданий (г. Москва, Ленинградский проспект, дом 49–55) и имущество, переданное в пользование Международному Фонду социально-экономических и политологических исследований („Горбачёв-Фонд“); дачный посёлок „Новое Нагорное“ (г. Пушкино, Московская область); общежитие (г. Москва, ул. В. Ульбрихта, д. 15 а), другое имущество, ранее находившееся на балансе Фонда социально-политических исследований по состоянию на 1 октября 1992 г., с последующей передачей их в установленном законом порядке в полное хозяйственное ведение Финансовой академии при Правительстве Российской Федерации“».*

«Вчера утром сотрудники фонда Горбачёва не были допущены на работу. Не назвавшийся милиционер сообщил, что приказ был отдан шефом московской милиции Аркадием Мурашевым. Горбачёв назвал действия властей „демонстративным произволом“».

Кирпичников Алексей. Ельцин — Горбачёву: позвольте вам выйти вон // Коммерсантъ. 09.10.1992.

Крот истории: *«Пресс-секретарь Горбачёва лишение шефа халявного заработка описал эпически. Правда, приписав, видимо, для большего сочувствия к современному королю Лиру, ампиловскую массовку, появляющуюся в этой „трагедии“ в июне».*

Грачёв А. С.: *«Операция была осуществлена с помощью внушительной группы вооруженных милиционеров и омоновцев, блокировавших на расвете 13 октября центральный вход в здание, и прибывшими почти одновременно с ними пикетчиками РКРП ампиловской „Трудовой России“. Приехавшего на работу Горбачёва пикетчики встретили криками „предатель“, милиция не пропускала его в „реквизированное“ здание, а собравшаяся перед подъездом российская и мировая пресса с наслаждением интервьюировала бывшего президента, обращавшегося к ней с крыльца и вполне естественно вошедшего в роль политического диссидента и правозащитника. На вопрос журналиста, как он оценивает отношение к нему главы Российского государства, Михаил Сергеевич ответил без обычной дипломатии: „как дерьмовое“. Конфликт в конце концов*

удалось урегулировать не силовым, а юридическим путем: в отобранном помещении Фонду было позволено снять несколько комнат для самого Горбачёва, его сотрудников и, что ценнее всего, для его архива».

Крот истории: «По-иному, но тоже перепутав последовательность событий, описывает эту историю бывший советник Горбачёва Георгий Хосроевич Шахназаров:

8 октября 1992 года, отправившись, как всегда, утром на работу, я был удивлен тем, что уже в туннеле на выходе из станции метро „Аэропорт“ скопилось необычное количество людей, причем не разрозненных, а явно организованных. Они переговаривались между собой, возбужденно жестикулируя, явно готовились к какому-то действию. Перед самим зданием Фонда также собралась толпа в несколько сот человек. Дом был оцеплен. Стоявшие у дверей милиционеры не пропускали никого внутрь. Потолкавшись несколько минут, я увидел в сторонке наших машинисток. Напуганные происходящим, они рассказали, что, придя на работу, застали „пикет“, а милиция, видимо извещенная заранее, взяла здание под охрану. К нам подошел Георгий Остроумов, и уже с его слов я узнал, что организованную часть пикетчиков составляют рабочие какого-то ленинградского завода, прибывшие в Москву утренним поездом; к ним присоединились местные зеваки и бомжи, каких всегда в достатке вокруг станций метро. Среди демонстрантов было несколько женщин, переминавшихся с ноги на ногу, явно не ведающих, что делать дальше. Мужики, изрядно подогретые, галдели, время от времени выкрикивая невнятные лозунги и грозя расправиться с врагами трудового народа.

Остроумов сообщил, что Горбачёв „в курсе“, поставлены в известность по телефону и вице-президенты — Яковлев и Ревенко. Оба не изъявили готовности броситься на выручку, пообещав „выяснить, в чём дело“. Нам с Остроумовым пришлось, что называется, ложиться на амбразуру. Порасспросив пикетчиков, нашли вожака — им оказался высокий, худощавый парень лет двадцати пяти с открытым симпатичным русским лицом. Я обратился к нему с вопросом, чего они добиваются, подняв эту шумиху. В ответ услышал нечто вроде „прижать вашу кофлю к ногтю“. Столпившиеся вокруг нас демонстранты поддержали его одобрительными возгласами, раздались угрозы „намять бока этим сволочам“. Почувствовав, что без драматических жестов не обойтись, я сказал:

— А ну-ка перестаньте орать и не пугайте, не на тех напали! Вас, ребята, ещё на свете не было, когда я воевал с фашистами, и я вам не какой-то лавочник, к которому вы пришли качать права, а член-корреспондент Российской академии наук. Будете буянить, вызовем милицию.

— Милиция с нами! — выкрикнул кто-то.

— Не думаю. Разберутся, что к чему, вас же и призовут к ответу за нарушение общественного порядка, — сказал я, не слишком веря в тот момент в такую благостную перспективу. Но твердый тон подействовал, встретив отпор, революционный пыл поугас, толпа начала редеть.

— Так что давайте разговаривать по-человечески, — продолжил я.

— А чего разговаривать, — выпалил вожак, — наше дело маленькое.

Это была явная „подставка“.

— Значит, вы не сознательные борцы за правду, а приехали и шумите по чужой воле, так?

Он замялся.

— Выкладывай, друг, сколько вам заплатили за эту поездку, что пообещали... Билеты вам, конечно, купили, автобус подали на пред-приятие, вот вы и решили, отчего не прокатиться в Белокаменную.

Он кивнул своим, чтобы расхотелись. Те отошли нехотя, их, видно, тоже заинтересовал оборот, какой приняла наша беседа. Когда мы остались втроем, парень признался, что так все и было.

— Но вы не думайте, что нас купили. Нам сказали, что Горбачёв укрывает в Фонде партийную кассу, а народ голодает.

— Вас обманули, никакой кассы здесь и в помине не было, — сказал я. — Это ельцинская шпана, пришедшая к власти, чужими руками хочет жар загрести. В данном случае добить Горбачёва и захватить вот это здание, — кивнул я на мощную колоннаду. — А вам что, по кирпичу из него обещали?

— Ничего нам не обещали! — возразил он возмущенно.

— Тем более. Пока здесь не разразился скандал, после которого тебя же за устройство беспорядка потащат в милицию, собирай свою команду, и езжайте вы, ребята, в Ленинград, не срамите рабочую честь. У вас когда обратный поезд? — Оказалось, где-то около пяти. — Вот и хорошо, погуляете, полюбуетесь Москвой, может, покупки какие, и домой.

Он кивнул, отошел, посоветовался со своей гвардией, и через несколько минут они скрылись в тоннеле метро. Остались зеваки да несколько фондовцев, ожидавших результата переговоров. Разобравшись с народом, мы пошли разбираться с властью. Кое-как уговорили стражников у ворот пропустить для беседы с „главным“, руководившим всей этой операцией. Войдя наконец внутрь, узнали, что в этой роли выступает не кто иной, как сам „обер-полицейстер“ Москвы Аркадий Мурашов.

<...> Аркадий Николаевич не сумел долго удержаться на этом посту, но в тот момент переживал пик своей революционной карьеры, был вальяжен, разговаривал со мной даже милостиво. Сразу согласился пустить фондовцев, топтавшихся у порога здания, отдать ключи от комнат.

Когда я поинтересовался, на каком основании произведен этот захват вполне мирного гражданского учреждения, он ухмыльнулся и, зыркнув в потолок, сказал:

— Есть распоряжение. <...>

Потолкавшись ещё несколько часов по фондовским закоулкам и порывшись в сейфах, полицеймейстер со своим войском удалился. Если они искали сногшибательный компромат на Горбачёва, то не нашли, зато присмотрелись к зданию и, может быть, даже составили опись имущества на предмет последующего захвата в собственность мэрии. <...> Гавриил Попов, Юрий Афанасьев, Эдуард Бурбулис, Егор Гайдар и немало других из ельцинского интеллектуального окружения подхватили монументальные постройки, возведенные для нужд идеологических учреждений КПСС. Сдавая почти две трети просторных территорий под салоны мебели или автомобилей, они могут безбедно существовать до скончания дней своих.

Допустить, чтобы таким же образом устроился Горбачёв со своим Фондом, Президент России, конечно, не мог: не отпускала жажда добыть соперника».

Шахназаров Георгий «С вождями и без них».

Крот истории: «Горбачёв относит эти события вообще на 15 октября и сообщает, что узнал о своей пропаже только 14 октября вечером — позвонил ему из Франции писатель Владимир Максимов и сообщил, что французское телевидение передало информацию о выселении Горбачёв-фонда по указу Ельцина. Удивительное свойство бывшего президента страны — узнавать обо всех важнейших событиях последним!»

Горбачёв М. С.: *«Утром приехал к зданию Фонда и увидел, что оно оцеплено милицией, как какое-то шпионское гнездо. Тут же подъехал Аркадий Мурашов. Знаете, мне показалось, что ему стыдно участвовать в этой акции, он просил меня не переживать и не делать далеко идущих выводов.*

Первая реакция, конечно, эмоциональная: неужели это „бесовство“ происходит по воле властей? Но, хотя я человек эмоциональный, я всегда владею своими чувствами. Поддаваться в такой ситуации панике, растерянности недопустимо. Так вот, когда я увидел милицию, возбужденных сотрудников и толпу журналистов, первое, что я сказал: „давайте успокоимся“. Давайте успокоимся и попытаемся понять, что же на самом деле случилось, потому что меньше всего я хотел бы расширения этого конфликта».

Проблем с выселением арендаторов практически не было, со всеми я нашла общий язык. Повозиться пришлось только со зданием под № 53. Горбачёв заключил очень непрозрачный договор с некой американской фирмой, взявшийся его отремонтировать. Сделать это они должны были, израсходовав до 4 млн долларов. При эксплуатации здания партнёры могли компенсировать затраты. Им позволялось также получить 20 % прибыли. После этого бизнесмены планировали делить прибыль пополам. В договоре было ещё одно занимательное условие: если американцы через 25 лет захотят отказаться от контракта, то они имеют право это сделать, но если нет, то российская сторона не имеет прав на разрыв отношений!

Вот такие бизнес-комбинации. И это при том, что публично объявлялось, что Фонд Горбачёва финансируется только за счёт средств учредителей, добровольные пожертвования и личные деньги Горбачёва. На это шли якобы гонорары от опубликованных за границей книг. Но одновременно Михаил Сергеевич заявлял, что все поступления от его публикаций шли целиком детским больницам.

В уставе фонд был охарактеризован как бесприбыльный, то есть он не имел права заниматься коммерческой деятельностью с целью приобретения прибыли для себя.

Я сразу заявила, что не за это боролась, компенсацию с прибылью партнёры получают, но с остальными условиями я не согласна. Не буду описывать детективную историю борьбы с иностранными жуликами, скажу только, что я победила, хотя мне понадобилось на это несколько лет.

«Заместитель председателя Госкомимущества России уведомил Фонд о необходимости передать средства, полученные последним от эксплуатации государственного имущества с января, то есть с момента основания, по октябрь нынешнего года в собственность Финансовой академии, которая и так уже получила, согласно указу Ельцина, львиную долю помещений и имущества Фонда. Таким образом, академия, заручившись поддержкой Госкомимущества, претендует на всю сумму, которую заработал Фонд за период своей деятельности».

Притязания Госкомимущества к Фонду Горбачёва // Эфир-Дайджест. 08.12.1992.

Была история и с Михаилом Сергеевичем, он пришёл ко мне и спросил: «Ну, теперь вы меня выселите из кабинета?» Я ответила, что нет, более того, готова оставить им стоимость аренды, установленную при передаче им зданий. А она была мизерной. Для него это было сюрпризом. В результате соседствовал с нами Горбачёв несколько месяцев.

Георгий Хосроевич Шахназаров в своих воспоминаниях объективно оценивает происходящие события:

Шахназаров Г. Х.: *«Кто-то из окружавших Ельцина интриганов, угадывая страстишки шефа, подкинул мысль воспользоваться отказом Михаила Сергеевича явиться по вызову Конституционного суда для дачи свидетельских показаний на процессе коммунистической партии.*

Признаюсь, я был в числе немногих, советовавших ему использовать эту трибуну для изложения своей оценки всего случившегося со страной. В то время его не печатали, наглухо перекрыли доступ к радио и телевидению, только иностранные агентства изредка доносили до нашего общества мнение советского президента. А тут шанс говорить на всю страну... <...>

Сочувствуя шефу, мы не сомневались, что режим не осмелится доставить его в суд „приводом“ в сопровождении двух дюжих милиционеров — побоятся резко негативной реакции Запада, с которым флиртовал Козырев. Зато на всю катушку постараются уцепиться за этот предлог, чтобы наказать Михаила Сергеевича. Так и случилось. С неделю-другую стыдили в официозной печати за недостаток гражданского мужества, уличали в причастности к „преступлениям Компартии“, попытались сорвать поездку в Италию. А затем нанесли главный удар — росчерком пера Ельцин отнял у Фонда здание, обязав

нового владельца выделить нам 800 кв. метров площади с соответствующей арендной платой. Из солидного домовладельца Фонд превратился в бедного квартиранта. Единственным для нас утешением было то, что здание отдали не очередным жуликоватым приватизаторам, а серьёзному учебному заведению, вполне заслуживавшему такого подарка. К тому же ректор Финансовой академии Алла Георгиевна Грязнова, умная и энергичная женщина, с самого начала установила для фондовцев режим благоприветствования.

Сильно ужавшись, наш коллектив по-прежнему чувствовал себя дома. Но Фонду теперь пришлось изо всех сил бороться за существование, потому что на его шею была накинута финансовая петля-удавка.
<...>

Пришлось Михаилу Сергеевичу провести очередное болезненное сокращение штатов, оставив 10–15 творческих работников, в основном давних своих соратников, да и тех переведя на договор. К минимуму был сведен технический персонал. Все равно содержание и этого небольшого коллектива требовало чрезвычайного напряжения сил. Мы помогли Михаилу Сергеевичу в подготовке текстов, он без усталости развезжал по свету, чтобы заработать деньги на содержание своего Фонда, а жёлтая наша печать ехидничала по поводу того, что бывший президент якобы ударился в накопительство, то и дело появлялись утки о приобретенных им несметных драгоценностях для Раисы Максимовны, дворцах и виллах с бассейнами».

Шахназаров Георгий «С вожжами и без них».

Но однажды я узнала, что Горбачёв раздаёт интервью, что нуждается в средствах, т. к. с него берут ужасную арендную плату в долларах. После этого я предложила Фонду платить столько, сколько он объявил публично. Михаил Сергеевич пытался оправдаться, но мне его объяснения уже не были нужны. Вскоре он наше здание покинул.

Крот истории: «В декабре сообщалось, что во время визита канцлера ФРГ Гельмута Коля в Москву была достигнута предварительная договоренность о передаче в пользование „Горбачёв-фонду“ комплекса зданий бывшего торгпредства ГДР в центре Москвы.

А Михаил Сергеевич в интервью радио Би-би-си объяснял свою активность тем, что в стране, которой он руководил в течение шести с половиной лет, прожить на пенсию практически невозможно. За месяц семейный бюджет поглощал у него 3900 рублей. Руководи-

тель фонда жаловался — как пойдешь в магазин, так полтысячи положи. „Надо, надо зарабатывать доллары!“ — восклицал он в интервью, потрясенный магазинной скудостью».

Всё для Михаила Сергеевича окончилось хорошо: за деньги, предоставленные спонсорами, в первую очередь иностранными, заработанными рекламой, лекциями, книгами, Горбачёв купил и перестроил для Фонда новые здания.

А наш Университет получил новую возможность развивать свою деятельность.

В ГОСТЯХ У РЕКТОРА

Крот истории: *«Будущий финансист, видимо, должен не только владеть глубокими профессиональными знаниями, но и быть всесторонне образованным, интеллигентным, честным и порядочным. Образ сухаря в нарукавниках уже не знаком молодёжи. Как Вы стараетесь воспитывать ваших ребят?»*

Поэтому в процессе обучения мы делали особый упор на морально-нравственные аспекты и уделяли большое внимание гуманитарным дисциплинам. Постижению культурных ценностей способствует участие студентов в регулярно проводимых творческих встречах «В гостях у ректора», куда приглашались видные учёные, специалисты с мировым именем, мастера искусств и литературы.

И сами студенты проявляют творческую активность: в академии работало три театральных студенческих коллектива, хореографическая студия и вокальная студия «Вдохновение», джаз-ансамбли и вокально-инструментальные ансамбли.

Я ввела обязательные игры «КВН» —они здорово развивают ребят. Причём на дуэль порой выходили на равных команды студентов и преподавателей. Потом у нас стали проводиться тематические профессиональные игры «Что, где, когда?» Ребята сами составляли вопросы. Однажды они принесли их мне. Я удивилась: «Неужели вы думаете, что на них кто-то ответит?!» И тем не менее ответы находились. Стали приглашать команды и из других вузов.

В Академии функционировал созданный по инициативе студентов «Клуб политического диалога», «Клуб отличников», «Дискуссионный клуб по социологии».

Проводились профессиональные конкурсы и ежегодные музыкальные шоу «Мисс Академии» и «Мистер Академии», то есть бур-

лила интересная студенческая жизнь, формирующая разносторонние личности.

Мельник М. В.: *«Алла Георгиевна настояла на справедливости и сказала, что нам нужен и «Мистер Академии». И не было случая, чтобы перед организацией какого-то конкурса ребята не пришли к Алле Георгиевне и не попросили её посмотреть последний прогон».*

Практически на всех кафедрах постоянно работали научные студенческие кружки, ежегодно проводилась общеакадемическая «Неделя науки». Студенты активно участвовали в региональных и международных студенческих конкурсах, неизменно занимая призовые места.

Вместе с этим я в Финансовой академии начала постоянно организовывать встречи с известными выпускниками, любимыми преподавателями и просто интересными людьми.

Крот истории: *«Что Вы считаете основой в своей системе формирования образованного финансиста?»*

Понимая, что становой хребет интеллигента всё-таки делает классика, я своей задачей поставила привлечение к ней студентов. Я понимаю, если их позвать на дискотеку, то они непременно придут, а если, например, на концерт корифея оперной сцены, то могут и проигнорировать. Смиряться с этим я не собиралась, поэтому организовывая в институте литературно-музыкальный лекторий «В гостях у ректора», первой пригласила Елену Образцову. Как и ожидалось, пришло 500 человек. Когда же я их спросила: «Скажите честно, вы на Образцову пришли?» То получила откровенный ответ: «Алла Георгиевна, вы нас учили не врать. Так не заставляйте говорить правду! Вам это будет неприятно!» Понимая, что пришли они из уважения ко мне, как к ректору, но продолжила настаивать. Говорю, что выдержу самую горькую правду. И тогда они сказали фразу, которую я умирать буду, не забуду. «Что нам смотреть на эту холодную красавицу XIX века!» Я стала их убеждать: «То, что она красавица, согласна! Но какая же она холодная?! Это потрясающая женщина! Женщина-огонь! Могу согласиться и с XIX веком, если вы добавите XX и XXI века! Сегодня вы в этом убедитесь!» Сказала, а про себя думаю: «Подождите, ребятки! Я вас сегодня пройму!»

Мы с Еленой вместе сели в кресла за журнальный столик на сцене (так я стала поступать и на всех последующих встречах) и стали разговаривать с ней о жизни: о том, как моя гостя стала певицей, что было самое интересное в её творческой биографии.

Образцова оказалась дивным рассказчиком, прекрасно владеющим русским языком. Очень быстро между сценой и залом растаяло недоверие, мои студенты сидели заворожённые. Чтобы совсем завоевать скептиков, зная темперамент Елены, я попросила её рассказать несколько комических и трагических эпизодов из её жизни. Моя собеседница легко приняла это предложение и начала: «Помню пою я партию Дездемоны, душит меня Отелло. Сделал своё дело, наблюдает за результатом своего труда. Я, естественно, жду, когда закроется занавес, т. к. петь мне уже не надо. Одновременно чувствую, что у меня затекает нога, я её неудобно расположила. Считаю, что здоровье важнее реалистичности, начинаю ногу потихонечку выдёргивать! Отелло понимает, что работу свою не довершил и начинает душить меня повторно. Зал умирает со смеху, я тоже уже не могу терпеть, но воспользовавшись случаем, переворачиваюсь и освобождаю ноги. Но теперь начинает затекать рука. А занавес всё не закрывается! Дальше уже скрывать свое положение не было необходимости, в зале не было ни одного человека, не умирающего от смеха».

Когда после этого рассказа Елена Образцова стала петь арию за арией, то все видели, как эта элегантная женщина на высоких каблуках превращается на их глазах то в юную тонкую изящную Офелию, то в старуху Пиковую даму с потухшим взглядом, дрожащими руками и ногами. Я понимала, что Елена — блестящая актриса, но в тот момент мне стало её жалко, мне показалось, что она вот-вот упадёт. Я сидела на первом ряду и уже была готова поймать пушкинскую героиню.

Зал был окончательно повержен. Аплодисменты долго не заканчивались.

Но и этого мне было мало, я решила до конца влюбить ребят в эту удивительную женщину. Я попросила накрыть столы в кафе. Поставить на них клюквенный напиток, пирожки и бутерброды. И пригласила студентов от имени Елены Образцовой на лёгкий фуршет.

Первый тост я предложила произнести нашей гостье. Она же спросила меня: «А можно, я анекдот расскажу?» Никто не был против. Елена оказалась кладезем анекдотов. Она их выдала целую серию. Очередной же рассказала мне на ушко, смущать студентов она не решила. Я расхохоталась и получилось, что мой смех — это задержанная реакция на первые анекдоты. То есть кто-то мог подумать, что у меня нет чувства юмора и сказанное доходит до меня, «как до жи-

рафа». В свою защиту я попросила проректора Сумарокова, тоже весёлого человека: «Валера, расскажи что-нибудь в зал, займи паузу!» Елена же продолжает мне нашёптывать солёные анекдоты.

Когда наши студенты уходили, то говорили: «Алла Георгиевна, как вы были правы! Пригласите Елену Васильевну ещё!» Для меня это было лучшей наградой.

А такие встречи стали проходить регулярно, раз в месяц. Организовывала я их 15 лет! У нас побывали практически все певцы-солисты Большого театра, театров Станиславского и Немировича-Данченко и Оперетты, многие артисты драматических театров: Вахтанговского, «Современника», МХТ и МХАТа. И многие другие. Не гнушались мы и эстрадой. Нашими гостями были Лариса Долина, Муслим Магомаев, Олег Газманов... Конечно, Иосиф Кобзон, наш постоянный друг.

Одним из первых приглашённых был молодой и малоизвестный Николай Басков. Вихрастый, симпатичный блондин. Позвонить ему мне посоветовала прекрасный музыкант Галя Преображенская, ведущая телепрограммы «Романсиада». Она часто помогала мне вести наши концерты. Почти юного исполнителя она назвала «будущим Карузо». Я боялась за него, он должен был выступать вместе с Зурабом Соткилавой — не подвести бы парня. Но Ирина была уверена в нём. И действительно, Басков всем понравился, особенно, конечно, студенткам. Тогда я поняла, насколько он глубокий человек; нынешняя легковесность, по-моему, наносная, искусственная. После той премьеры у нас Николай выступал в академии ещё раз 15. Причём всегда бесплатно!

Однажды мне захотелось, чтобы студенты узнали и старых исполнителей. Я на игру «Что, где, когда?» принесла мембрану от патефона, предложив студентам отгадать, что это такое.

Обсуждение позволило завести мой старый агрегат и проиграть несколько пластинок из «старого сундука», на которых пела Изабелла Юрьева.

А потом я пригласила в институт Аллу Баянову. Ей тогда уже было почти 90 лет, но голос у неё оставался прекрасным. Концерт удался.

Мы создали «Литературно-музыкальный лекторий».

Ребята жаждали после каждого мероприятия проводить дискотеку. И я не противилась этому, считаю, что ребятам надо побеситься, им нужен выход энергии.

Но! Я им рассказывала, что когда писала кандидатскую диссертацию и обследовала для этого текстильные фабрики, то узнала, что ткацкие станки создают шум громкостью 70 децибел и это очень плохо влияет на нервную систему. Проводили даже конкурсы на лучшие ушные антифоны, для уменьшения шумового эффекта. Победили антифоны системы Котлярова.

На дискотеках звук достигает 130 децибел!

...

СОДЕРЖАНИЕ

Оправдание как форма предисловия	3
Моё счастливое детство	5
Фундамент. Мои предшественники, мои родители	5
Мои первые воспоминания. Война...	8
Преждевременная юность	15
Дом и двор, где мы жили и росли	17
Школьные годы чудесные	22
Первый раз в первый класс....	22
Приобщение к прекрасному	28
И ещё о важном	28
Учёба в техникуме	32
История института, мои предшественники	38
Учёба в Московском финансовом институте	42
Мои учителя	64
Мариам Семёновна Атлас	65
Сарра Бенционовна Барнгольц	75
Начало работы. Райком ВЛКСМ.	85
Студенты и аспиранты.	90
Золотой фонд института	90
Как отобрать лучших, как из них сделать звёзд	107
Возвращение в Московский финансовый институт	115
Расширение масштабов	126
В гостях у ректора	146

А. Г. Грязнова, Н. И. Кротов

**Неоконченные беседы
с Мэтром**

Художник В. Плохенко

Подписано в печать 15.11.2022.
Формат 60×90 ¹/₁₆. Гарнитура Newton.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 9,5. Заказ №

Отпечатано с оригинал-макета
издательства «Экономическая летопись»